

ISSN 0131-6117

Русе-

R U S S I A N

СЕРДЦА

S P E E C H

РЕЧЬ

МОСКВА, 2021

5

СЕНТЯБРЬ—
ОКТЯБРЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания
А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**

Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2021

ISSN 0131-6117

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

MOSCOW, 2021

5

**SEPTEMBER -
OCTOBER**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: **Olga V. Antonova**

Editorial staff: **Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... *О. В. Антонова*. Особенности реализации инициальной фонемы /j/ в русском языке в формах личных местоимений *им, ими, их*
- 22..... *Е. Л. Березович, В. С. Кучко*. Откуда взялись *грибы* в фигурном катании: к мотивационной интерпретации рус. жарг. *грибы* 'незаслуженно высокие баллы'
- 40..... *Е. С. Громенко*. Новые сложные слова с компонентами *корона-* и *ковид-* в русском языке (словообразовательный и нормативный аспекты)
- 55..... *Б. Л. Иомдин, Д. А. Морозов*. Кто поймет «Незнайку»? Автоматическое определение сложности текстов для детей
- 69..... *О. А. Шарыкина*. О принципах отбора слов для «Толкового словаря русской разговорной речи»

Из истории русского языка

- 79..... *Ю. А. Артамонов, А. А. Гиппиус*. Идеал писца: надпись дьяка Остафия в Софии Константинопольской и русские книжные маргиналии XV в.
- 95..... *А. А. Плетнева*. Подписи к изображениям святых: орфография имен собственных

Язык художественной литературы

- 108..... *М. Е. Мошков*. Дискурсивные слова и частицы в авторском переводе
- 118..... *М. А. Фокина, Л. А. Ермакова*. Семантические доминанты в повести Н. А. Некрасова «Жизнь Александры Ивановны»

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Olga V. Antonova*. The Initial Phoneme /j/ in Russian Language in the Forms of Personal Pronouns *im, imi, ikh* ('them')
- 22..... *Elena L. Berezovich, Valeria S. Kuchko*. Where Did Mushrooms Come From in Figure Skating: On Motivational Interpretation of the Russian Jargon *Griby* 'Undeservedly High Scores'
- 40..... *Elizaveta S. Gromenko*. New Compounds with *Corona-* and *Covid-* in Russian Language (Word-Formation and Normative Aspects)
- 55..... *Boris L. Iomdin, Dmitry A. Morozov*. Who Can Understand "Dunno"? Automatic Assessment of Text Complexity in Children's Literature
- 69..... *Olga A. Sharykina*. On the Principles of Word Selection for the Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech

From the History of the Russian Language

- 79..... *Yurii A. Artamonov, Aleksei A. Gippius*. The Ideal Scribe: Clerk Ostafy's Graffito in St. Sophia, Constantinople and the 15th Century Russian Book Marginalia
- 95..... *Aleksandra A. Pletneva*. Captions to Images of Saints: Spelling of Proper Nouns

The Language of Fiction

- 108..... *Maxim E. Moshkov*. Discursive Words and Particles in the Author's Translation
- 118..... *Madina A. Fokina, Liubov A. Ermakova*. Semantic Dominants in N. A. Nekrasov's Novella "Life of Alexandra Ivanovna"

Особенности реализации инициальной фонемы /j/ в русском языке в формах личных местоимений *им, ими, их*

Ольга Валентиновна АНТОНОВА, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), ovantonova@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170017236-8

АННОТАЦИЯ: Настоящая работа посвящена изучению одного из аспектов реализации /j/ в русском литературном языке, а именно поведению инициального йота в особой позиции — перед [и] в формах местоимений *их, им, ими*. В конце XIX — начале XX вв., по мнению большинства исследователей, в этих формах перед начальным [и] произносился йот (если местоимение выступало в качестве отдельного фонетического слова) или *и* неслоговой: [јим], [јими], [јих] или [ѣим], [ѣими], [ѣих] (однако данные научной литературы того времени позволяют предположить: возможно, что и ранее нуль в этой позиции встречался чаще, чем это отмечено исследователями). Некоторыми учеными высказывалось мнение, что инициальный /j/ в непринужденной речи носителей языка в указанный период предшествовал любым гласным переднего и передне-среднего ряда, в частности [и] и [э]. В статье анализируются научные взгляды ученых на эту проблему в XX в., а также проводятся параллели с поведением /j/ в диалектах. Устанавливается, что в течение всего XX в. число позиций, в которых начальный [j] был обязателен, постепенно сокращалось (в том числе и на месте йотированных гласных). Результаты проведенного орфоэпического эксперимента позволили установить, что начальная фонема /j/, в конце XIX — начале XX вв. нормативно выступавшая как [j] ([ѣ]) в формах местоимений *их, им, ими*, в настоящее время реализуется нулем звука.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: орфоэпия, личные местоимения, вариативность, орфоэпическая норма, изменение нормы, инициальный йот
для цитирования: Антонова О. В. Особенности реализации инициальной фонемы /j/ в русском языке в формах личных местоимений *им, ими, их* // Русская речь. 2021. № 5. С. 7–21. DOI: 10.31857/S013161170017236-8.

Issues of Modern Russian Language

The Initial Phoneme /j/ in Russian Language in the Forms of Personal Pronouns *im, imi, ikh* ('them')

Olga V. Antonova, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), ovantonova@gmail.com

ABSTRACT: This work is devoted to the study of one of the aspects of the functioning of the sound /j/ in the Russian literary language, namely, its behavior in a special position — before [i] in the pronoun forms *im, imi, ikh* (them). At the end of the 19th — the beginning of the 20th centuries, according to most researchers before the initial [i] there was a sound [j] if the pronoun acted as a separate phonetic word or non-syllable [i]. Compare: [jim] [jimi] [jih] or [i_im] [iimi] [ih]. However, the scientific literature data of that time suggest that it is possible that the absence of [j] in this position was encountered more often than noted by researchers. Some scholars have expressed the opinion that the initial /j/ in the casual speech of native speakers in this period preceded any front and front-middle vowels, in particular [i] and [e]. The article analyzes the scientific views of scientists on this problem in the XX century and draws parallels with the behavior of /j/ in dialects. The article reveals that during the entire XX century the number of positions in which the initial [j] was required gradually reduced (including those in the place of iotated vowels). The results of the conducted orthoepic experiment made it possible to state that the initial phoneme /j/, in the late XIX — early

XX centuries, normatively acting as [j] ([i]) in the forms of the pronouns *im, imi, ikh* (them) is currently replaced by the zero sound.

KEYWORDS: orthoepy, personal pronouns, variability, orthoepic norm, norm change, initial /j/

FOR CITATION: Antonova O. V. The Initial Phoneme /j/ in Russian Language in the Forms of Personal Pronouns *im, imi, ikh* ('them'). *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2021. No. 5. Pp. 7–21. DOI: 10.31857/S013161170017236-8.

Светлой памяти Леонида Леонидовича Касаткина (1926–2020)

О. Известно, что в фонологической системе русского языка фонема /j/ выделяется своим сложным устройством¹ (вероятно, одним из самых сложных вообще, т. к. выражения ее представлены целым рядом акустически и артикуляционно различных звуков, но, тем не менее, — включенных в одну фонему). Так, описывая возможные реализации фонемы /j/, М. В. Панов приводит целый ряд аллофонов (гласных и согласных (глухих и звонких) звуков, а помимо этого — нуль звука, сдвиг артикуляции кпереди и движение интонации), отмечая при этом, что каждая из реализаций была обнаружена в разное время разными фонетистами [Панов 1979: 108–109]. Определенно, фонема /j/ по характеру возможных разнообразий звуковых (и иных) воплощений является своеобразным чемпионом среди русских фонем, ведь между ними нет более ни одной, которая могла бы при позиционных чередованиях предъявить такую широкую линейку представителей. Потому любые особенности поведения йота, зачастую крайне необычные, всегда находились в наиболее пристальном фокусе внимания исследователей.

1. Анализу одного из аспектов реализации /j/ посвящена и настоящая работа, а именно поведению в русском литературном языке инициального йота в особой позиции — перед [и] в формах местоимений *их, им, ими*. В конце XIX — начале XX вв., согласно одной из версий, в этих формах (и только в них) перед начальным [и] произносился йот². В 1876 г. А. Х. Востоков писал: «Тонкие³ гласные *е, ѣ, и, ё, ю, я*, кои в начале слов

¹ Работа выполнена в соответствии с научной концепцией Московской фонологической школы.

² Исследователи звучащей речи, обращавшиеся к описанию этого явления, транскрибировали на месте /j/ различные звуки (и призвуки), выражающие эту фонему, например [j] и [i]. В данном случае представляется целесообразным игнорировать это различие, имея в виду, что здесь, вне зависимости от реализации, выступает фонема /j/. Подробнее см. [Брок 1902: 134; Касаткин 1968: 43–45].

³ Термином *тонкие* гласные А. Х. Востоков обозначает гласные переднего и передне-среднего ряда, в частности [и] и [э].

произносятся доегласно, как бы предшествуемые буквою *й*; напр. глаголы *есть* и *ѣсть* произносятся *йесть*; существительные *ѣлка*, *юг*, *яблоко*, — *йолка*, *йугъ*, *йаблоко* (в сих последних примерах *ѣ*, *ю*, *я*, суть ни что иное, как *о*, *у*, *а*, соединенные с *й*). Буква *и* только в местоимениях *им*, *их*, *ими*, и после *ь*, напр. *чыи*, *статьи*, произносится доегласно: *йимъ*, *йихъ*, *йими*, *чыи*, *статьи*; во всех других случаях чисто» [Востоков 1859: 237]. Я. К. Грот указывает, что в некоторых словах произносится «звук *йи* (напр. в словах: *им*, *их*, *ручы*, *Ильин*)» [Грот 1876: 131]. Очевидно, что произношение [j] перед начальным [и] в других словах, за пределами этого списка, А. Х. Востоков и Я. К. Грот нормативным не считали.

2. Однако существовало и другое мнение. В. А. Богородицкий в «Курсе грамматики русского языка» полемизирует с А. Х. Востоковым: «Действительно ли: “буква *и* только в местоимениях *им*, *их*, *ими* и после *ь*, напр. *чыи*, *статьи*, произносится доегласно: *йимъ*, *йихъ*, *йими*, *статьи*; во всех других случаях чисто”?» [Богородицкий 1887: 33] — и приводит транскрипции: $\text{ij}æ\text{м}у$ (*и ему*); $\text{j}i\text{сп}ь\text{д}въл'$ (*исподволь*) — 2 раза; $\text{j}i\text{з}вош'ч'ь\text{ь}ка$ (*у извозчика*), $\text{j}i\text{з}'\text{в}'\text{ес}_{\text{на}}$ (*известно*), $\text{j}i\text{в}а\text{н}н\grave{а}$ (*Ивановна*), $\text{j}i\text{в}а\text{н}н'\text{æ}$ (*Ивановне*), $\text{j}н'\text{т}'\text{ер}'\text{æс}$ (*интерес*) [Богородицкий 1887: 106, 107, 168, 172, 175] (NB! примеры с начальным [и] без предшествующего [j] в [Богородицкий 1887] не зафиксированы).

Еще далее шел Р. Ф. Брандт, утверждавший: «Обыкновенное великорусское *и* есть звук острый, можно сказать *мягкий*. <...> Понятно, мягкое *и* вместе с тем *умягчительно*, т. е. предшествующий ему согласный бывает всегда мягким <...>. Слова <...> не начинаются со звука *и*: перед зачинным *и* слышится всегда легкий йот, напр. *йива*. Также и внутри слова, где буква *и* стоит после гласных, ее звуку предшествует легкий *й*, напр. глагол *поить*, произносится *паййт'*. Но звук <...> весьма редко сочетается с йотом явственным; такой *й* встречается только перед *и* только в некоторых формах местоимений 3-го лица: в формах *јим* (тв. пад. ед. ч.), *јих* (род. и местн. мн.), *јим* (дат. мн.), *јими* (тв. мн.); но и здесь иные произносят *йи*» [Брандт 1892: 13–14] — и транскрибировавший: $\text{j}i\text{ст}у\text{k}а\text{т}'\text{n}'\acute{a}$ $\text{j}i\text{гр}о\text{м} \text{j}i\text{п}ь\text{l}'$ (*и стукотня*, и *гром*, и *пыль*) $\text{j}i\text{з}дъл'\text{æ}к\acute{a}$ (*издалека*) [Брандт 1892: 81]. Примечательно, что взгляды Р. Ф. Брандта на этом участке системы отличал некоторый глобализм — звук [э] он также считал *умягчительным* и во всем сходном с [и]: «Звук *е* в великорусском и белорусском наречии есть звук *умягчительный*. (Выражением “умягчительный” я хочу сказать, что данному гласному предшествует всегда мягкий согласный). В зачине, т. е. будучи первым звуком слова, *е* имеет перед собой всегда согласный элемент — точнее говоря, *е* начальным звуком никогда не бывает. И в тех случаях, где мы пишем *э*, слово не начинается с гласного

элемента, а с легкого j или неслогового i, который я буду обозначать маленькой буквой *й*, напр. *йа́!* *йа́х!* *йа́тат*, *йэ́т'* и, *йей!* <э! эх! *э́тот*, *э́ти*, *эй!*>. Тоже самое и в пришлых словах, напр. *йа́ха*, *йа́ра* <э́хо, *э́ра*>. Здесь, правда, иногда слышится *e* чистое, но только при очевидном желании произнести по иностранному. Легкий j перед звуком *e* в начале слова, как само собой разумеется, встречается редко: ведь немногие слова на письме начинаются с буквы э. Происходит это оттого, что еще в праславянской речи зачинное *e* приняло призвук *j*, так что слова, которые в родственных языках начинаются со звука *e*, у славян начинаются с *j*» [Брандт 1892: 8–9] — и транскрибирует: *йа́та да́ма*, *йа́т'* и *да́мы* (*э́та дама*, *э́ти дамы*) [Брандт 1892: 7].

Таким образом, Р. Ф. Брандт полагал, что в инициале наличие йота (в той или иной реализации) перед [и] или [э] обязательно в русском языке во всех словах без исключения — если только говорящий не демонстрирует явное намерение произнести слово «по иностранному».

3. Первая точка зрения, согласно которой начальный йот возникает перед [и] в ограниченном круге слов, а именно в некоторых формах личных местоимений и после *ь*, была поддержана многими исследователями звучащей речи. Так, В. И. Чернышев писал: «...в русской азбуке нет буквы для выражения того звука, который слышится в начале слов, подобных: *яма*, *ель*, *юность*, *их* или в середине слов, как: *мои*. В приведенных примерах наше произношение можно бы обозначить в начале и середине слов при помощи буквы *й* таким образом: *йама*, *йэль*, *йюность*, *йихь*, *моьи*. Но здесь письмо будет не точно передавать произношение. Буква *й* обозначает у нас неслоговой гласный звук, который произносится более слабо и который мы слышим после гласных в словах, подобных: *лей*, *мой*, *слепой*, *читай* и т. п. Перед гласными мы слышим особый согласный, хотя и близкий к *й*, но более сильный и ясный. Этот согласный передается в латинской азбуке буквою *j* (ёт). Эта буква лучше бы передавала произношение слов: *јама*, *јэль*, *јюность*, *јихь*, *моји* и т. п.» [Чернышев 1915: 21]. Эти и прочие примеры исследователя можно разделить на две группы (с инициальным йотом и без йота). В первую группу входят: *жих*, *йих* (*их*), *йим* (*им*) [Чернышев 1915: 15, 19]; во вторую: *испыдвиль* (*исподоволь*), *иуагня им* (*и у огня им*), *извьесътилса* (*известилса*) [Чернышев 1915: 30, 101]. Нетрудно убедиться, что местоимение *им* затранскрибировано как с начальным йотом, так и без него.

В «Грамматике руског језика» Р. Кошутича находим: «В формах *их*, *им*, *ими* начальное и- произносится обычно как *ји*, следовательно: *жих*, *жим*, *јими* (*јим'и*) = (*j* (*i*)) привнесено, по всей вероятности, из других падежей: *ј'ево́*, *ј'е́му* и т. д.). Впрочем, *и* звучит как чистое *и*, без предшествующего

йота, как в начале слова после гласной, так и после согласного, ниже обозначенного знаком *ь*» [Кошутин 1919: 25]. И действительно, в полном согласии со сказанным находятся и транскрипции: *идётъ* (*ʲd'ót*); *й* (без предшествующего йота), *йву* (*ʲvʲ*), *йстину* (*ʲs'tʲɪnu*); *идите* (*ʲd'ítʲ*); *Илья Ильич* (*ʲl'já ʲl'júčʲ*) [Кошутин 1919: 14, 26, 35, 77]. Здесь представляется уместным только уточнить, что /j/ появляется в данном случае не как результат выравнивания парадигмы форм местоимений (то есть не как протетическое явление), а как этимологический корень слова⁴. Ср. также замечание М. В. Панова о произносительной ситуации в начале XX в.: «...существовало узаконенное произношение местоименных форм *им, их, ими* с начальным [и]: [ɨим], [ɨих], [ɨйм'и], а при ударности местоимения даже, видимо, с начальным [j]. Часто местоимение было безударным: *знаём мы [ɨих], всё [ɨим] не помыкайте, она горда [ɨими]*» [Панов 2002: 105–106].

Таким образом, местоимения *их, им, ими* (с начальным [и]) на рубеже XIX–XX вв. выделялись в особую группу, в которой (наряду со словами с йотированными гласными в абсолютном начале слова) гласному в инициальной позиции предшествовал /j/. Однако уже в то время появились первые признаки реализации йота в инициальной позиции перед [и^э] нулем звука (пока только в предударных слогах) — явления, уже широко распространенного в современной речи. О том, что воспринималось оно неоднозначно, свидетельствует такой пример. Ср. транскрипцию В. И. Чернышева: «*явился* — <приближается> к *ивилса*, *ядрó* — к *идрó*» [Чернышев 1915: 36] — и цитату из письма Ф. Е. Корша к А. А. Шахматову: «Совість моя чиста. Сомневаюсь, чтобы в таком состоянии могла оказаться совість Чернышева <...> “Явился”, исковерканное в “ивилса”!» (цитируется по: [Панов 2002: 92–93]). Следовательно, выпадение йота в этой позиции либо не имело широкого распространения, либо не признавалось нормативным для литературного языка того времени.

4. Возвращаясь к мнению Р. Ф. Брандта, следует отметить, что подтверждений его теории в трудах других исследователей относительно обязательного возникновения инициального йота перед [э] обнаружить не удалось. Напротив, многочисленны примеры транскрипций с начальным [э] без йота: *эту* (*étʲ*), *эхь!* (*exʲ!*), *экь!* (*ekʲ!*), *этику* (*étʲʲukʲ*), *эпоху* (*épóxu*), *эмаль* (*émálʲ*), *Эдуардъ* (*édʲúrɔtʲ*), *эху* (*éxʲ*) [Кошутин 1919: 23–24] — большинство примеров лексически те же, что и у Брандта. А примеры, где «перед зачинным и слышится легкий йот», помимо транскрипций самого Брандта,

⁴ Ср. частотное в русских говорах Западной диалектной зоны обобщение основ неличных местоимений, напр. *јон-* (*ёнá, ёньí*); даже при чередовании такие основы, в отличие от литературного языка, имеют начальный элемент /j/: *јон-а* и *ј-еј* [Касаткин (ред.) 2013: 148, 275].

встречаются только у Богородицкого, о чем уже говорилось выше. Этого свидетельства, за отсутствием еще каких-либо подкрепляющих сведений, недостаточно для полного признания тотальной (т. е. справедливой для всех позиций) *умягчительности* гласных [и] и [э].

Однако есть некоторые косвенные свидетельства, все же позволяющие рассматривать мнение Р. Ф. Брандта более чем серьезно. Во-первых, существует множество диалектов, как северно-, так и южнорусских⁵, в которых инициальный йот или [и] либо обязателен при начальных [э] и [и], либо встречается в большем количестве позиций, чем в литературном языке. Общим для всех этих говоров является идущий с разной скоростью процесс выпадения [j] ([и]) перед гласными переднего ряда. Возможно, в речи петербуржца Брандта, а вместе с ним и некоторых исследователей той эпохи, нашла проявление региональная черта, географически близкая и Москве, и Петербургу?

Во-вторых, ср. важное указание М. В. Панова со ссылкой на Ф. Е. Корша и Р. Ф. Брандта (кажется целесообразным привести все рассуждение исследователя): «Косвенным, но убедительным подтверждением того, что в заударной части перед [и] (в интервокальном положении) произносился [и], что он не превращался, как сейчас, в нуль, служат такие наблюдения: по Е. Ф. Коршу, одинаково произносят *о бoге*⁶ и *о бoе* <...>. Он считал, что [χ']⁷ = [j] (близость этих согласных несомненна, а их полное совпадение, может быть, было одной из возможностей литературного языка той поры). Но произношение *о бoге* как [а-бoи] невозможно; значит, и совпадающее с ним *о бoе* произносилось с согласным — это мог быть только [и]⁸, акустически и артикуляционно очень сходный с [χ']. О том же говорит и Р. Ф. Брандт: он тоже сравнивает выражения *о бoге* и *о бoе*: “Разница между ними только в том, что первое представляет после *о* сильный, настоящий j, а второе — слабый, полугласный (неслоговое i); таково же отношение между выраженьями *о бoлге* и *об лoе*”» [Панов 2002: 106]. Это рассуждение косвенным образом свидетельствует в пользу утверждений Р. Ф. Брандта, так как орфографические фиксации лексем *гиштория*, *гишпанский*, *генварь*⁹ говорят о наличии у гласных в зачине некоего предшествующего звука (а «это мог быть только [и],

⁵ См.: ДАРЯ, диалектный подкорпус НКРЯ (ruscorgpora.ru) [Касаткин 2006].

⁶ Т. е.: *о* [бoχ'и³].

⁷ В современном русском литературном языке звонкий заднеязычный звук [χ] произносится в междометии *ага!* [аχá].

⁸ Речь идет, разумеется, о гласном звуке — аллофоне согласной фонемы /j/.

⁹ Ср. у А. П. Сумарокова: «генварь выдумали старинные подъячие, находя в литере *z*, когда она как латинское *h* произносится, некое величество и пышность» [Сумароков 1787: 41–42].

акустически и артикуляционно очень сходный с [ɣʹ]»), для отражения которого на письме удобнее всего было использовать букву *г*. Итак, вероятно, здесь был [j] (= [ɣʹ]), исчезнувший впоследствии. И хотя такие написания фиксировались не позже II половины XIX столетия, возможно, в говоре некоторых людей эта произносительная черта задержалась дольше, чем в речи их современников, и именно этим можно объяснить «инаковость» точки зрения Р. Ф. Брандта.

5. Вопрос о тождестве/различии в артикуляции и о возможной взаимозамене звуков [j] и [ɣʹ] обсуждался в научной литературе подробно [Аванесов, Сидоров 1945: 33; Богородицкий 1935: 18; Матусевич 1941: 31, 45, 51–52 и др.; Поржезинский 1907: 81; Поржезинский 1910: 49–50; Томпсон 1910: 200; Ушаков 1928: 35; Шахматов 1941: 103]. Р. И. Аванесов в книге «Русская литературная и диалектная фонетика» подводит итог этой дискуссии и убедительно доказывает возможность таких мен, приводя множество примеров из русских говоров, свидетельствующих о неразличении говорящими звуков [j] и [ɣʹ] (которые между собой признаются им артикуляционно нетождественными для русского языка в целом), см.: [Аванесов 1974: 180–182; 186]. Вывод исследователя таков: «звуки [ɣʹ] и [j] безусловно имеют разное образование. Но также безусловно и то, что в некоторых русских говорах вместо [ɣʹ] перед гласными переднего ряда может произноситься [j]» [Аванесов 1974: 187–188]. Также Р. И. Аванесов приводит примеры, доказывающие возможность *орфографической* мены *j* и *г* в говорах, а именно: написания, в которых «можно отметить обозначение *j* вместо *г*» (*цря* вместо *гиря*) и написания, в которых «мы находим *г* вместо обозначения *j*» (*гих, гим* вместо *их, им*) [Аванесов 1952: 39]¹⁰. Л. Л. Касаткин в работе «Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных в русских говорах» систематизирует закономерности подобных орфографических замещений. По мнению исследователя, [j] в позиции перед гласными переднего ряда мог обозначаться двояко: перед /e/ [j] передавался при помощи йотации гласной буквы (*ѣго*=[j]eго) или буквы *г*

¹⁰ Ср.: «В некоторых южнорусских говорах [ɣ] при смягчении заменяется звуком [j]: но[ɣ]á — но[j]í, но[j]é, сапо[ɣ]á — сапо[j]í, в сапо[j]é, [j]íря, [j]íбель. Ученики южнорусских школ допускают ошибки на письме типа *Турьнев, деньги, на дорои, мошла*, а также *воробьи, крыльгими, гих, гим* (вместо *их, им*). Эти ошибки говорят о том, что ученики путают способы обозначения на письме фонем /ɣ/ и /j/ в позициях перед гласными переднего ряда. А это свидетельствует о неразличении, нейтрализации /ɣ/ и /j/ в этих позициях, о противопоставлении /ɣ/ — /j/ как твердой и мягкой парных фонем. Об этом же может говорить и произношение слова *где* как *йде, иде* во многих говорах, разбросанных по всей южнорусской территории. Смягчаясь перед следующим мягким согласным, [ɣ] изменялся в [j], который затем обычно переходил в гласный звук, так как в русском языке [j] не может быть не рядом с гласным» [Касаткин (ред.) 2013: 60]

Ср. также: «В онежских говорах отмечен взрывной [ɣʹ] на месте /j/: [ɣʹ]яма (яма), [ɣʹ]яблоко, Ма́рь[ɣʹ]я, семь[ɣʹ]я́, [ɣʹ]я́лка» [Касаткин (ред.) 2013: 76].

(гетмаѣ=[j]етманѣ), а перед /и, ѣ/ не получают особого обозначения (ихѣ=[j]ихѣ); при выборе орфографического варианта важным было следующее: если «...[j] воплощал гиперфонему / $\frac{X}{j}$ / (например, ан[j]гел, [j]еремей), то выбор того или иного способа определялся исключительно традицией. В этих случаях и возникала возможность ошибочного написания. Так появилось написание *z*, соответствовавшее этимологическому *j*, и написание, обозначавшее [j] в соответствии с этимологическим звонким заднеязычным. Такие ошибки могли возникнуть только в том случае, когда /j/ и “звонкая” “заднеязычная”, обозначавшаяся буквой *z*, в определенных позициях не различались. А это могло быть, очевидно, только при фрикативном произношении звонкого заднеязычного — [ʒ]» [Касаткин 1968: 51–52].

6. В течение XX в. судьба йота претерпела значительные изменения. Выпадение его в позиции начала слова обрело все большее распространение. Трансформация этого фрагмента системы привела к тому, что в настоящее время мы можем наблюдать исчезновение йота не только в предупредных, но и в ударных слогах, и не только в инициале (т. е. в начале слова)¹¹. Таким образом, на сегодняшний день налицо расширение числа позиций, в которых возможно отсутствие йота. Р. И. Аванесов писал: «Звук [j] (йот) во многих положениях, в частности перед предупредными гласными, ослабляется в [i] (и неслоговой). Последний в беглой речи, особенно в просторечии, может ослабиться до нуля, т. е. исчезнуть совсем. Ср. возможное произношение: [и]щё вместо [iə]щё, [и]стѣственный вместо [iə]стѣственный и т. д. Доказательством такого произношения может служить появление в разговорном стиле гласного [ы] после твердого согласного предлога: ср. с еще большими основаниями ([с-ыш' :ó]) <...> гласный [ы] заменяет собой гласный [и] в положении после твердого согласного. Такое произношение характерно для просторечия» [Аванесов 1984: 98]. Однако бесспорно отнести подобные явления в первом предупредном слоге к просторечию мешает то, что их фиксировал еще Д. Н. Ушаков, ср. его *вариативные* транскрипции литературного произношения: *еды* — йэ^иды (йиды, иды) [Ушаков 1995: 79]; *ишо* (*еще*), *ишо* [Lundell 1890: 86, 97]. В позиции же перед ударным гласным (на месте йотированных гласных букв)

¹¹ В диалектной речи йот в различных реализациях, как уже было указано, по-прежнему возможен в большем количестве позиций, чем в литературном языке, в том числе и перед [и]: «В южнорусских говорах [j] более напряженный, чем в севернорусских и среднерусских. В литературном языке [j] сонорный согласный, а во многих южнорусских он шумный согласный. Поэтому он может в этих говорах произноситься и после гласных перед [и]: [маjи], [тваjи]. В севернорусских говорах [j], как и другие звонкие согласные, обычно менее напряженный звук, чем в литературном языке. Поэтому чаще на его месте выступает гласный [и] или [е], который может здесь произноситься и перед ударным гласным: мо[иá], [иá]ма, на [еá]сном» [Касаткин (ред.) 2013: 75].

на рубеже XIX–XX вв. исследователи последовательно фиксируют [j], ср.: ель (*jél'*), есть (*jéc't'*), ёсли (*jéc'l'u*) [Кошутин 1919: 21]; юмкий (емкий), јама (яма), једу (еду), југ (юг), јэсть (есть), јэльникъ (ельник) [Lundell 1890: 19, 31, 33, 71]. Впрочем, положение [j] в первом предударном слоге также было прочно: јајсо (яйцо), јајзо (яйцо) [Кошутин 1919: 31, 33].

Итак, в течение всего XX века число позиций, в которых начальный [j] был обязателен на месте йотированных гласных, постепенно сокращалось. Исследования Л. Л. Касаткина в этой области привели к следующим результатам: в начале слова перед гласным, где фонема /j/ обычно обозначается вместе со следующими гласными фонемами буквами е, ё, ю, я, перед ударными гласными и на месте ю [j] ([й]) произносится во всех случаях: [je]ль, [йу]лá; на месте же букв е, ё, я в предударных слогах [й] чередуется с нулем звука, причем вероятность выпадения йота связана со многими факторами, в первую очередь с удаленностью слога от места ударения и характеристикой последующих звуков (как гласных, так и согласных), напр.: [й]щэ и допустимо [йи]щэ; [й]да, в *беглой речи возможно [йи]да* и пр. [Касаткин 2006: 170]. Разнообразии факторов, в зависимости от которых на месте е, ё, ю, я фонема /j/ реализуется вариантно (нулем звука или [j], [й]), свидетельствует о том, что мы наблюдаем активный фонетический процесс, начало которого фиксировалось лингвистами еще на рубеже XIX–XX вв., а результатом его становится увеличение числа позиций, в которых выпадение йота все более вероятно. Можно предположить, что следующим шагом будет исчезновение /j/ в начале корня перед ударным гласным, ср. зафиксированные Л. Л. Касаткиным примеры: по[э]хать (*поэхать*), [э]сли (*эсли*), [э]сть (*эсть*) и пр.

7. В согласии с этим процессом развивалась и фонетическая судьба местоимений *их, им, ими*. «И в алой¹², и в оранжевой¹³ системе [j] не произносится в начале слова перед [й] ударным. Говорят: *им, их, ими* — с начальным [й]» [Панов 2002: 30]. Любопытно также, что в лекции Д. Н. Ушакова о коренном московском произношении и в рассказе «Дачники» (см. [Антонова, Савинов (ред.) 2009]) не зафиксировано ни одного примера с йотом или [й] перед [й] как в формах местоимений, напр.: [и³х]сíла, [и³х]реду́кция, íхрабрáл (*их побрал*) и т. д.; так и в прочих случаях, напр.: [и³]скажáются, [и³]сторичэски, [и³]зложэния, [и³]сходíть, [й]мэнно, и пр. И это несмотря на то, что Д. Н. Ушаков — представитель желтой (в терминологии М. В. Панова речь младшего поколения середины XIX — начала XX вв.) произносительной системы.

¹² Алая система — XX век, речь младшего поколения [Панов 2002: 13].

¹³ Оранжевая система — XX век (с 20-х годов), речь старшего поколения [Панов 2002: 13].

Примечательно, что и современные актеры старшего поколения в московском Малом академическом театре (к примеру, Ю. М. Соломин¹⁴) произносят только [и³]х, [и³]м. Такое же произношение зафиксировано в речи В. Н. Пашенной¹⁵, представительницы желтой (как и Д. Н. Ушаков) произносительной системы.

8. Наблюдения над речью современных молодых москвичей подтверждают вышесказанное. Группе информантов (12 испытуемых, все коренные москвичи в возрасте от 18 до 30 лет, носители литературной нормы) было предложено прочесть отрывки из художественных текстов, насыщенные местоимениями в интересующей нас форме. Анализ звучащего материала показал, что только в речи двух информантов непоследовательно в сильной фразовой позиции (только в том случае, если местоимение произносилось как отдельное фонетическое слово и было выделено акцентом) встречались формы с предшествующим йотом, напр.: *я ненавижу* [j]йх, *она восхищалась* [j]йм, [j]йх слова, [j]йми созданные; однако в подобных же случаях йот мог и отсутствовать (это было выяснено при повторном чтении текста тем же информантом): [и]х слова, [и]ми созданные.

Таким образом, следует отметить, что начальная фонема /j/, в конце XIX — начале XX вв. нормативно реализовывавшаяся как [j] ([j]) в формах местоимений *их, им, ими*, в настоящее время реализуется нулем звука. Причем возможно, что и в указанный период нуль в этой позиции также встречался чаще, чем это отмечено исследователями (ср. выше произношение Д. Н. Ушакова, В. Н. Пашенной).

Также очевидно, что фонетическая судьба местоимений *их, им, ими* складывалась полностью в соответствии с процессом расшатывания инициальной позиции йота перед гласными в целом. Постепенная утрата йота в подобных формах, очевидно, берет начало в существенно более раннем времени, чем это отмечалось исследователями. Однако в сознании говорящих йот, вероятно, долгое время инерционно осознавался как необходимый, т. к. очевидна была этимологическая связь с другими формами местоимений, в которых позиция йота по-прежнему прочна. Возникает, однако, вопрос, почему в позиции перед [и] в формах местоимений процесс выпадения йота протекал быстрее, чем в словах в позициях перед другими гласными, в таких словах, как, напр., *естественный* и даже *едá*. Представляется, что ответить на него можно так: на примере других, более изученных моделей (например, разрушение позиционной мягкости

¹⁴ Зафиксированные случаи произношения опираются на материалы документального фильма «Большие секреты Малого театра», 2006, реж. А. Шачнев.

¹⁵ Это наблюдение подтверждает выводы С. Ф. Барышевой о непоследовательной реализации в речи В. Н. Пашенной старых московских норм, см. [Барышева 1999].

согласных в XX в.) известно, что подобные процессы идут с большей скоростью в частотных словах, а именно местоимения наиболее частотны в обычной разговорной речи.

Что же касается современных орфоэпических словарей, то они или не фиксируют произношение [j]им, [j]их, [j]ими вовсе, или же фиксируют, но с запретительными пометами; так, в «Большом орфоэпическом словаре» [Касаткин (ред.) 2018] отмечено, что формы местоимений с начальным *и* следует произносить: [и]м, [и]х, а произношение [ji]м, [ji]х имеет хотя и самую мягкую из возможных, но все же запретительную помету ! *не рек.* Таким образом, следует констатировать, что в настоящее время в современном литературном языке произношение личных местоимений *им, ими, их* с начальным йотом стало полностью архаичным.

Источники

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М., 1986.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 26.10.2020).

Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений..., ч. X. Изд. 2. М., 1787.

Литература

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. Часть 1. Фонетика и морфология. Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. М.: Учпедгиз, 1945. 234 с.

Аванесов Р. И. О качестве заднеязычной фрикативной согласной перед гласными переднего ряда в русском языке // Докл. и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. М., 1952. № 2. С. 34–41.

Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М.: Просвещение, 1974. 287 с.

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. Изд. 6. М.: Просвещение, 1984. 383 с.

Антонова О. В., Савинов Д. М. (ред.). Незабываемые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. I / Под ред. О. В. Антоновой, Д. М. Савинова. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М., 2009. 240 с.

Барышева С. Ф. Ассимилятивное смягчение согласных в речи артистов Малого театра // Проблемы фонетики III. Сб. статей / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 1999. С. 61–78.

Богородицкий В. А. Курс грамматики русского языка. Ч. I. Фонетика. Варшава, 1887. 317 с.

Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. Изд. 5, перераб. Соцэкиз, М.–Л., 1935. 354 с.

- Брандт Р. Ф. Лекции по исторической грамматике русского языка. Вып. 1. Фонетика. М., 1892. 146 с.
- Брок О. Об исчезновении междугласного *i, j* // Сборник, посвященный ... Ф. Ф. Фортунатову. Варшава, 1902. С. 134–139.
- Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же сокращенной грамматики изложенная. Изд. 10-е. СПб., 1859. 320 с.
- Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне. Спб., 1876. 462 с.
- Касаткин Л. Л. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных в русских говорах. М.: Наука, 1968. 136 с.
- Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 251 с.
- Касаткин Л. Л. (ред.). Русская диалектология / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Гецова и др. Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Аст-Пресс, 2013. 304 с.
- Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. 2-е изд., исправ. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. 1008 с.
- Кошутий Р. Грамматика руског језика. Пг., 1919. 512 с.
- Матусевич М. И. Введение в общую фонетику. Л.: Ленингр. ун-т, 1941. 109 с.
- Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высш. школа, 1979. 256 с.
- Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: УРСС, 2002. 456 с.
- Поржезинский В. К. Введение в языковедение. М., 1907. 207 с.
- Поржезинский В. К. Элементы языковедения и истории русского языка. М., 1910. 170 с.
- Томсон А. И. Общее языковедение. Изд. 2. Одесса: тип. «Техник», 1910. 448 с.
- Ушаков Д. Н. Звук *г* фрикативный в русском литературном языке в настоящее время // Сборник Отделения русского языка и словесности АН СССР. № 3. Л., 1928. С. 238–240.
- Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке // Русский язык. М., 1995. С. 41–147.
- Чернышев В. И. Законы и правила русского произношения. Пг.: тип. Акад. наук, 1915. 108 с.
- Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4., ч. 1. М., 1941.
- Lundell J. A. Etudes sur la prononciation Russe. Party I. Compte rendu de la littérature. Stockholm, Norstedt, 1890.

References

- Antonova O. V., Savinov D. M. (eds.). *Nezabytye golosa Rossii: Zvuchat golosa otechestvennykh filologov. Vyp. I* [Unforgotten voices of Russia: The voices of Russian philologists are heard. Issue I]. Eds. O. V. Antonova, D. M. Savinov. In-t Russkogo Yazyka im. V. V. Vinogradova RAN Publ. Moscow, 2009. 240 p.

- Avanesov R. I., Sidorov V. N. *Ocherk grammatiki russkogo literaturnogo yazyka. Chast 1. Fonetika i morfologiya* [Essay on the grammar of the Russian literary language. Part 1. Phonetics and morphology]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1945. 234 p.
- Avanesov R. I. [On the quality of the posterior palatal fricative before front vowels in Russian]. *Dokl. i soobshcheniya In-ta yazykoznaniya AN SSSR* [Reports and messages of the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow, 1952. No. 2, pp. 34–41. (In Russ.)
- Avanesov R. I. *Russkaya literaturnaya i dialektnaya fonetika* [Russian literary and dialect phonetics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974. 287 p.
- Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* [Russian standard pronunciation]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 383 p.
- Barysheva S. F. [Assimilative softening of consonants in the speech of artists of the Maly Theater]. *Problemy fonetiki III. Sb. statei* [Problems of Phonetics III. Digest of articles]. Ed. R. F. Kasatkina. Moscow, 1999, pp. 61–78. (In Russ.)
- Bogoroditskii V. A. *Kurs grammatiki russkogo yazyka. Vol. I. Fonetika*. [The grammar of the Russian language. Part I. Phonetics]. Warsaw, 1887. 317 p.
- Bogoroditskii V. A. *Obshchii kurs russkoi grammatiki* [General course of Russian grammar]. 5th edition. Sotsekgiz Publ., Moscow-Leningrad, 1935. 354 p.
- Brandt R. F. *Lekcii po istoricheskoi grammatike russkogo yazyka. Vyp. 1. Fonetika* [Lectures on the historical grammar of the Russian language. Issue 1. Phonetics]. Moscow, 1892. 146 p.
- Brok O. [On the disappearance of the inter-vowel i, j]. *Sbornik, posvyashchennyi ... F. F. Fortunatovu* [Collection dedicated to ... F. F. Fortunatov]. Varshava, 1902, pp. 134–139. (In Russ.)
- Chernyshev V. I. *Zakony i pravila russkogo proiznosheniya* [Laws and rules of Russian pronunciation]. Akad. Nauk Publ., Petrograd, 1915. 108 p.
- Grot Ya. K. *Spornye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyne* [Controversial issues of Russian spelling from Peter the Great to this day]. St. Petersburg, 1876. 462 p.
- Kasatkin L. L. *Progressivnoe assilyativnoe smyagchenie zadneneznykh soglasnykh v russkikh govorakh* [Progressive assimilative softening of the posterior palate consonants in Russian dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 136 p.
- Kasatkin L. L. *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika* [The modern Russian language. Phonetics]. Moscow, Publishing Center “Academy”, 2006. 251 p.
- Kasatkin L. L. (ed.). *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. S. V. Bromley, L. N. Bulatova, O. G. Getsova. Ed. by L. L. Kasatkin. Ast-Press Publ., Moscow, 2013. 304 p.
- Kasatkin L. L. (ed.). *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka. Norma I ee varyanty* [The comprehensive pronouncing dictionary of the Russian language. Standard pronunciation and stress in the early 21st century. Standard and its variants]. M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. 2nd ed., corrected and amended. Moscow, AST-Press Shkola Publ., 2018. 1008 p.
- Koshutii R. *Gramatika ruskoj jezika* [Grammar of the Russian language]. Petrograd, 1919. 512 p.

О. В. Антонова. Особенности реализации инициальной фонемы /j/ в русском языке в формах личных местоимений...

O. V. Antonova. The Initial Phoneme /j/ in Russian Language in the Forms of Personal Pronouns *im, imi, ikh* ('them')

Lundell J. A. *Etudes sur la prononciation Russe. Party I* [Studies on Russian pronunciation. Part I]. Compte rendu de la littérature. Stockholm, Norstedt, 1890.

Matusevich M. I. *Vvedenie v obshchuyu fonetiku* [Introduction to general phonetics]. Leningrad, Leningr. un-t Publ., 1941. 109 p.

Panov M. V. *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian language. Phonetics]. Moscow, Vyssh. Shkola Publ., 1979. 256 p.

Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [The history of Russian standard pronunciation of the XVIII–XX century]. Moscow, URSS Publ., 2002. 456 p.

Porzhezinskii V. K. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to linguistics]. Moscow, 1907. 207 p.

Porzhezinskii V. K. *Elementy yazykovedeniya i istorii russkogo yazyka* [Elements of linguistics and the history of the Russian language]. Moscow, 1910. 170 p.

Shakhmatov A. A. *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Essay on the modern Russian literary language]. 4th edition, vol. 1. Moscow, 1941.

Tomson A. I. *Obshchee yazykovedenie* [General linguistics]. Odessa, tip. "Tekhnik" Publ., 1910. 448 p.

Ushakov D. N. [The sound g is fricative in the Russian literary language at the present time]. *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti AN SSSR. № 3* [Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences of the USSR. No. 3]. Leningrad, 1928, pp. 238–240. (In Russ.)

Ushakov D. N. [Brief introduction to the science of language]. *Russkii yazyk* [Russian language]. Moscow, 1995, pp. 41–147. (In Russ.)

Vostokov A. H. *Russkaja grammatika Aleksandra Vostokova po nachertaniyu ego zhe sokrashhennoj grammatiki izlozhennaja* [The Russian grammar of Alexander Vostokov on the outline of his shortened grammar is stated]. St. Petersburg, 1859. 320 p.

Откуда взялись *грибы* в фигурном катании: к мотивационной интерпретации рус. жарг. *грибы* ‘незаслуженно высокие баллы’

Елена Львовна Березович, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия),
berezovich@yandex.ru

Валерия Станиславовна Кучко, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия),
Институт славяноведения РАН (Москва, Россия), kuchko@inbox.ru

DOI: 10.31857/S013161170017237-9

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена образу грибов в жаргоне фигурного катания. Этот образ разработан в пространстве гнезда слов, образованных от лексемы *гриб*: это, например, *грибы* ‘незаслуженно высокие баллы’, *грибовать кого-либо*, *кидать (насыпать, навалить) грибы кому-либо* ‘ставить незаслуженно высокие оценки фигуристам’, *грибник* ‘фигурист, получивший незаслуженно высокие баллы’ и другие лексемы и фразеологизмы, относящиеся к получению фигуристами несправедливо завышенных баллов. Опровергая популярные объяснения этих слов и выражений, бытующие в интернет-пространстве, но, с точки зрения авторов, недостоверные, авторы предлагают собственную мотивационную интерпретацию, исходящую из того, что изучаемые языковые факты возникли вне собственно жаргона фигурного катания (иначе говоря, при участии других жаргонов), обладают эвфемистической природой и являются исконными. Авторы обращаются к тем тематическим сферам, использующим образ грибов, которые служат истоками рассматриваемого нового употребления, — это в основном

Е. Л. Березович, В. С. Кучко. Откуда взялись *грибы* в фигурном катании: к мотивационной интерпретации...
E. L. Berezovich, V. S. Kuchko. Where Did Mushrooms Come From in Figure Skating: On Motivational Interpretation...

русская жаргонная и диалектная лексика со значением материального обогащения, браконьерства, социальной неудачи, любовной измены, физиологических отравлений. В рамках перечисленных семантических областей у слова *гриб* обнаруживаются коннотации скрытого, тайного действия, подмены, быстрого и неожиданного появления, множественности, а также имеет место парадоксальное сочетание символики высокой и, наоборот, низкой ценности, а также трудной и, напротив, легкой добычи. Названные коннотации играют ключевую роль для заимствования «грибного» образа в жаргон фигурного катания.

ключевые слова: образ грибов, лексика фигурного катания, профессиональный жаргон, этнолингвистика, мотивационная реконструкция
для цитирования: Березович Е. Л., Кучко В. С. Откуда взялись *грибы* в фигурном катании: к мотивационной интерпретации рус. жарг. *грибы* ‘незаслуженно высокие баллы’ // Русская речь. 2021. № 5. С. 22–39. DOI: 10.31857/S013161170017237-9.

благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

Issues of Modern Russian Language

Where Did Mushrooms Come From in Figure Skating: On Motivational Interpretation of the Russian Jargon *Griby* ‘Undeservedly High Scores’

Elena L. Berezovich, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Russia, Ekaterinburg), berezovich@yandex.ru

Valeria S. Kuchko, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Russia, Ekaterinburg), Institute of Slavic Studies (Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow),
kuchko@inbox.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the image of mushrooms in the figure skating jargon. This image is developed in the space of a word family derived from the lexeme *grib*: for example, *griby* ‘undeservedly high scores’, *gribovat’*, *kidat’* (*nasypat’*, *navalit’*) *griby* ‘to give undeservedly high scores to skaters’, *gribnik* ‘a skater who received undeservedly high scores’ and other lexemes and phraseological units related to receiving unfairly inflated scores by skaters. Refuting the popular explanations of these words and expressions that exist on the Internet, which from the point of view of the authors are unreliable, the authors offer their own motivational interpretation. The authors claim that the studied linguistic facts arose outside the figure skating jargon (in other words, with the participation of other jargons) and have a euphemistic nature. The authors present thematic areas that use the image of mushrooms, which serve as the sources of the new use under consideration — this is mainly Russian slang and dialect vocabulary with the meaning of material enrichment, poaching, social failure, love infidelity and physiological functions. Within these semantic areas, the word *grib* has connotations of hidden, secret action, substitution, rapid and unexpected appearance, multiplicity, and there is also a paradoxical combination of symbols of high and, conversely, low value, as well as difficult and, on the contrary, easy prey. These connotations play a key role for using the image of a mushroom in the figure skating jargon.

KEYWORDS: image of mushrooms, figure skating vocabulary, professional jargon, ethnolinguistics, motivational reconstruction

FOR CITATION: Berezovich E. L., Kuchko V. S. Where Did Mushrooms Come From in Figure Skating: On Motivational Interpretation of the Russian Jargon *Griby* ‘Undeservedly High Scores’. *Russian Speech = Russkaya Rech’*. 2021. No. 5. Pp. 22–39. DOI: 10.31857/S013161170017237-9.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 20-18-00223 “Etymological Studies and Semantic Reconstruction of Russian Dialect Vocabulary”).

Ф

игурное катание для нашей страны — знаковый вид спорта: будучи одним из самых популярных и любимых внутри России, за ее пределами он стал национальным брендом, занимавшим стабильно высокую позицию на мировой арене в советские годы и успешным по сей день. В стане болельщиков — особенно в периоды международных

соревнований — оказывается подчас значительное число людей, сталкивающихся с «языком» фигурного катания — феноменом, аналогии которого во многих других видах спорта обычно закрыты от широкого круга посторонних.

Известно, что для фигурного катания характерна разветвленная международная терминология видов прыжков, других фигур, выполняемых спортсменами, etc. Эта номенклатура, понятная для носителей любого языка, интересующихся фигурным катанием, пополняется в каждой языковой традиции «неофициальным» жаргоном, функционирующим не только среди фигуристов, но и спортивных комментаторов, журналистов, а также глубоко погруженных в эту область болельщиков. В русскоязычном интернете можно встретить списки терминов, сленговых словечек, характеристик фигуристов, узуально закрепившихся в виде словосочетаний и даже целых выражений, их прозвищ и пр.¹ Такого рода любительские словники объединяют лексику обоих источников «языка» фигурного катания — международную терминологию и собственно русский сленг.

В составе последнего укоренено гнездо слов, образованных от лексемы *гриб*: *грибы* ‘незаслуженно высокие баллы’, *грибовать кого-л.*, *кидать* (*насыпать, навалить*) *грибы кому-л.* ‘ставить незаслуженно высокие оценки фигуристам’, *грибник* ‘фигурист, получивший незаслуженно высокие баллы’ и мн. др. Образ грибов популярен среди комментаторов и болельщиков и получает свое развитие в выражениях *грибной дождь*, *грибная поляна* и проч., ср. несколько контекстов, где интересующие нас слова не просто употребляются, но и получают относительно подробное объяснение:

▪ «*Грибы, грибовать* — высокие, не совсем заслуженные баллы, которые по тем или иным причинам дали спортсмену за выслугу лет, за статус, благодаря поддержке со стороны какой-либо страны или федерации. Иными словами, так говорят про баллы фигуриста, которого попытались как можно выше поставить в турнирной таблице. Часто слово употребляется с глаголами *насыпали, навалили грибов*. Фанаты часто спорят, кого *грибуют* больше: Загитову, Медведеву, Костнер, японок, американок. Достается всем, если честно. Иногда даже используют словосочетание *грибной дождь* для того-то/той-то»²;

▪ «Всем известно, что фигурное катание — субъективный вид спорта. Количество баллов у фигуристов зависит не от показателя секундомера

¹ Ср., к примеру, список на странице портала Sports.ru: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/pirouette/957285.html>

² Грибы, квады и ТАТ: Самые популярные слова на сленге фигурного катания: <https://zen.yandex.ru/media/dailyopinion/griby-kvady-i-tat-samye-populiarnye-slova-na-sleng-figurnogo-kataniia-5d31f5cce6cb9b00ad6235c4>

или забитого гола, а исключительно от мнения судей. Так вот, когда судьи не слишком объективны к фигуристу, тащат его оценками вверх, вспоминая прошлые заслуги или просто выражая таким образом симпатию или подчеркивая, что тот или иной фигурист является фаворитом соревнований, это называется *грибы*. *Надавали грибов, наставили грибов, грибная поляна* — примерно так и еще по-всякому в фигурном катании говорят, когда судьи незаслуженно ставят фигуристам высокие оценки, не отражающие действительный уровень проката»³;

▪ «Оценки, которые выдаются нарочно завышенно, маневры с этими оценками, стали называть *грибами*. Фигурист-*грибник* — это тот, кто баллы получает “за красивые глаза”, за что хотите, но только не за то, как откатал»⁴.

Множество любопытных контекстов, на разные лады варьирующих тему грибов, собрано на странице <https://valuh.livejournal.com/285841.html>, сделанной по следам чемпионата Европы по фигурному катанию, который в 2018 г. состоялся в Москве. Приведем некоторые примеры: «Если Женя упадет, никакие *грибы* не помогут», «Плющенко всё сделал и каждый свой *гриб* отработал», «Там *грибы* за Ламбьеля *насыпаны*», «Может быть, если бы знали, что Ванесса и Морган не выстоят, не так бы *грибовали* Тарасову» и др.⁵ Нужно отметить, что «грибные» мотивы явно эмоционально переживаются и дают мощное развитие. Это может проявляться на лексическом уровне — в организации отношений лексической системности не только внутри гнезда *гриб-*, но и за его пределами: скажем, вместо *грибов* появляются *поганки*, ср.: «А вот нашему Воронову, судя по оценкам, за компоненты достались *поганки*»⁶. Возможно развитие мотивов и в плане визуализации: допустим, на многочисленных «фотожабах» фигурист, подозреваемый в сборе *грибов*, изображается с грибной корзиной в руках. Трудно сказать, когда именно появились обсуждаемые

³ <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2937187-что-такое-грибы-в-фигурном-катании.html#answer9106200>

⁴ <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2937187-что-такое-грибы-в-фигурном-катании.html#answer8666250>

⁵ Вот также несколько контекстов, появившихся во время других чемпионатов: «Женька — *грибница*», — это тезис, основанный на визуальных впечатлениях. А я хотел на цифрах этот тезис доказать или опровергнуть, как и тезисы, что у Загитовой, у Кихиры *грибы*» (<https://www.sports.ru/tribuna/blogs/badmotherfucker/2640577.html>), «Никогда Алину не *грибовали*. Наоборот, ей всегда зажимают оценки» (https://zen.yandex.ru/media/lovely_fk/griby-zagitovoi-mif-ili-realnost-5cd7d13254572b00b3bc6411), «Верно, на следующий раз стоит все учесть и *грибовать* заранее» (fso.isebb.ru: Форум о фигурном катании), «Шома молодец, но с *грибами* Ханю тяжело бороться» (<https://diary.ru/~fsthread/p220286659.htm?from=180>) и т. д.

⁶ <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/fsledlife/392411.html>

лексические единицы, но самые ранние из найденных нами контекстов относятся к 2012 г.

Образ грибов ярок и выразителен, поэтому, разумеется, предпринимались попытки **объяснения «грибных» выражений**, осуществлявшиеся как бы «изнутри» жаргона фигурного катания, т. е. с установкой, что лексические единицы возникли в этом языковом идиоме — и для их объяснения нужно найти те свойства реалии (грибов), которые могли бы обыгрываться применительно к ситуациям фигурного катания. Нам известны две мотивационные версии, высказывавшиеся на различных интернет-форумах.

Первая основана на таком свойстве грибов, как быстрый и «множественный» рост, ср. литер. *расти* (*вырастать, появляться, плодиться, рождаться*) как *грибы после дождя*: «Здесь прослеживается аналогия с реальными грибами, которые сильно растут после плохой погоды, когда был дождь, как, впрочем, и оценки фигуристов после плохого катания»⁷; «Вы помните, откуда пошло выражение про грибы? Это не только и не столько типа подкуп судей. Это стремительно возросшие оценки, как грибы после дождя»⁸.

Приверженцы второй версии считают ее единственно возможной, поскольку здесь есть апелляция к «первоисточнику», т. е. к «автору» изучаемых лексических единиц, которым называют технического специалиста Международного союза конькобежцев П. В. Дурнева: «Однажды известный технический специалист Петр Дурнев комментировал танцы на льду и начал очень эмоционально высказываться насчет неправильных решений, которые принимали судьи. Он сказал, что это, мол, техбригада *наелась галлюциногенных грибов* и теперь так коряво судит»⁹; «Петр Дурнев как-то комментировал фигурное катание и не понял, как и многие с ним, за что некоторым фигуристам надбавили оценки, а промахи вдруг никто не видел. Он высказался в духе, что судьи *грибочков наелись*, “волшебных”, то есть ставили отметки, будучи вовсе не в трезвом уме и твердой памяти. Потому что учитывали и медали прошлые, и имена, и все, что можно, чтоб фигуриста не утопить, даже если тот заслуживал, ну не выдал на 100 % в этот раз. Оценки, которые выдаются нарочно завышенно, маневры с этими оценками, стали называть *грибами*»¹⁰. Нам удалось найти

⁷ <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2937187-что-такое-грибы-в-фигурном-катании.html#answer9342984>

⁸ fso.isebb.ru: Форум о фигурном катании

⁹ <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2937187-что-такое-грибы-в-фигурном-катании.html#answer9290134>

¹⁰ <https://roypchel.com/2018/05/11/что-такое-грибы-в-фигурном-катании/>

эту запись (сделанную во время турнира «Skate America», 2009 г.)¹¹ — и мы убедились, что комментатор (П. В. Дурнев) сказал буквально следующее: «Только находясь под действием глюкогенных грибов можно было таким образом оценить техническое катание Яны и Сергея. <...> Там не только глюкогенными грибами не обошлось, но еще мертвой водой, которую они выпивали под каждый глюкогенный гриб»¹².

И та, и другая версия не отличаются достоверностью — и основная причина в том, что предлагаемые решения **не встраиваются в структурную модель**, в рамках которой существуют рассматриваемые выражения: *грибы* именно *насыпают, наваливают, кидают, бросают* фигуристам, а *фигуристы-грибники*, в свою очередь, *собирают* эти *грибы*. Эти формулы согласуются друг с другом, но не согласуются ни с растущими после дождя грибами, ни с «волшебными», которые будто бы едят судьи: между выражениями типа *навалить грибов* (кому? — спортсменам) и *наестся грибов* (о ком? — о судьях) слишком большой разрыв в плане строения образа. Коль скоро «грибные» выражения используются в «задокументированной» речи (на интернет-форумах, в статьях спортивных комментаторов и блогеров, в телерепортажах и пр.) и появились не так давно (в течение последних 10–15 лет), то нам должны быть доступны какие-то промежуточные звенья, которые привели бы нас от «поедания» грибов судьями до «добывания» их фигуристами. Иначе говоря, градус варьирования выражений был бы гораздо выше — и варианты, указывающие на «галлюциногенное» или «дождевое» происхождение грибов, можно было бы встретить в реальном употреблении. Следует также заметить, что само высказывание Дурнева, претендующее на статус прецедента, было произнесено во время турнира, который относительно мало известен, не транслировался по основным телевизионным каналам — а потому выражение вряд ли могло быстро войти в широкий узус (да еще в значительно трансформированном виде). Наконец, это высказывание относилось к неправомерно низким оценкам, а интересующий нас фразеологизм применяется только по отношению к завышенным; эта деталь не имеет, конечно, решающего значения, но если говорить о том, что дурневский текст мог стать прецедентным, то такую нестыковку тоже надо принимать во внимание.

Важно учесть, что для «фигуристского» сленга в целом характерен своеобразный **растительный код**: встречаются в этом сленге и *кактус* ‘фигурист, который вроде бы может очень многое, от него ждут результатов, а он валит одну программу за другой, разбивая сердца болельщиков’,

¹¹ Выражаем сердечную благодарность Е. О. Борисовой за помощь в поисках.

¹² <https://vk.com/audio?performer=1&q=Комментарии%20Skate%20America%202009>

и *ромашка* 'фигурист с неустойчивой психикой', и *дерево* 'на языке хейтеров: непластичный фигурист'¹³, и *валежник* 'фигурист, который много падает'¹⁴ и т. д. Эти лексические единицы говорят о возможности закономерного расширения растительного кода.

Предлагая **собственную версию** относительно происхождения «грибной» лексики в жаргоне фигурного катания, отметим, что этот идиом является относительно новым — и не может создаваться без опоры на ресурсы других форм существования языка, особенно других жаргонов. Это положение поддерживается не только поздним временем образования данного социолекта, но и особыми условиями его формирования и функционирования: в силу популярности фигурного катания лексическая «масса» жаргона создается, как говорилось выше, далеко не только профессионалами, но и любителями, болельщиками, «диванными фигуристами», общающимися на многочисленных форумах. Если учесть семантику изучаемого выражения, то можно с особой долей вероятности допустить, что оно возникло не в среде фигуристов, а вне ее, с участием других жаргонов. Необходимо принять во внимание и то, что изучаемые выражения обладают эвфемистической природой. И еще одно предварительное соображение: изучаемые выражения явно имеют исконную природу и не фиксируются, кажется, в других языках (авторы статьи выдвигали рабочую гипотезу о возможной принадлежности выражения к международному спортивному жаргону, но моделирование аналогов в английском и французском языке в ходе проверки не дало результатов¹⁵).

В **семантическом пространстве деривационно-фразеологического гнезда *гриб-*** (и родственных гнезд в славянских языках, особенно восточно- и западнославянских), которое включает в себя лексику, образованную от основы *гриб-*, и фразеологию с участием этого слова, наблюдается множество коннотативных смыслов, в том числе имеющих мифологическую природу. В рамках этой заметки невозможно (и не следует)

¹³ <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/pirouette/957285.html>

¹⁴ <https://rsport.ria.ru/20170924/1126210766.html>

¹⁵ В качестве параллели для русского глагола *грибовать* можно рассматривать, кажется, только англ. *to mushroom* 'to grow and develop very quickly' («расти и развиваться очень быстро») (см., к примеру, "Longman Dictionary of Contemporary English" [<https://www.ldoceonline.com/dictionary/mushroom/>]), образованное от *mushroom* 'гриб' (благодарим за это указание С. М. Толстую). Его семантика базируется на значимой для рассматриваемых русских фактов идее быстрого и обильного роста грибов, воплощение которой можно встретить во множестве языков (см. далее в статье ее славянские репрезентанты). Нет оснований считать, что это английское слово могло стать источником для русского «фигурнокатательного» гнезда; думается, речь может идти лишь о типологическом сходстве.

перечислять все эти смыслы, мотивирующие лексические единицы, и называть все тематические сферы, использующие образ грибов и придающие ему семантическую объемность. Мы остановимся только на тех смысловых «узлах» этого образа, на которых, как нам кажется, держится новое употребление, рассматриваемое в этой заметке. Они обнаруживаются в русской (с некоторыми славянскими параллелями) жаргонной и диалектной лексике со значением материального обогащения, браконьерства, социальной неудачи, любовной измены, физиологических отклонений.

▪ Ближайшая семантическая сфера к изучаемой нами — сфера **материального обогащения**, как правило **нечестного**: жарг. *гриб* ‘большая сумма’ [Дубягин, Бронников 1991: 43], *грибоед* угол., шутол.-ирон., перм. ‘человек, живущий за чужой счет’ [Мокиенко, Никитина 2000: 139], арх. *грибодёр* ‘рвач, хапуга’: «Грибодёр такой, окошко мне делал, дак много взял» [Матвеев (ред.), 2005: 133].

Ракурс формирования образа здесь сходен с тем, который мы обнаруживаем в лексике фигурного катания: *грибы* выступают как незаслуженное благо, а те, кто их *ест* или *дерёт* (собирает), — как потребители этого блага.

▪ Другая близкая смысловая область представлена лексикой промыслов, в рамках которых возможна **незаконная добыча чего-либо** (тоже ведущая, в конечном счете, к материальному обогащению). Это хитничество (тайная добыча самоцветов), браконьерство на рыбалке и охоте. Ряд примеров такого употребления «грибной» лексики записан нами в Свердловской области: *грибы* ‘незаконная добыча’: «На копи посидел, шел назад, грибы свои нес. Ну, не грибы, конечно. Но ведь не скажешь: мол, изюма набрал! Не изюм, а грибы» (Асбест); *нагрибовать*, *насобирать грибочков* ‘вернуться с добычей с какого-либо промысла (здесь: незаконной добычи драгоценных камней или рыбной ловли)’: «Я иду в лес вон с Людочкой. Понятно, за булыжниками своими. Но никому не говорим. Нас встречают: “Зачем пошли?” — “Да за грибами”. Обрато идем: “Ну что, много грибов насобирали?” — “Нам хватит, нагрибовали”. Значит, хороших камней нашли. <А если на рыбалку идете?> На рыбалке тоже такая история. “Ну что, дед, как сходил?” — “Насобирал грибочков!”» (Екатеринбург); *набрать грибов* ‘добыть незаконным путем что-либо ценное’: «<в ответ на реплику собирателя о том, что *грибы* ‘незаконная добыча’ были ему неизвестны>: А как вам про такие грибы услышать? Вы ж незаконно в лес не ходите! Вон, говорят, Васька набрал грибов — лесовать пошел, без лицензии зайцев настрелял. Про хитников тоже говорят так. Он типа в лес пошел, набрал грибов — ну тяжеловесов принес» (Палкино); «На Ватиху пойдём — никому не скажемся, куда пошли. А спросят — чего

несете? Ну, скажем, набрали грибов» (Кайгородское) [ЛКТЭ]. В этих примерах особенно нагляден эвфемистический характер грибной лексики: скажем, хитники, по сути, осуществляют двойную эвфемизацию своей добычи — «видовую» с помощью слов типа *изюм* (вместо *изумруды*), *тяжеловесы* (вместо *топазы*), *булыжники* (вместо *драгоценные камни*) и «родовую» с помощью упоминания *грибов*. Таким образом, упоминание *грибов* помогает говорящим не раскрывать свои истинные цели (находящиеся вне закона) и избавиться от сглаза предполагаемую добычу.

Функцию эвфемистической замены образ грибов может брать на себя и в других тематических сферах:

- **физиологических отправлений:** жарг. молод. *пойти по грибы* ‘отправиться в туалет’ [Мокиенко, Никитина 2008б: 163], ср. укр. жарг. *збирати гриби* ‘відвідувати туалет’ [Ставицька 2005: 111];
- **умственной неполноценности:** перм. *максímки пошли по грибы* у кого-л. ‘кто-л. несообразителен, неумен’ [Прокошева 2002: 201];
- **безделья:** костр. *грибы искать* ‘бездельничать’ [ЛКТЭ], ср. чеш. народн. *houby hrabat* <грибы собирать> ‘лодырничать’ [Zaorálek 1963: 117];
- **социальной неудачи:** простореч. *свєсть (скушать) гриб* ‘потерпеть неудачу, не добиться желаемого, обмануться’, ср. также польск. *pójść na grzyby* <пойти по (“на”) грибы> ‘быть непригодным для чего-л.’, *posłać, wugnać, kazać pójść na grzybki* <послать, выгнать, сказать пойти по (“на”) грибы> ‘отстранить кого-либо, уволить, выгнать с работы’ [Skorupka 1968: 270], чеш. *dostat houbovou* <получить грибной суп> ‘получить нагоняй (нахлобучку)’ [Mokienko, Wurm 2002: 176].

Наконец, образ грибов отражается и в **бранной** лексике (фразеологии): твер. *маткины рыжyki* — бранное: «Мидведя на дароге мужык видил. “Ох, — гаварит, — маткины рыжyki, выкатил какой, голаву павирнул, прикашлянул» [Герд (ред.) 2014: 111], ср. польск. *Niech se idzie na grzyby* <Шел бы он по грибы!> ‘бранно: Шел бы он к черту!’ [Krzyzanowski, Swirko (red.) 1969: 767], чеш. *houby* ‘черта с два, как бы не так’ [Sádlíková (red.) 2005: 222], *houby s octem [na kyselou]* <грибы с уксусом [квашеные]> ‘кукиш (фиг, фигу) с маслом; чёрта с два’ [Mokienko, Wurm 2002: 176]. Связь с первичным значением здесь совсем выхолащивается; в этом смысле показательна корреляция *грибы* — *черт* в чешских выражениях *houby na tom zalezi (certa [stareho] zalezi [na tom])* ‘это не имеет ни малейшего значения; это совершенно не важно’ [Mokienko, Wurm 2002: 176].

Вся совокупность примеров с эвфемизацией (в ряде случаев «переработанной» в иронию) высвечивает способность образа грибов нести в себе значение сокрытия истинных целей какого-либо тайного действия и использоваться для замены чего-либо неприличного, недолжного.

Почему так происходит? И шире — каковы те **смыслы** (связанные с лингвокультурным образом грибов), которые могут **повлиять на формирование изучаемых нами выражений?**

▪ Как можно заметить, во многих случаях в «грибных» выражениях образ грибов фигурирует в контексте похода за грибами. Грибы не находятся на виду, они «скрываются», их надо искать, зная особые места. При этом *поход за грибами* — не только образ, используемый для эвфемизации других «походов» (скажем, в туалет); сама ситуация такого похода (так же, как рыбалка, охота и пр.) обставлялась различными эпизодами табуистических замен (уклончивые ответы на вопросы «Куда идешь?», «Сколько собрал?» и пр., см., например, [Ильина, Топорков 2007]), а также другого рода магическими действиями [Толстой (ред.) 1995: 549]. Отсюда смысловая аура **«потаенного»**, которая присутствует в языковом образе грибов.

▪ В восточнославянских языковых традициях, особенно на севере славянского мира, грибы нередко воспринимаются как безусловная ценность, что обусловлено их более чем значимой ролью в рационе (к примеру, о важном месте грибов в пищевом поведении севернорусского крестьянина см. [Осипова 2021]). Символика **ценного**, таким образом, тоже входит в тот комплекс смыслов, который связан с грибами.

▪ Указанные в предыдущем пункте представления в то же время амбивалентны: есть полюс не только высокой, но и **низкой ценности**. Этот смысловой акцент формируется по двум основным причинам. Во-первых, одни и те же слова могут обозначать как хорошие «пищевые» грибы, так и плесневые грибы, грибковые заболевания и пр. В гнездах **grib-* и **gъb-* в славянских языках представлены многочисленные значения грибов-трутовиков и всяческих болезненных наростов, а в гнезде **gъb-* — также значения ‘струнья’, ‘парша’, ‘проказа’ [Трубачев (ред.) 1980: 78, 126–127]. Кроме того, собственно «пищевые» грибы быстро гнивают, поедаются червем, «расползаются» и проч., что дает основания для многочисленной «грибной» фразеологии, эксплуатирующей мотивы старого, порченого etc. Во-вторых, при всей своей пищевой ценности грибы стоят в пищевой иерархии на ступени более низкой, чем мясо или рыба, и противостоят последним как их постная замена, ср. шуточные номинации *лесное (лесовое) мясо* новг., яросл. ‘грибы’ [Строгова (отв. ред.) 1994а: 21; Мельниченко (ред.) 1986: 128], *горняя*¹⁶ *рыба* печор. ‘о грибах’ [Ивашко (ред.) 2003: 149]. Грибы, таким образом, могут восприниматься как ненастоящий аналог настоящей ценности. Отсюда символика **подмененного, ненастоящего**.

¹⁶ Горняя здесь — находящаяся на горе, т. е. на суше.

▪ Грибы в славянской народной культуре наделяются яркой эротической символикой, см. об этом [Топоров 1979; Белова 1996]. Она разнообразно отражена¹⁷ и в системе языка, и в фольклорной традиции (в том числе в вербальной составляющей некоторых ритуалов эротического характера), ср., к примеру, арх. *рыжики солить* 'целоваться', арх. *солить рыжики на пост*, *промораживать рыжики* 'шуточный обряд, когда обручившиеся жених и невеста целуются при катании с гор на санях' [Сороколетов (гл. ред.) 2001: 305]. В числе прочего, эротическая символика грибов питает обширную фразеологию измены в любви и отказа при сватовстве — новг. *грибы выросли у кого* 'кто-л. получил отказ при сватовстве' [Сергеева 2004: 235], *наварить грибов* 'изменить в любви кому-л.' [Филин (гл. ред.) 1983: 151], новг. *грибы (грибочки) тебе (мне)*: «Говорят, мене измена, говорят, мене грибы, обожди, толстоголовый, нахлебаешься и ты» [Строгова (отв. ред.) 1992: 59], новг. *рыжики ему (тебе)*: «Когда кто-то изменяет кому-то, то говорят: ему рыжики»; «Рыжики тебе, милый, рыжики, девушка уходит с другим парнем» [Строгова (отв. ред.) 1994в: 163], новг. *сварить (нажарить, насолить, сделать, подсыпать, устроить) грибов (рыжиков) кому-л.*: «А ты грибов ей свари, чтоб нос не сдымала»; «Я по нему сохнуть не буду, наварю грибов да и все тут»; «Она рыжики жгет, а он дома высиживает, дурак»; «Не подсыпай, милёнок, рыжиков, опять гулять захошь. После рыжиков, милёночек, ко мне не подойдешь» [Сергеева 2004: 238–239; Строгова (отв. ред.) 1994б: 58], пск., арх. *делать рыжики* [Сороколетов (гл. ред.) 2001: 305], *рыжик* пск. 'тот, кому изменили в любви, дружбе' и, наоборот, арх. 'о нарушителе верности в любви, дружбе': «Рыжик, изменник, все одинаково» [Сороколетов (гл. ред.) 2001: 305] и др. Этот же образ представлен в частушке, содержащей намек на измену: «Моя милочка варила / Всё обабки да грибки. / После этой-то похлёбки / Хер не встанет на дыбки» (влг.) [КСГРС].

Эротическая символика грибов во многом обусловила способность слова *гриб* принять на себя семантику **неудачи**, о которой мы писали выше¹⁸ (как известно, ряд слов, обозначающих гениталии, используются для выражения такого значения). Разумеется, эротические коннотации опре-

¹⁷ На древнейшем уровне эротическая символика проявлена, в частности, в том, что слова гнезд **gob-* и **grib-* имеют в своем семантическом спектре значения гениталий.

¹⁸ Выражение *свесь гриб* В. И. Коваль справедливо рассматривал в ряду с рус. *свесь кукиш*, *фигу*, *шиш*, бел. *з'есці кукіш*, *дулю*, *фігу*, укр. *біса з'істи* 'потерпеть неудачу'. Негативные коннотации гриба он связывает с тем, что «неопределенность представлений о природе грибов, о том, к какому — растительному или животному — миру они принадлежат, проявляется у славян в подчеркнутом отношении к грибам как явлению нечистому» [Коваль 1998: 24–25]. Нам, однако, представляется, что *гриб* здесь изофункционален кукишу, фиге и пр., заменяя указание на мужской половой орган.

делили и большие «эвфемизирующие» возможности «грибной» лексики и фразеологии.

▪ Упомянем напоследок еще один мотив, который тоже существенен. Мы уже касались его выше, но здесь есть смысл повторить в развитии и с несколько другими акцентами. С реальными свойствами грибов связан комплекс выражений, описывающих **изобилие**, **множество** чего-л., — *расти* (*вырастать*, *появляться*, *плодиться*, *рождаться*) *как грибы (грибы)* [*после дождя*] ‘о чем-л. растущем, множащемся, увеличивающемся очень быстро и в большом количестве’, *чего как (что)* [*белых*] *грибов* [*после дождя (в лесу)*] ‘о неимоверно большом количестве чего-л.’ [Мокиенко, Никитина 2008а: 152], пословица *Иванов что грибов поганых*. Мотив изобильного и легкого роста грибов находим также в пословицах *Бобы не грибы: не посеяв (не посеешь), не взойдут; Женишок не грибок, в лесу не родится; Мужичок не грибок, не растёт под дождок* и под.; выражениях пск. *расти/вырасти как гриб в лесу* ‘об очень быстром росте, строительстве чего-л.’, *дешевле грибов* ‘о чем-л. баснословно дешевом и продающемся повсюду в изобилии’ [Мокиенко, Никитина 2008а: 152]. Семантика множественности сопряжена с семантикой легкодоступности, даже незначительности, ср. пословицы *По беду — не по грибы; По долги — не по грибы* [Мокиенко, Никитина 2008а: 152]. Эти и подобные фразеологизмы, функционирующие не только в русском, но и в других славянских языках¹⁹, отражают присущую образу грибов семантику **изобилия** и **легкой добычи**.

* * *

Подведем итоги, вернувшись к *грибам* в фигурном катании. Итак, в жаргоне фигурного катания сравнительно недавнего времени появилось слово *грибы* в значении ‘незаслуженно высокие баллы фигуристам’, которое функционирует и как отдельная лексема, и в составе выражений *кидать грибы, навалить грибов* и т. д. Очевидно, что семантическая сфера фигурного катания — вторичная, «принимающая», реципиентная сфера для «грибной» лексики. Иначе говоря, эта группа слов и выражений в составе «фигурнокатательного» жаргона сформировалась с опорой на ресурсы других лексических пластов, где за ней закреплены подходящие коннотации. Разумеется, речь не идет о механическом переносе: мы не можем говорить, что какое-либо «грибное» выражение напрямую заимствовано в область фигурного катания, скажем, из жаргона браконьеров. Речь идет именно об использовании и творческом прочтении в новой

¹⁹ Ср., к примеру, чеш. *jako hub po dešti* ‘хоть отбавляй’ [Mokienko, Wurm 2002: 176], бел. *расці як грыбы пасля дажджу* [Крапіва (рэд.) 2003: 720], укр. як *гриби* ‘швидко і в великій кількості’, укр. *дешевший від грибів* ‘дуже дешевий’ [Паламарчук (ред.) 1993: 197; 233], пол. *taniej grzyba (coś kupić) = za nic, za darmo* <дешевле грибов (что-л. купить) = за ничто, очень дешево> [Kałowicz 1901: 142].

(явно более поздней по времени формирования) лексической сфере того потенциала языковой образности и смыслопорождения, который накоплен в других сферах.

Образ грибов оказывается представлен во многих «внеботанических» областях лексики, в том числе жаргонной и арготической природы. Он часто востребован там, где требуется доля шифровки смыслов — и высокая степень экспрессии; шифровка, повышенная экспрессивность наряду с переосмыслением известного, востребованного в языке образа присущи жаргону как специфические его черты. Действительно, слово *гриб* и его дериваты имеют весьма значительный табуизирующий заряд, а семантика незаконного получения лишних баллов, со своей стороны, требует эвфемистических способов лексического воплощения и, конечно, проявления ощутимой экспрессии. В коннотативном спектре слова *гриб* как раз обнаруживаются коннотации скрытого, тайного действия, подмены, быстрого и неожиданного появления, множественности, а также имеет место парадоксальное сочетание символики как высокой, так и низкой ценности, как трудной, так и легкой добычи.

Все это способствовало, думается, попаданию образа грибов в жаргон фигурного катания, где он «живет» наряду с другими растительными образами, но укоренился гораздо более мощно, поскольку он вырос из целой словесной «грибницы», споры которой распространены во многих других нестандартных сферах лексики.

Источники

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Литература

- Белова О. В. Эротическая символика грибов в народных представлениях славян // Секс и эротика в русской традиционной культуре / сост. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1996. С. 317–322.
- Герд А. С. (ред.). Селигер: материалы по русской диалектологии: словарь. Вып. 6. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2014. 128 с.

- Дубягин Ю. П., Бронников А. Г. (ред.). Толковый словарь уголовных жаргонов. М.: Интер-ОМНИС: РОМОС, 1991. 206 с.
- Ивашко Л. А. (ред.). Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2 т. Т. 1. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 553 с.
- Ильина Т. С., Топорков А. Л. Вербальные запреты в современных полевых материалах // АБ-60: сб. ст. к 60-летию А. К. Байбурина / ред. Н. Б. Вахтин, Г. А. Левинтон. СПб.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2007. С. 133–145.
- Коваль В. И. Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение. Гомель: Гомельск. ун-т им. Ф. Скорины, 1998. 213 с.
- Крапіва К. (рэд.). Беларуска-рускі слоўнік: у 3 т. Т. 1. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2003. 1120 с.
- Матвеев А. К. (ред.). Словарь говоров Русского Севера. Т. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 388 с.
- Мельниченко Г. Г. (ред.). Ярославский областной словарь. Вып. 5. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. пед. ин-та, 1986. 131 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. 717 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008а. 800 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008б. 785 с.
- Осипова К. В. «Лесная Паша передала»: к этнолингвистической интерпретации севернорусских названий блюд из грибов и ягод // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 30–59.
- Паламарчук Л. С. та ін. (ред.). Фразеологічний словник української мови. Кн. 1. Київ: Наукова думка, 1993. 528 с.
- Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 431 с.
- Сергеева Л. Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. Великий Новгород: [б. и.], 2004. 307 с.
- Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 35. СПб.: Наука, 2001. 360 с.
- Ставицька Л. Український жаргон: словник. Київ: Критика, 2005. 494 с.
- Строгова В. П. (отв. ред.). Новгородский областной словарь: в 12 вып. Вып. 2. Новгород: Изд-во Новг. пединститута, 1992. 142 с. Вып. 5. Новгород: Изд-во Новг. пединститута, 1994а. 162 с. Вып. 8. Новгород: Изд-во Новг. пединститута, 1994б. 169 с. Вып. 9. Новгород: Изд-во Новг. пединститута, 1994в. 168 с.
- Толстой Н. И. (ред.). Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. 577 с.
- Топоров В. Н. Семантика мифологических представлений о грибах // Balkanica / отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1979. С. 234–297.

- Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 7. М.: Наука, 1980. 225 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 19. М.; Л.: Наука, 1983. 359 с.
- Karłowicz J. *Słownik gwar polskich*. T. 2. Kraków, Nakładem Akademii Umiejętności, 1901. 553 s.
- Krzyżanowski J., Swirko S. (red.). *Nowa księga przysłów i wyrazów przysłowiowych polskich*. W oparciu o dzieło Samuela Adalberga. T. 1. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. 881 s.
- Mokienko V., Wurm A. *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc, Univ. Palackého v Olomouci, 2002. 659 s.
- Sádlíková M. et al. (red.). *Velký česko-ruský slovník*. Praha, Leda, 2005. 1407 s.
- Skorupka S. *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. T. 2. Warszawa, Wiedza Powszechna, 1968. 906 s.
- Zaorálek J. *Lidová rčení*. Praha, Naklad. ČAV, 1963. 779 s.

References

- Belova O. V. [Erotic symbolics of mushrooms in the folk representations of the Slavs]. *Seks i erotika v russskoi tradicionnoi kul'ture* [Sex and eroticism in Russian traditional culture]. Moscow, Lodomir Publ. 1996, pp. 317–322. (In Russ.)
- Dubyagin Yu. P., Bronnikov A. G. (eds.). *Tolkovyj slovar' ugotovnykh zhargonov* [Explanatory dictionary of criminal jargon]. Moscow, Inter-OMNIS Publ., ROMOS Publ., 1991. 206 p.
- Filin F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 19. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1983. 359 p.
- Gerd A. S. (ed.). *Seliger: materialy po russskoi dialektologii: slovar'* [Seliger: Materials on Russian dialectology]. Vol. 6. Tver, Tver State University Publ., 2014. 128 p.
- Il'ina T. S., Toporkov A. L. [Verbal prohibitions in modern field materials]. *AB-60: sbornik statei k 60-letiiu A. K. Bayburina* [AB-60. Collection of articles commemorating the 60th anniversary of A. K. Bayburin]. St. Petersburg, European Univ. in St. Petersburg Publ., 2007, pp. 133–145. (In Russ.)
- Ivashko L. A. (ed.). *Slovar' russkikh govorov Nizovoi Pechory* [Dictionary of Russian dialects of Nizovaya Pechora]. In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg, St. Petersburg State Univ. Publ., 2003. 553 p.
- Karłowicz J. *Słownik gwar polskich* [Dictionary of Polish dialects]. Vol. 2. Kraków, Academy of Sciencis Publ., 1901. 553 p.
- Koval' V. I. *Vostochnoslavjanskaja etnofrazeologija: derivacija, semantika, proiskhozhdenie* [East Slavic ethnophraseology: derivation, semantics, origin]. GomeL, Gomel University named after F. Skorina Publ., 1998. 213 p.

- Krapiva K. (ed.). *Belaruska-ruski slounik* [Belarusian-Russian dictionary]. In 3 vols. Vol. 1. Minsk, Belaruskaya Entsylapedyya Publ., 2003. 1120 p.
- Krzyżanowski J., Świrko S. (eds.). *Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło Samuela Adalberga* [New book of Polish proverbs and proverbial expressions]. Vol. 1. Warszawa, State Publishing Institute Publ., 1969. 881 p.
- Matveev A. K. (ed.). *Slovar' gorovor Russkogo Severa* [Dictionary of Russian North dialects]. Vol. 3. Ekaterinburg, Ural Univ. Publ., 2005. 388 p.
- Mel'nichenko G. G. (ed.). *Yaroslavskii oblastnoi slovar'* [Yaroslavl dialect dictionary]. Vol. 5. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical Institute Publ., 1986. 131 p.
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona* [Large dictionary of Russian jargon]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 717 p.
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkikh narodnykh sravnenii* [Large dictionary of Russian folk comparisons]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2008a. 800 p.
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [Large dictionary of Russian proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2008b. 785 p.
- Mokienko V., Wurm A. *Česko-ruský frazeologický slovník* [Czech-Russian phraseological dictionary]. Olomouc, University named after Palacky in Olomouc Publ., 2002. 659 p.
- Osipova K. V. ["From the Forest Pasha": on the ethnolinguistic interpretation of the North Russian names of mushroom and berry dishes]. *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 49, pp. 30–59. (In Russ.)
- Palamarchuk L. S. et al. (eds.). *Frazeologichnii slovník ukraïns'koi movi* [Phraseological dictionary of Ukrainian language]. Book 1. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1993. 528 p.
- Prokosheva K. N. *Frazeologicheskii slovar' permskikh gorovorov* [Phraseological dictionary of Perm dialects]. Perm, Perm State Pedagogical Univ. Publ., 2002. 431 p.
- Sádlíková M. et al. (eds.). *Velký česko-ruský slovník* [Large Czech-Russian dictionary]. Praha, Leda Publ., 2005. 1407 p.
- Sergeeva L. N. *Materialy dlya ideograficheskogo slovaryá novgorodskikh frazeologizmov* [Materials on ideographic dictionary of Novgorod phraseological units]. Veliky Novgorod, [s. n.], 2004. 307 p.
- Skorupka S. *Slovník frazeologiczny języka polskiego* [Phraseological dictionary of Polish language]. Vol. 2. Warsaw, General Knowledge Publ., 1968. 906 p.
- Sorokoletov F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh gorovorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 35. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 360 p.
- Stavic'ka L. *Ukraińskii zhargon: slovník* [Ukrainian jargon: dictionary]. Kiev, Kritika Publ., 2005. 494 p.
- Strogova V. P. (ed.). *Novgorodskii oblastnoi slovar'* [Novgorod dialect dictionary]. In 12 vols. Vol. 2. Veliky Novgorod, Novgorod Pedagogical Institute Publ., 1992. 142 p.; Vol. 5. Veliky Novgorod, Novgorod Pedagogical Institute Publ., 1994a. 162 p.; Vol. 8. Veliky Novgorod, Novgorod Pedagogical Institute Publ., 1994b. 169 p.; Vyp. 9. Veliky Novgorod, Novgorod Pedagogical Institute Publ., 1994c. 168 p.

Е. Л. Березович, В. С. Кучко. Откуда взялись *грибы* в фигурном катании: к мотивационной интерпретации...
E. L. Berezovich, V. S. Kuchko. Where Did Mushrooms Come From in Figure Skating: On Motivational Interpretation...

- Tolstoy N. I. (ed.). *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheski slovar'* [Slavic antiquities: ethno-linguistic dictionary]. In 5 vols. Vol. 1. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1995. 577 p.
- Toporov V. N. [Semantics of mythological ideas about mushrooms]. *Balkanica*. Moscow, 1979, pp. 234–297. (In Russ.)
- Trubachev O. N. (ed). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages]. Vol. 7. Moscow, Nauka Publ., 1980. 225 p.
- Zaorálek J. *Lidová rčení* [Folk sayings]. Praha, Czech Academy of Sciences Publ., 1963. 779 p.

Новые сложные слова с компонентами *корона-* *и ковид-* в русском языке (словообразовательный и нормативный аспекты)

Елизавета Сергеевна Громенко, Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург), e.l.gromenko@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170017238-0

АННОТАЦИЯ: Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, введение ограничительных мер — события, повлекшие кардинальные перемены в жизни общества, причина общемирового стресса и колоссальной языковой продуктивности. Уникальность сложившейся во время пандемии языковой ситуации определяется скоростью языковых процессов, которые обычно становятся результатом длительного исторического процесса, в то время как новые языковые единицы пандемийного времени испытали на себе эти преобразования в течение одного года (образование распространенных деривационных рядов, формирование полисемии, омонимии и пр.). Материал языка пандемии COVID-19 демонстрирует распространенную среди сложных лексем вариативность, причиной которой может быть недостаточная грамотность пишущего (в частности, дефисное написание сложных слов с соединительной *о*) или являющееся основанием проблемы нормализации изначальное допущение системой наличия варианта. Сложные слова с *корона-* и *ковид-* представляют особый интерес с точки зрения нормативного аспекта, демонстрируя многочисленный материал по орфографической, графической, словообразовательной вариативности. Сложные дериваты с аналитическим прилагательным — эмблемой коронавирусной эпохи

корона- показывают несоответствие написания около 50 % единиц существующей орфографической норме, а также в ряде случаев доминирование в узусе ненормативного варианта или равное количество употреблений ненормативного и нормативного вариантов. При этом параллельная, дублетная группа производных с компонентом *ковид-*, напротив, следует за существующей нормой. Модель сложения с соединительной *о* при параллельно функционирующих сравнимых наименованиях с аналитическим прилагательным *корона...*, написанных слитно и/или через дефис, присутствует в 30 % случаев, некоторые из которых узуальны.

ключевые слова: язык коронавирусной эпохи, неологизм, орфографическая вариативность, слитное написание, дефисное написание, норма, кодификация, узус

для цитирования: Громенко Е. С. Новые сложные слова с компонентами *корона-* и *ковид-* в русском языке (словообразовательный и нормативный аспекты) // Русская речь. 2021. № 5. С. 40–54. DOI: 10.31857/S013161170017238-0.

благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00494 «Лексико-семантическая неология в русском языке начала XXI века».

Issues of Modern Russian Language

New Compounds with *Corona-* and *Covid-* in Russian Language (Word-Formation and Normative Aspects)

Elizaveta S. Gromenko, Institute for Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences)
(Russia, St. Petersburg), e.l.gromenko@gmail.com

ABSTRACT: The pandemic of coronavirus infection COVID-19 and the introduction of restrictive measures are the events that have led to dramatic

changes in the life of society and are the cause of global stress and colossal language productivity. The uniqueness of the language situation that has developed during the pandemic is determined by the speed of language changes, that usually result from a long historical process, while the new language units of the pandemic period have undergone these transformations within one year (derivational productivity, the formation of polysemy, homonymy, etc.). The material of the language of the COVID-19 pandemic demonstrates variability common among complex lexemes, the reason for which may be the lack of literacy of a writer (in particular, the hyphenated spelling of complex words with a connecting –o–) or the initial possibility of the system to allow the existence of several variants. Compound words with *corona-* and *covid-* are of particular interest from the point of view of the normative aspect, demonstrating numerous material on spelling, graphic and derivational variability. Complex derivatives with the analytical adjective of the coronavirus era *corona-*, demonstrate the inconsistency of the spelling of about 50 % of the units with the existing spelling norm, as well as in some cases the dominance of a non-normative variant in the usus or an equal number of uses of non-normative and normative variants. However, the doublet group of derivatives with the *ковид-* (*covid-*) component, follows the existing norm. The model of addition with the connecting –o– along with functioning comparable names with the analytical adjective *corona ...*, written together and/or with a hyphen, is present in 30 % of cases, some of which correspond to the usus.

KEYWORDS: neology, new word, COVID-19 language, variability, hyphenated or unhyphenated, codification

FOR CITATION: Gromenko E. S. New Compounds with *Corona-* and *Covid-* in Russian Language (Word-Formation and Normative Aspects). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 5. Pp. 40–54. DOI: 10.31857/S013161170017238-0.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research, project 19-012-00494 “Lexical-semantic neology in the Russian language of the early XXI century”.

Пандемия коронавирусной инфекции, охватившая весь мир, стала переломным моментом в жизни общества и дала невероятный импульс языковой продуктивности, сравнимой только с периодом «перестройки и постперестройки конца XX века» [Вепрева, Купина 2021: 91].

Во время пандемии COVID-19 язык пополнился множеством сложных слов на основе ключевых понятий коронавирусной эпохи *коронавирус* (*коронавирус-история*, *коронавирус-новости*), *ковид* (*ковид-дистанция*, *ковидокризис*), *корона(вирус)* (*корона-пати*, *коронаужас*), *зум* (*зум-лекция*, *зум-свидание*), *дистант* (*дистант-преподавание*, *дистант-семестр*), *карантин* (*карантин-челлендж*, *карантин-шейминг*) (см. подробнее о словообразовании во время пандемии COVID-19: [Воронцов 2021, Замальдинов 2020, Левина 2021, Маринова 2021, Минеева 2021, Митурска-Бояновска 2021, Рацибурская 2021, Ридецкая 2021]).

«Словарь русского языка коронавирусной эпохи» [Приемышева (отв. ред.) 2021], подготовленный коллективом лексикографов Отдела современной русской лексикографии Института лингвистических исследований Российской академии наук, отображает масштаб возникшего во время пандемии COVID-19 и карантина по коронавирусной инфекции стихийного словотворчества, демонстрирует системность и регулярность материала. В нем приводятся следующие статистические данные по зафиксированным в словнике количественно значимым словообразовательным гнездам с начальными компонентами *корона(вирус)* — 1105 слов, *ковид-* (*COVID-*) — 1074 слова, *карантин* — 258, *зум* (*Zoom*) — 226. [Приемышева (отв. ред.) 2021: 16].

Сложные слова с компонентами *корона-* и *ковид-* именуют явления и понятия, возникшие вследствие пандемии COVID-19 и введения ограничительных мер, и включаются во все без исключения сферы человеческой деятельности, ср.: медицина (*ковид-тест*, *корона-инфицирование*, *коронапатоген*), экономика (*ковид-кризис*, *коронарецессия*, *коронацессии*), судебное дело (*коронаправо*), строительство (*короназаморозка*), страхование (*коронаполис*), развлекательная, досуговая деятельность (*ковид-пати*, *коронаоке*, *короначеллендж*) и пр. (см. подробнее: [Громенко 2020, Геккина 2021]).

Быстро и интенсивно протекающие словообразование и словотворчество языка коронавирусной эпохи привели к *сверхварьированию*, т. е. к «появлению невероятного количества графических, орфографических, словообразовательных вариантов, невероятной по масштабности синонимии, способствовали развитию полисемии, омонимии, энантиосемии» [Приемышева 2021: 19–20]. Композиты с *корона-* и *ковид-* представляют особый интерес с точки зрения нормативного аспекта, демонстрируя многочисленный материал по орфографической вариативности, функционированию соответствующих и не соответствующих существующей орфографической норме лексем. Однако в первую очередь обратимся к ключевому понятию языка коронавирусной эпохи — *коронавирус*, кодифицированное написание которого менялось в течение последнего десятилетия.

Согласно «Русскому орфографическому словарю» (далее — РОС) [Лопатин, Иванова (ред.) 2012], нормативным является написание *корона-вирус*, однако оно исправляется в 2018 году [Лопатин, Иванова (ред.) 2018] на слитное — *коронавирус*. Обратимся к медийному банку «Интегрум» — архиву московских и российских региональных газет и журналов, онлайн-ресурсов, записей теле- и радиопрограмм, охватывающему время публикации с конца 1980-х — начала 1990-х годов до настоящего времени, и Национальному корпусу русского языка (НКРЯ) — электронному онлайн-корпусу, содержащему письменные русские тексты с середины XVIII века, и проследим динамику употребления слов *корона-вирус* и *коронавирус* до 2012 года — момента фиксации этой лексемы в РОС. По данным НКРЯ, вариант *корона-вирус* не фиксируется ни в одном тексте, вариант *коронавирус* употребляется в пяти текстах в период с 1998 по 2010 гг. По данным ресурса «Интегрум», до 2012 г. лексема *корона-вирус* фиксируется в 140 документах, *коронавирус* — в 2838 документах. Статистика демонстрирует значительное расхождение количества употреблений вариантов *корона-вирус* и *коронавирус* с преимущественным использованием слитного написания и противоречие принятой в РОС (2012) нормы не только этимологическому фактору, но и языковой тенденции.

Во время пандемии в узусе активизируется вариант написания лексемы *коронавирус* через гласную *о* в третьем слоге — *короновирбус*, который основывается на традиционной в русском языке словообразовательной модели сложения с соединительной гласной *о* (*В целях недопущения случаев заболеваний, вызванных новым коронавирусом... ГУ МЧС России по Тверской области* (69.mchs.gov.ru) 01.03.2020; *Не знаю, связано ли это с коронавирусом, но...* Банк Тинькофф (tinkoff.ru) 31.12.2020). Написание *короновирбус* до 2012 года встречается в 582 документах, то есть является употребительнее, чем принятое в РОС (2012) нормативное дефисное написание.

Лексема *коронавирус* — прямое заимствование, поэтому, согласно оригинальному написанию в английском языке *coronavirus*, в адаптации на русском языке пишется слитно с гласной *а* в третьем слоге (ср. прямые заимствования — наименования вирусов: *аденовирусы*, *аренавирусы*, *астровирусы*, *афтовирусы*, *виргавирусы*, *гепаднавирусы*, *парвовирусы*, *полиомавирусы*, *паповавирусы*, *ротавирусы*, *филовирусы*). В конце февраля 2020 года в СМИ появляются статьи рекомендательно-пояснительного характера, посвященные корректному написанию неологизмов пандемийной реальности, в том числе актуализированного понятия *коронавирус* (см.: *Филолог рассказала, как правильно писать слово «коронавирус» и как склонять «Ухань»* <загл.>. ТАСС 28 февраля 2020; РАН: *Орфографический словарь не*

допускает написания слова «коронавирус» через «о» <загл.>. Агентство городских новостей (Москва) Рамблер ТАСС 28 февраля 2020).

Написание *короновирбус*, по сравнению с написанием *коронавирус*, менее частотно в текстах СМИ: 349 657 555 документов с *коронавирус* против 322 455 документов с *короновирбус*. Если обратиться к территориальному распространению источников, употребляющих то или иное написание, то федеральные ресурсы используют такое написание в два раза реже, чем региональные (29 574 против 68 584). При этом чаще всего написание с гласной *о* в третьем слоге фиксируется на информационных порталах (97 641 документ).

Перейдем к рассмотрению сложных слов, образованных от ключевых понятий *коронавирус* и *ковид*.

Первая группа лексики — сложные существительные с аналитическим прилагательным *корона...*, появившимся в результате усечения опорного слова *коронавирус*. Ср.: *корона-бизнес*, *коронабизнес*, *корона-билет*, *корона-блокада*, *коронаблокада*, *корона-блокировка*, *корона-бокс*, *коронабокс*.

Вторая группа лексики дополняет первую и состоит из сложных существительных, образованных по традиционной словообразовательной модели с соединительной *о* и первой частью, полученной путем усечения лексемы *коронавирус*. Ср.: *коронаоalarmист*, *коронаоapокалипсис*, *коронаобезопасность*, *коронаобезумие*, *коронаоинфекция*, *коронаоинфицированный*, *коронаокpизис*, *коронао-пандемия*, *коронао-паника*, *коронаопофигист*.

Третья группа — сложные существительные с аналитическим прилагательным *ковид...* — дается эпизодически для сравнения с тенденциями первой группы, т. к. за редким исключением соответствует существующим орфографическим правилам и не является проблемной. Ср.: *ковидо-апокалипсис*, *ковидапокалипсис*, *ковид-вспышка*, *ковид-заболеваемость*, *ковид-изоляция*, *ковид-инфицирование*, *ковид-лечебница*, *ковид-нагрузка*, *ковид-ограничения*.

Четвертая группа содержит сложные слова, образованные по модели с соединительной *о* и первой частью — аналитическим прилагательным *ковид...*. Ср.: *ковидо-мания*, *ковидо-паникёр*, *ковидоalarmист*, *ковидоафера*, *ковидовер*, *ковидодиссидент*.

Наибольший интерес представляет первая группа лексики, которая содержит обширный материал по несоответствию фактов узуса норме, поэтому тщательному анализу подвергается именно она и дополняющая ее — вторая, третья и четвертая группы рассматриваются факультативно.

Выборка материала первых двух блоков состояла из последовательной проверки возможных вариантов слитного и дефисного написания слож-

ных слов с начальным компонентом *корона...* и наличия единиц, образованных при помощи модели сложения с соединительной гласной *о*. Полученный список был организован в ряды, в которых могло быть заполнено от одной до четырех позиций: 1) дефисное написание *корона...*; 2) слитное написание *корона...*; 3) модель сложения с соединительной гласной *о*; 4) дефисное написание слов с соединительной гласной *о*.

Орфографические варианты сложных слов с начальным компонентом *корона...*, словообразовательные варианты *корона...* и *коронавирус(о)*:

<i>корона-бесие</i>	<i>коронабесие</i>	<i>коронабесие</i>	<i>коронабесие</i>
<i>корона-диссидент</i>	<i>коронадиссидент</i>	<i>коронадиссидент</i>	<i>коронадиссидент</i>
—	<i>коронасессия</i>	<i>коронасессия</i>	—
<i>корона-симптом</i>	—	—	—
<i>корона-скандал</i>	<i>коронаскандал</i>	<i>коронаскандал</i>	—
—	<i>коронаслежка</i>	—	—
<i>корона-сленг</i>	<i>коронасленг</i>	—	—

Для сложных существительных с компонентом *корона...*, согласно правилам русской орфографии (см. [Бешенкова, Иванова 2018: 45]), нормативным является слитное написание, т. к. *корона...* самостоятельно не употребляется и оканчивается на гласную, ср.: *коронаоптимист*, *коронаопыт*, *коронаостров*, *коронаотделение*, *коронаотель*, *коронаотпуск*, *коронаотрицальщик*, *коронаотрицатель*.

Однако 83 % материала — сложные существительные с практически равнозначным количеством единиц со слитным (40 %) и дефисным (38 %) написанием, 62 % словника имеют вариативную пару, ср.: *корона-апокалипсис* / *коронаапокалипсис*, *корона-апрель* / *коронаапрель*, *корона-атака* / *коронаатака*, *корона-атеист* / *коронаатеист*, *корона-бедствие* / *коронабедствие*, *корона-безработица* / *коронабезработица*, *корона-бес* / *коронабес*, *корона-бесие* / *коронабесие*, *корона-бизнес* / *коронабизнес*, *корона-режим* / *коронарежим*, *корона-рейд* / *коронарейд*, *корона-рейдер* / *коронарейдер*, *корона-рекорд* / *коронарекорд*, *корона-рецессия* / *коронарецессия*. 21 % выборки составляют случаи одновариантного написания, ср.: *корона-афера*, *корона-аферист*, *корона-барбекю*, *корона-бартер*, *коронавенчур*, *коронаверие*, *коронаверсия*, *коронаверующий*, *коронавесна*.

Вместе с тем наличие вариативной пары не зависит от окказионального или узуального характера единиц, ср. (в скобках указано количество фиксирующих документов, в том числе тиражирующих один цитатный материал): *корона-бюджет* (2) / *коронабюджет* (1), *корона-граффити* (4) /

коронаграффити (1), *корона-диктатура* (91) / *коронадиктатура* (52), *корона-минус* (22) / *коронаминус* (566), *корона-шок* (284) / *коронашок* (101).

При сравнении количества употребления двух вариантов написания в большинстве случаев преобладает слитное написание, ср.: *корона-бедствие* (8) / *коронабедствие* (25), *корона-больной* (35) / *коронабольной* (486), *корона-вакцина* (73) / *коронавакцина* (171), *корона-вечеринка* (113) / *коронавечеринка* (439), *корона-выпуск* (17) / *коронавыпуск* (96), *корона-дайджест* (6) / *коронадайджест* (174), *корона-детектив* (18) / *коронадетектив* (111), *корона-диссидент* (269) / *коронадиссидент* (345), *корона-изоляция* (9) / *коронаизоляция* (93), *корона-инфекция* (76) / *коронаинфекция* (702), *корона-карантин* (133) / *коронакарантин* (218), *корона-кризис* (7447) / *коронакризис* (194 784), *корона-майdan* (6) / *коронамайdan* (567), *коронаоблигации* (112) / *коронаоблигации* (558), *корона-ограничение* (51) / *коронаограничение* (180), *корона-пандемия* (120) / *коронапандемия* (650), *корона-паника* (50) / *коронапаника* (568), *корона-пациент* (95) / *коронапациент* (127), *корона-проявление* (5) / *коронапроявление* (142), *корона-психоз* (27) / *коронапсихоз* (2202), *корона-реальность* (2) / *коронареальность* (41), *корона-рекорд* (6) / *коронарекорд* (56), *корона-риск* (4) / *коронариск* (43), *коронаскептик* (207) / *коронаскептик* (1197), *корона-тест* (119) / *коронатест* (337), *корона-фейк* (81) / *коронафейк* (489), *корона-фобия* (2) / *коронафобия* (1095).

В то же время это не исключает противоположное явление, то есть случаи с более частотным употреблением дефисного варианта, ср.: *корона-апокалипсис* (52) / *коронаапокалипсис* (25), *корона-бонус* (66) / *коронабонус* (47), *корона-комиссия* (81) / *коронакомиссия* (4), *коронамеры* (98) / *коронамеры* (18), *корона-проверка* (73) / *коронапроверка* (7), *корона-сводка* (238) / *коронасводка* (28), *корона-статистика* (135) / *коронастатистика* (90), *корона-стоп* (81) / *коронастоп* (48), *корона-такси* (70) / *коронатакси* (3), *корона-чудовище* (65) / *короначудовище* (6), *корона-чума* (71) / *короначума* (30).

Также возможна практически равная упоминаемость обоих вариантов, ср.: *корона-госпиталь* (237) / *коронагоспиталь* (279), *корона-диссидентство* (41) / *коронадиссидентство* (47), *корона-паспорт* (183) / *коронапаспорт* (163), *корона-хайп* (38) / *коронахайп* (37).

Если в случае преобладания соответствующего актуальной норме варианта кодификация согласно правилам орфографии не противоречит языковому материалу, то при равном количестве употреблений и при большем числе фиксаций несоответствующего норме узуального варианта считаем определяющим параметром функционирование и, как следствие, признание нормативным доминантного варианта или учет обеих лексических единиц.

Дефисное написание сложных слов — тенденция современного русского языка, активно функционирующая в узусе с 90-х гг. XX века (см. [Буцева (отв. ред.) 2009–2014]), которая нередко воспринимается как мода, которая требует корректировки (см. [Бешенкова, Иванова 2016: 114]), в том числе применительно к новым словам (см. [Бешенкова, Иванова 2016: 121]). Однако актуальный материал языка коронавирусной эпохи демонстрирует большую значимость дефиса в современном русском письме, представляя факты узуального написания не соответствующих существующим правилам орфографии вариантов, что, с нашей точки зрения, должно быть учтено, а не подравниваться под общее правило. «Орфографические факты следует изучать в их объективной данности, что не исключает определенных правописных рекомендаций, но формируемых исключительно на основании изучения узуса и выявления внутренних лингвистических факторов, влияющих на правописание, а не только лишь закрепленного в правилах орфографического прецедента (который, к тому же, есть далеко не на все случаи жизни)» [Нечаева 2021: 439–440].

Модель сложения с соединительной *o* при параллельно функционирующих сравнимых наименованиях с аналитическим прилагательным *корона...*, написанных слитно и/или через дефис, присутствует в 30 % случаев: *корона-алармист / коронаалармист / короноалармист, корона-апокалипсис / коронаапокалипсис / короноапокалипсис, коронаверующий / короноверующий, коронамемос / корономемос.*

Сложные существительные, образованные по модели сложения с гласной *o*, в большинстве случаев окказиональны, их употребления единичны, ср.: *коронооблигации, коронооптимист, коронопаспорт, коронопневмония, короноправо, коронореальность, короносессия, короноэпоха*, но также возможна фиксация в нескольких десятках документов, ср.: *коронобезопасность, коронодиктатура, коронодиссидент, коронопаника, коронопауза, короноскептик, коронофобия*, в редких случаях лексические единицы встречаются в более чем ста документах, ср.: *короноистерия, корономинус, коронопофигист, коронопсихоз, короноситуация*, — или в более чем тысяче документов, ср.: *коронобесие, коронокризис*. При общем доминировании словообразовательной модели с аналитическим прилагательным *корона...* языковая действительность демонстрирует распространенность традиционной модели сложения, образования которой также могут быть узуальными.

Слитное написание этих слов соответствует орфографической норме (см.: [Бешенкова, Иванова 2018: 47]), однако отмечается также дефисное написание, реализующееся в низкочастотных единицах, зафиксированных исключительно или преимущественно в информационных порталах и/или русскоязычных зарубежных СМИ, ср.: *короно-инфицированный*,

корона-истерия, корона-история, корона-карантин, корона-контакт, корона-кризис, корона-кризисный, корона-майdan.

Рассмотрение узуальных и окказиональных единиц с аналитическим прилагательным *корона...* и словообразовательной моделью с гласной *о* показывает отсутствие зависимости написания от территориального распространения источника (федеральный / региональный уровень), его типа и жанра. В ряде случаев отмечается тенденция преимущественной или исключительной зафиксированности (как узуальных, так и окказиональных) лексем в информационных порталах и/или русскоязычных зарубежных СМИ, ср.: *коронаавто, корона-атеист, коронабюджет, коронаграффити, корона-психоз, коронапыль, коронапровокактор, коронарииск, корона-роман, корона-свадьба, корона-скептик, коронастихия, коронаточка, коронатренд, коронатурист, коронабезопасность, коронабесие, коронаистерия, коронакарантин, коронаситуация, коронафобия.*

Вторая группа сложных слов с аналитом *ковид...* содержит за редким исключением лексемы с дефисным написанием, ср.: *ковид-законодательство, ковид-консультант, ковид-линия, ковид-лоялист, ковид-максимум, ковид-математика, ковид-точка, ковид-фанатик, ковид-фашизм, ковид-шторм, ковид-эксперт, ковид-эра.* Исходя из того, что в этих сложных словах первая и вторая части употребляются самостоятельно, а вторая часть склоняется, по правилам русской орфографии корректным является дефисное написание (см. [Бешенкова, Иванова 2018: 45]). Также дефисное написание имеют композиты с неизменяемой второй частью *ковид-фри, ковид-пати*, первый из которых перенимает соответствующее написание из английского языка (ср. англ. COVID-Free), второй также является заимствованием, но не соответствует оригинальному разделному написанию (ср. англ. COVID party), а пишется по аналогии с подобными единицами в русском языке, встраиваясь в языковую тенденцию написания сложных слов с аналитическим прилагательным: «Слова с аналитическим прилагательным в препозиции представляют собой переходный случай от словосочетания к слову и, следовательно, тяготеют к графическому отображению этого с помощью дефиса» [Нечаева 2011: 107].

Также возможно слитное написание, которое реализуется в редких случаях с единичными фиксациями, ср.: *ковидапокалипсис, ковидбумер, ковидпсихоз.*

Вариативность дериватов с аналитическим прилагательным *ковид-...* главным образом связывается с англоязычной аббревиатурой *COVID-...* (**Coronavirus disease**, англ. ‘коронавирусное заболевание’), ср.: *ковид-/COVID-зонирование, ...-иммунитет, ...-индекс, ...-инспектор, ...-коллапс, ...-контакт, ...-лето, ...-ликбез, ...-маска, ...-норка, ...-отходы, ...-пандемия, ...-паспорт, ...-плазма, ...-светофор.*

Кроме этого, сложные слова с *ковид*... образуются путем сложения при помощи соединительной *о*, ср.: *ковидоалармист*, *ковидоафера*, *ковидово-прос*, *ковидодиссидент*, *ковидокризис*, *ковидомир*, *ковидопаника*, *ковидопаникёр*, *ковидопереносчик*, *ковидошок*, *ковидошутка*. Эти лексемы, соответственно правилам русской орфографии, должны писаться слитно, но в этой группе также присутствуют низкочастотные единичные случаи с написанием через дефис, которые за редким исключением употребляются в информационных порталах и/или русскоязычных зарубежных СМИ, ср.: *ковидо-диссидентство*, *ковидо-запрет*, *ковидо-изоляция*, *ковидо-инфекция*, *ковидо-коллапс*, *ковидо-ликбез*, *ковидо-невроз*, *ковидо-паникёр*, *ковидо-патриот*.

Сформировавшийся в течение нескольких месяцев словарь коронавирусной эпохи на своем многочисленном материале остро ставит вопрос письменной передачи сложных слов, а также проблему нормализации, связанную с императивностью русской орфографии и неприемлемостью вариативности, что противоречит неопределенному и неустоявшемуся характеру лексических новшеств. При этом словарь неологизмов, не являясь нормативным изданием, традиционно отображает несколько орфографических и графических вариантов одной лексической единицы, ср.: *аэротанк* и *аэротэнк*, *батут* и *батуд*, *битл* и *биттл* [Котелова (ред.) 1971], *пиарищица* и *PR-щица*, *пиксел* и *пиксель*, *пикториализм* и *пиктореализм*, *промо-гёрлз* и *промо-гёрлс*, *ритейл* и *ретейл*, *спидовый* и *СПИДовый*, *спид-скрининг* и *спидскрининг* [Буцева (отв. ред.) 2009–2014].

Проанализированный материал языка коронавирусной эпохи демонстрирует распространенную среди сложных лексем вариативность, причиной которой может быть недостаточная грамотность пишущего (в частности, дефисное написание сложных слов с соединительной *о*) или представляющее основание проблемы нормализации изначальное допущение системой наличия варианта. Очевидная практическая потребность в относительно быстрой регистрации нормативного написания противоречит требующему времени приобретению стабильности написания нового слова в узусе, однако до регистрации неологизма в нормативных словарях в языке успевает сформироваться образ слова, выделиться предпочтительный вариант, который можно выявить при анализе функционирования вариативных единиц.

Источники

Интегрум [Электронный ресурс]. URL: <http://www.integrumworld.com> (дата обращения: 20.03.2021).

Литература

- Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. М.: ЛЕКСПУС, 2016. 424 с.
- Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Аспектное описание русской орфографии. Очерки теории. Правила. Словарь. М.: ЛЕКСПУС, 2018. 567 с.
- Буцева Т. Н. (отв. ред.). Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. В 3 т. / Под ред. Т. Н. Буцевой, Е. А. Левашова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009–2014.
- Вепрева И. Т., Куприна Т. В. COVID-19: ключевое слово коронавирусного лексикона на этапе графического усвоения в русском языке // Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 91–100.
- Воронцов Р. И. Имя собственное в языковой игре ковидного времени // Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 430–438.
- Геккина Е. Н. К характеристике деривационных различий лексем *ковид* и *коронавирус* (семантико-словообразовательный аспект) // Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 338–354.
- Громенко Е. С. «Коронный» потенциал русского языка начала 2020 г. // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей / Отв. ред. Н. В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 45–62.
- Замальдинов В. Е. «Вирусные» новообразования в современной медиакоммуникации // Русская речь. 2020. № 4. С. 19–27.
- Котелова Н. З. (ред.). Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. М.: Советская энциклопедия, 1971. 543 с.
- Левина С. Д. Новая глагольная лексика в русском языке периода пандемии // Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 419–429.
- Лопатин В. В., Иванова О. Е. (ред.). Русский орфографический словарь: около 200 000 слов. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 877 с.; 5-е изд., испр. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. 879 с.
- Маринова Е. В. «Ковид»-лексика как микросистема и особенности ее состава (семантико-структурный аспект процесса номинации) // Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 322–337.
- Минеева З. И. Неологизмы эпохи пандемии, образованные сложением // Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 388–405.

- Митурска-Бояновска Й. «Пандемийные» контаминанты // Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 406–418.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 20.03.2021).
- Нечаева И. В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. М., Издательский центр «Азбуковник», 2011. 168 с.
- Нечаева И. В. Иноязычные заимствования ковидной эпохи в письменном языке (нормативный аспект) // Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 439–452.
- Приемышева М. Н. Ковидный лексикон русского языка: тенденции динамики лексико-семантической системы в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 16–50.
- Приемышева М. Н. (отв. ред.). Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, В. М. Мокиенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая / Ред. коллегия Е. С. Громенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева (отв. ред.), Ю. С. Ридецкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.
- Рацибурская Л. В. Новые словообразовательные гнезда с «коронавирусной» лексикой // Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 355–377.
- Ридецкая Ю. С. Суффиксоиды пандемийного времени: семантика, переходные морфемные явления // Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 378–387.

References

- Beshenkova E. V., Ivanova O. E. *Teoriya i praktika normirovaniya russkogo pis'ma* [Theory and practice of standardization of Russian writing]. Moscow, LEKSRUS Publ., 2016. 424 p.
- Beshenkova E. V., Ivanova O. E. *Aspektnoe opisanie russkoi ofografii. Oчерки teorii. Pravila. Slovar'* [Aspect description of Russian spelling. Essays on theory. Rules. Vocabulary]. Moscow, LEKSRUS Publ., 2018. 567 p.
- Buceva T. N. (ed.). *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-h gg.* [New words and meanings. Dictionary-reference book on materials from the press and literature of the 90s.] Ed. by T. N. Buceva, E. A. Levashov. Vol. 1–3. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2009–2014.
- Gekkina E. N. [On the characterization of derivational differences between lexeme covid and coronavirus (semantic and derivational aspect)]. *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi*.

- Kollektivnaya monografiya* [Russian language of the coronavirus era. Collective monograph]. St. Petersburg, RAS, Institute of Linguistic Studies Publ., 2021, pp. 338–354. (In Russ.)
- Gromenko E. S. [“Crown” potential of the Russian language at the beginning of 2020]. *Novye slova i slovari novykh slov. 2020: Sbornik nauchnykh statei* [New words and dictionaries of new words. 2020: Collection of scientific articles]. St. Petersburg, RAS, Institute of Linguistic Studies Publ., 2020, pp. 45–62. (In Russ.)
- Kotelova N. Z. (ed.). *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60-h gg.* [New words and meanings. Dictionary-reference book on the materials of the press and literature of the 60s.]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1971. 543 p.
- Levina S. D. Novaya glagol'naya leksika v russkom yazyke perioda pandemii [New verb vocabulary in the Russian language of the pandemic period]. *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi. Kollektivnaya monografiya* [Russian language of the coronavirus era. Collective monograph]. St. Petersburg, RAS, Institute of Linguistic Studies Publ., 2021, pp. 419–429. (In Russ.)
- Lopatin V. V., Ivanova O. E. (eds.). *Russkii orfograficheskii slovar': okolo 200 000 slov* [Russian spelling dictionary: about 200,000 words]. 4th ed., corrected and amended. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2012. 877 p.; 5th ed., corrected and amended. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2018. 879 p.
- Marinova E. V. [“Covid”-lexics as a microsystem and features of its composition (semantic and structural aspect of the nomination process)]. *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi. Kollektivnaya monografiya* [Russian language of the coronavirus era. Collective monograph]. St. Petersburg, RAS, Institute of Linguistic Studies Publ., pp. 322–337. (In Russ.)
- Mineeva Z. I. Neologizmy epokhi pandemii, obrazovannye slozheniem [Pandemic era neologisms formed by addition]. *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi. Kollektivnaya monografiya* [Russian language of the coronavirus era. Collective monograph]. St. Petersburg, RAS, Institute of Linguistic Studies Publ., 2021, pp. 388–405. (In Russ.)
- Miturska-Boyanovska I. “Pandemiinye” kontaminanty [“Pandemic” contaminants]. *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi. Kollektivnaya monografiya* [Russian language of the coronavirus era. Collective monograph]. St. Petersburg, RAS, Institute of Linguistic Studies Publ., 2021, pp. 406–418. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru (accessed 20.03.2021).
- Nechaeva I. V. *Aktual'nye problemy orfografii inoyazychnykh zaimstvovaniy* [Actual problems of spelling of foreign language borrowings]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 168 p.
- Nechaeva I. V. *Inoyazychnye zaimstvovaniya kovidnoi epokhi v pis'mennom yazyke (normativnyi aspekt)* [Foreign language borrowings of the covid era in the written language (normative aspect)]. *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi. Kollektivnaya monografiya* [Russian language of the coronavirus era. Collective monograph]. St. Petersburg, RAS, Institute of Linguistic Studies Publ., 2021, pp. 439–452. (In Russ.)

- Priemysheva M. N. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoi epokhi*. [Dictionary of the Russian language of the coronavirus era]. Ed. by E. S. Gromenko, A. S. Pavlova, M. N. Priemysheva, Yu. S. Rideckaya. St. Petersburg, RAS, Institute of Linguistic Studies Publ., 2021. 550 p.
- Priemysheva M. N. [The covid lexicon of the Russian language: trends in the dynamics of the lexico-semantic system during the COVID-19 coronavirus pandemic]. *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi. Kollektivnaya monografiya* [Russian language of the coronavirus era. Collective monograph]. St. Petersburg, RAS, Institute of Linguistic Studies Publ., 2021, pp. 16–50. (In Russ.)
- Ratsiburskaya L. V. [New word-formation nests with “coronavirus” vocabulary]. *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi. Kollektivnaya monografiya* [Russian language of the coronavirus era. Collective monograph]. St. Petersburg, RAS, Institute of Linguistic Studies Publ., 2021, pp. 355–377. (In Russ.)
- Ridetskaya Yu. S. [Pandemic time suffixoids: semantics, transitional morphemic phenomena]. *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi. Kollektivnaya monografiya* [Russian language of the coronavirus era. Collective monograph]. St. Petersburg, RAS, Institute of Linguistic Studies Publ., 2021, pp. 378–387. (In Russ.)
- Vepreva I. T., Kuprina T. V. [COVID-19: the keyword of the coronavirus lexicon at the stage of graphic assimilation in Russian]. *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi. Kollektivnaya monografiya* [Russian language of the coronavirus era. Collective monograph]. St. Petersburg, RAS, Institute of Linguistic Studies Publ., 2021, pp. 91–100. (In Russ.)
- Vorontsov R. I. [A proper name in the language game of covid time]. *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi. Kollektivnaya monografiya* [Russian language of the coronavirus era. Collective monograph]. St. Petersburg, RAS, Institute of Linguistic Studies Publ., 2021, pp. 430–438. (In Russ.)
- Zamal'dinov V. E. [“Viral” neoplasms in modern media communication]. *Russkaya rech'*. 2020. № 4, pp. 19–27. (In Russ.)

Кто поймет «Незнайку»? Автоматическое определение сложности текстов для детей

Борис Леонидович Иомдин, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), iomdin@ruslang.ru

Дмитрий Алексеевич Морозов, Новосибирский государственный университет
(Россия, Новосибирск), morozowdm@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170017239-1

АННОТАЦИЯ: Необходимость оценить сложность текста для читателя может возникнуть в разных ситуациях: составление текстов договоров и законов, создание инструкций к приборам, написание учебников родного или иностранного языка, подбор литературы для внеклассного чтения. Особенно интересна оценка сложности учебных текстов для детей, поскольку к таким текстам предъявляется сразу несколько требований, отчасти противоречащих друг другу. Дети должны хорошо понимать эти тексты, они должны быть актуальны и интересны и одновременно учить читателей как новым концепциям, так и новым словам и конструкциям. Сейчас возрастная маркировка текстов для детей проводится экспертами вручную, что делает процесс долгим и трудоемким, а результат субъективным. В статье предлагается метод автоматической классификации текстов по сложности с использованием нейросетевой модели. Этот метод предполагается использовать для создания корпуса текстов детской литературы с разметкой по возрасту (в рамках НКРЯ). Качество предсказаний нашей модели достигло 0,92, она достаточно хорошо учитывает разнообразие лексики и набор тем. Появление автоматического механизма, с приемлемой точностью оценивающего степень сложности текста, позволит в короткие сроки создать представительный корпус текстов, написанных

для детей, с возможностью подбора в нем текстов, заведомо понятных детям заданного возраста. Такой корпус будет востребован и учителями, и родителями, и переводчиками художественной литературы, и лингвистами, и всеми, кому важна возможность подбора понятных детям художественных текстов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: корпусная лингвистика, детская литература, читабельность, сложность текста, машинное обучение, нейронные сети

для цитирования: Иомдин Б. Л., Морозов Д. А. Кто поймет «Незнайку»?

Автоматическое определение сложности текстов для детей // Русская речь. 2021. № 5. С. 55–68. DOI: 10.31857/S013161170017239-1.

БЛАГОДАРНОСТИ: работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-29-14224.

Issues of Modern Russian Language

Who Can Understand “Dunno”? Automatic Assessment of Text Complexity in Children’s Literature

Boris L. Iomdin, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), iomdin@ruslang.ru

Dmitry A. MOROZOV, Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk), morozowdm@gmail.com

ABSTRACT: The need to assess the readability of a given text may arise in different situations: drafting legal texts or manuals, writing textbooks, selecting literature for extracurricular reading. Especially interesting is the assessment of readability of educational texts for children, since such texts are expected to satisfy multiple requirements that may contradict each other. Children should understand these texts well, the texts should be relevant and interesting, and at the same time they should teach readers new concepts, words and constructions. Currently, age marking of texts for children

is carried out by experts manually, which makes the process long and laborious, with the results likely to be subjective. We propose a method for automatic classification of texts with regard to complexity using a neural network model. This method is supposed to be used to create a corpus of children’s literature with target age markup (within the framework of the Russian National Corpus). The quality of the predictions of our model reaches 0.92. The emergence of an automatic mechanism that estimates the readability level of a given text with acceptable accuracy will make it possible to quickly create a representative corpus of texts written for children, with the possibility of selecting texts that are obviously understandable to children of a given age. Such a corpus would be in demand by teachers, parents, translators of fiction, linguists, and everyone who intends to select fiction texts that are understandable to children.

KEYWORDS: corpus linguistics, children’s literature, readability, text complexity, machine learning, neural networks

FOR CITATION: Iomdin B. L., Morozov D. A. Who Can Understand “Dunno”? Automatic Assessment of Text Complexity in Children’s Literature. *Russian Speech = Russkaya Rech’*. 2021. No. 5. Pp. 55–68. DOI: 10.31857/S013161170017239-1.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by the grant from the RFBR No. 19-29-14224.

0. Введение

Прочитаем два отрывка:

«Внутри земля разрыхляется, тщательно перемешивается с удобрением, подкормкой и посевным зерном. Помимо этого, там же уничтожаются семена сорняков и личинки вредных насекомых. Личинки разрушаются при помощи ультразвуков, а семена сорняков просто поджариваются, после чего они теряют всхожесть. Теперь посмотрите на машину сзади. Здесь вы видите такое же широкое отверстие. Из него высыпается разрыхлённая земля, в которую, как я уже говорил, внесены семена, подкормка и удобрение. Таким образом, там, где пройдёт комбайн, земля остаётся вспаханной и засеянной».

«Здесь нити, прежде чем попасть в ткацкий станок, проходили процесс окраски, то есть непрерывно протягивались через сосуды с окрашивающими растворами. Карасик объяснил, что хотя нити и делались из одного и того же сырья, но материи получались разные. Это зависело как от метода химической обработки нити, так и от устройства ткацких станков, которые могли изготавливать не только тканые материи,

но и трикотажные, то есть вязаные, кручёные и плетёные, а также валяльно-войлочные, вроде фетровых и велюровых, и комбинированные, какими являются, например, вязально-тканые, войлочно-кручёные или валяльно-плетёные».

В каком возрасте могут быть понятны эти тексты? Подходят ли они для дошкольников? Ответ на этот вопрос может быть получен экспериментально — скажем, путем предъявления этих текстов испытуемым детям разного возраста и проведения тестов на понимание. Однако такие эксперименты — дело трудоемкое и небыстрое, а вопрос о понятности текста для детей разного возраста возникает регулярно. Так, например, приведенные фрагменты взяты из произведения Николая Носова «Незнайка в Солнечном городе», и на форумах родителей в Интернете неоднократно задается вопрос, подходит ли эта книга для детей 2–3 лет.

Необходимость оценить сложность текста или его фрагмента для читателя возникает во множестве различных прикладных задач, таких как составление текстов договоров и законов, написание учебников родного или иностранного языка, подбор литературы для внеклассного чтения. В широком смысле каждый из нас косвенно решает эту задачу каждый раз, когда пользуется речью: ведь говорящий заинтересован в том, чтобы сказанное было верно понято собеседником, а значит, нужно правильно выбрать слова, конструкции и степень детальности описания, исходя из возраста собеседника, его подготовленности, заинтересованности и др. Однако в подавляющем большинстве ситуаций эту задачу мы решаем интуитивно, не задумываясь над ней и опираясь на предыдущий опыт, и иногда ошибаемся.

Изучение того, что такое семантическая сложность (сложность для понимания, читабельность) текста, необходимо для автоматизации решения приведенных выше задач. Особенно интересной представляется автоматическая оценка сложности учебных текстов для детей, поскольку к таким текстам предъявляется сразу несколько требований, отчасти противоречащих друг другу. Дети должны хорошо понимать эти тексты, они должны быть актуальны и интересны для детей и одновременно учить читателей как новым концепциям, так и новым словам и конструкциям.

1. Возрастная маркировка текстов и методы ее автоматизации

В случае с текстами для детей читабельность текста часто ассоциируется с ожидаемым возрастом читателя. Сейчас текстам нередко присваивается возрастная категория. При этом различные маркировки мало связаны между собой и, вообще говоря, преследуют различные цели.

Школы выдают ученикам на лето списки книг, необходимых для лучшего понимания курса литературы. Книжные магазины хотят порекомендовать покупателям наиболее интересные книги, обычно из новинок. Цель возрастной маркировки, которую в России с недавних пор обязаны использовать все книжные издательства (0+/6+/12+/18+), — оградить детей от опасной для них информации, а не порекомендовать книги, понятные и интересные в соответствующем возрасте. Все эти ситуации объединяет то, что маркировка проводится экспертами вручную, а значит, процесс оценки очень долгов (вообще говоря, эксперту необходимо прочесть произведение целиком) и его результат в заметной степени зависит от субъективных предпочтений эксперта.

Попытки формализовать и каким-либо объективным образом оценивать читабельность текста предпринимаются достаточно давно. Первые подходы были довольно примитивными и опирались на небольшой набор легко вычисляемых признаков, таких как средняя длина предложения и среднее число слогов в слове. Несмотря на кажущуюся наивность таких подходов, они хорошо зарекомендовали себя и периодически применяются до сих пор. Например, в Коннектикуте для оценки текстов страховых договоров используется тест Флеша, в котором читабельность текста вычисляется по формуле $206.835 - 1.015 \times A - 84.6 \times B$, где A — средняя длина предложения (в словах), а B — среднее число слогов в слове. Результат не должен превосходить 45 пунктов, что примерно соответствует уровню учащегося колледжа.

Разумеется, такие методы не могут быть достаточно надежными. Например, читабельность следующего отрывка из «Слова о полку Игореве» (в переводе В. Жуковского) согласно адаптированному тесту Флеша — Кинкейда равна 5,96, что примерно соответствует 4–6 классу школы, хотя, как кажется, он заметно сложнее:

Тогда вступил князь Игорь в золотое стремя
И поехал по чистому полю.
Солнце дорогу ему тьмой заступило;
Ночь, грозою шумя на него, птиц пробудила;
Рев в стадах звериных!
Див кличет на верху древа:
Велит прислушать земле незнаемой,
Волге, Поморию, и Посулию,
И Сурожу, и Корсуню,
И тебе, истукан тьмутороканский.
И половцы неготовыми дорогами побежали к Дону великому.
Кричат в полночь телеги, словно распущенны лебеди;
Игорь ратных к Дону ведет!

Уже беда его птиц скликает,
И волки угрозою воют по оврагам,
Клектом орлы на кости зверей зовут,
Лисицы брешут на червленые щиты...
О Русская земля! Уж ты за горами
Далеко!
Ночь меркнет,
Свет-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щекот соловьиный заснул,
Галичий говор затих.
Русские поле великое червлеными щитами прегородили,
Ища себе чести, а князю славы.

Следует заметить, что практически все классические индексы читабельности (формула Флеша — Кинкейда, индекс Колман — Лиану, формула Дэйла — Чейла, Automatic Readability Index, SMOG) разрабатывались для английского языка и их адаптация для русского — это отдельная задача, осложняющаяся отсутствием сколько-нибудь большого корпуса размеченных по уровню сложности текстов.

С появлением более продвинутых автоматических методов стало возможным использовать для оценки читабельности признаки с заметно более высоким уровнем лингвистической мотивированности, такие как частеречный состав текста и особенности используемых синтаксических конструкций. Среди исследований в этой области следует упомянуть работу [Isaeva, Sorokin 2020], в которой изучалась корреляция между сложностью текста и признаками такого типа. Исследование проводилось на корпусе текстов из школьных учебников по трем предметам: биологии, литературе и обществознанию. Для каждого из предметов и для корпуса в целом были автоматически выделены базисные наборы признаков, определяющих читабельность. Оказалось, что четыре признака вошли во все четыре набора: среднее число слогов в слове, доля глаголов в действительном залоге и доля личных местоимений относительно всех слов текста, а также средняя глубина синтаксических деревьев предложений.

В свою очередь, широкое распространение машинного обучения в обработке естественных языков позволяет взглянуть на задачу с другой стороны: не искать в явном виде формулу для вычисления читабельности (что, в первую очередь, потребовало бы формализации этого достаточно расплывчатого понятия), а предоставить поиск скрытых зависимостей компьютеру. В таком случае необходимо собрать достаточно большой корпус текстов с размеченной вручную и проверенной эксперименталь-

но читабельностью, вычислить для каждого из текстов характеристики, которые коррелируют с читабельностью, а затем обучить на множестве полученных признаков описаний текстов модель машинного обучения.

Для русского языка такой подход рассмотрен, например, в [Glazkova et al. 2021]. Авторы исследовали пять групп признаков:

- классические признаки (средние длины слов и предложений) и классические индексы читабельности как их производные,
- лексические признаки (доля наиболее частотных слов),
- лексическое разнообразие текста, которое учитывалось за счет построения описания текста [Jones 2004]),
- грамматические признаки (частеречный состав текста),
- признаки эмоциональной окрашенности текста и пометы издательства (в том числе, аннотацию и возрастную разметку 0+/6+/12+/18+).

Для собранного корпуса ознакомительных фрагментов книг решалась задача разбиения на два класса: детская и взрослая литература. Авторы использовали метод опорных векторов и алгоритм «случайный лес» [Breiman 2001], обученные на разных наборах признаков. Лучший результат (0,95 по метрике F1) показал метод опорных векторов, использовавший все доступные признаки. Также оценивался результат без учета помет издательства, поскольку их использование накладывает серьезные ограничения на текст, читабельность которого мы хотели бы измерить, поскольку нельзя оценить произвольный фрагмент книги или статьи. Здесь лучшим был алгоритм «случайный лес» (0,91 по метрике F1), обученный на грамматических признаках и словарном составе текста.

2. Эксперимент: нейросетевая модель для классификации текстов по возрасту

Однако можно и вовсе отказаться от выбора признаков, используя нейросетевую модель. В этом случае на вход алгоритму подаются не заранее рассчитанные признаки, а сам текст. На первом шаге текст разбивается на слова и каждому слову сопоставляется эмбединг — особый набор чисел заданной длины. Это сопоставление базируется на принципах дистрибутивной семантики: значение слова описывается совокупностью характерных для него контекстов. Для того чтобы модель оптимально сопоставляла словам эмбединги, ее предварительно обучают на огромных корпусах текстов. Затем следующий слой (или слои) нейронов преобразуют эмбединги отдельных слов в эмбединг всего текста. В простейшем случае эмбедингом текста может быть обычная сумма эмбедингов всех слов. Более сложные процедуры (например, преобразование при помощи операции свертки) позволяют получить больше информации о тексте

и учесть последовательность слов в предложениях. На последнем шаге на основании полученного эмбединга текст относят к одному из возможных классов. Методы на основе нейронных сетей показывают на сегодняшний день лучшие результаты во многих областях обработки языка. Применимость таких подходов к задаче оценки читабельности исследована и в ранее упомянутой работе [Glazkova et al. 2021], причем модель RuBERT показала результат, уступивший только модели, использовавшей издательские пометы в качестве признаков.

Именно этим путем мы решили пойти, работая над темой «Автоматическое определение сложности слов в текстах для детей разного возраста»¹, чтобы приблизиться к задаче составления корпуса текстов детской литературы с разметкой по возрасту. Такой корпус предполагается включить в качестве одного из подкорпусов НКРЯ в рамках проекта «Компьютерно-лингвистическая платформа нового поколения для цифровой документации русского языка: инфраструктура, ресурсы, научные исследования». Появление автоматического механизма, с приемлемой точностью оценивающего степень сложности текста, позволит в короткие сроки создать представительный корпус текстов, написанных (или подходящих) для детей, с возможностью подбора в нем текстов, заведомо понятных детям заданного возраста. Кажется, что такой корпус был бы нужен и учителям, и родителям, и переводчикам художественной литературы, и лингвистам (скажем, изучающим сравнительную частотность лексики в текстах для детей и взрослых), и всем, кто сталкивается с проблемой подбора понятных детям художественных текстов.

Для наших экспериментов мы подготовили массив текстов из списка детской литературы, рекомендованной Министерством просвещения. Литература в этом списке разделена на три категории: 1–4, 5–9 и 10–11 классы. Разумеется, столь широкие категории влекут за собой большую неоднородность попадающих в них книг. Кроме того, в списке есть как проза, так и поэзия. Особняком стоят древнерусские тексты: «Повесть временных лет» и «Слово о полку Игореве». Всего мы собрали 139 текстов общим объемом более 7 миллионов словоупотреблений. Для того чтобы расширить выборку, мы разделили каждый текст на фрагменты по 70 предложений, приблизительно приняв читабельность каждого фрагмента равной читабельности текста в целом (допустимость такого приема исследуется в работах [Isaeva, Sorokin 2020; Ivanov et al. 2018]). В результате наша выборка составила более девяти тысяч фрагментов, наименее представленной категорией оказались тексты для начальной школы (около полутора тысяч фрагментов).

¹ Поддержана грантом РФФИ, проект 19-29-14224.

Мы выбрали четыре основные модели: модель «случайный лес» на наборе признаков (таких как длина слов и предложений, частеречный состав текста, частотность слов, разнообразие пунктуации), модель RuBERT [Kuratov, Arkhipov 2019], сверточная нейронная сеть [Zhang et al. 1990] и комбинация признаков с предсказаниями ансамбля сверточных сетей (нескольких одинаковых по архитектуре нейронных сетей, обученных на различных данных). Для сверточной сети мы использовали эмбединги, обученные на корпусе текстов русскоязычной Википедии и портала Lenta.ru. По адресу <https://github.com/morozowdmityr/books-n-kids> доступен код моделей.

Для оценки качества решений мы отделили приблизительно 1/7 всех фрагментов в тестовую выборку (во избежание «узнавания» сетью конкретной книги, а не ее абстрактной читабельности, фрагменты, относящиеся к одному произведению, не могли попасть одновременно и в обучающую, и в тестовую выборку). Качество классификации мы оценивали при помощи метрики F1 [Powers 2011], усредненной по трем классам.

Лучшие результаты в нашем случае показал ансамбль сверточных сетей с добавлением признаков. Для обучения мы разделили обучающую выборку на шесть приблизительно равных частей, с тем же условием, что и для выделения тестовой выборки: фрагменты одного произведения попадали строго в одну часть. Далее мы обучили шесть различных сверточных сетей, каждый раз используя пять из шести частей в качестве новой обучающей выборки, а шестую — в качестве валидационной выборки для того, чтобы избежать переобучения сети. В последнем слое каждой из сетей мы добавляли к получившемуся эмбеддингу текста значения вычисленных признаков. Затем для каждого фрагмента исходной тестовой выборки мы объединили предсказания всех шести сетей при помощи механизма soft-voting: каждая из сетей предсказала, с какой вероятностью текст будет отнесен к каждому из классов. Затем эти значения были усреднены, а в качестве итогового класса выбирался тот, который имел наибольшую вероятность после усреднения. Качество предсказаний нашей модели достигло 0,92. Важно отметить, что полученная модель достаточно хорошо учитывает разнообразие лексики и набор обсуждаемых тем. Так, например, следующий отрывок из «Детства Тёмы» был верно отнесен к возрастной категории 1–4 класс, тогда как классические индексы оценивают его категорию как 5–9 класс:

Мелкий ноябрьский дождь однообразно барабанил в окна. На больших часах в столовой медленно-хрипло пробило семь часов утра. Зина, поступившая в том же году в гимназию, в форменном коричневом платье, в белой пелеринке, сидела за чайным столом, пила молоко и тихо

бурчала себе под нос, постоянно заглядывая в открытую, лежавшую перед ней книгу. Когда пробили часы, Зина быстро встала и, подойдя к Тёминой комнате, проговорила через дверь:

— Тёма, уже четверть восьмого.

Из Тёминой комнаты послышалось какое-то неопределенное мычание. Зина возвратилась к книге, и снова в столовой раздался тихий, равномерный гул ее голоса. В комнате Тёмы царила мертвая тишина. Зина опять подошла к двери и энергично произнесла:

— Тёма, да вставай же!

3. Сложность текстов и сложность слов

В то же время ясно, что все представленные методы достаточно слабо учитывают семантическую сложность отдельных слов. В нашей модели мы оценили сложность слов текста через их частотность в НКРЯ, однако это не всегда корректно. Например, многие имена собственные имеют очень низкую частотность, но обычно не усложняют текста в целом. Этим объясняется неправильная классификация нашей моделью (10–11 класс) следующего отрывка из «Чудесного путешествия Нильса с дикими гусями»:

— Да, да, о нем, — прервала Акка Кебнекайсе пышную речь аиста Эрменриха. — Так что же вы посоветуете?

— Госпожа Кебнекайсе, — торжественно сказал аист и так энергично стукнул клювом по камню, что тот раскололся, будто пустой орешек. — Госпожа Кебнекайсе, я сочту за честь для себя, если наш спаситель Нильс вместе с нами отправится на Кулаберг.

Измерение семантической сложности слов представляет собой непростую задачу [Морозов, Иомдин 2019]. Различные авторы предлагают разнообразные подходы к определению семантической сложности (сложность слова как количество значений [Raukko 2006]; сложность слова как средняя сложность текстов, в которых оно используется [Mikk et al. 2001]; сложность слова как количество возможных переводов этого слова на какой-либо другой язык [Melamed 2002]), однако никакое из этих определений нельзя назвать однозначно верным, поэтому вычисление сложности отдельного слова в тексте — задача не менее трудная, чем оценка понятности текста в целом. Важно и то, что значение незнакомых и малопонятных слов нередко может быть восстановлено из контекста [Фейгина 2021].

Заметим, что сложность текста может меняться (и обычно меняется) со временем: чем старше текст, тем больше в нем устаревших слов и непри-

вычных конструкций. Таким образом в списках литературы, безусловно подходившей для детей соответствующего возраста в свое время, регулярно появляются тексты, которые уже мало понятны читателям без подробных комментариев, несмотря на то, что сюжет и возраст героев соответствует возрасту читателя. В качестве примера приведем небольшой отрывок из повести Астрид Линдгрен об Эмиле из Лённеберги в переводе Лилианны Лунгиной:

Были ворота и в Каттхульте, но, по правде говоря, Эмиль не очень-то **разжился** на них, так как **хутор** стоял на **отшибе** и туда редко кто **наведывался** из **прихода**. Лишь один **хутор** лежал еще дальше Каттхульты — Бакхорва, где как раз и должен был состояться **аукцион**.

«Значит, тому, кто туда поедет, не **миновать** наших ворот», — решил Эмиль, этакий **плутишка**.

Битый час простоял он сторожем у ворот и заработал — подумать только — целых пять **крон** и семьдесят четыре **эре**. Повозки с лошадьми тянулись одна за другой, и только он закрывал ворота, как тотчас надо было снова их **отворять**.

Все крестьяне, спешившие в Бакхорву, были в хорошем настроении, потому что ехали на **аукцион**, и охотно швыряли монетки в два и пять эре в кепчонку Эмиля. Некоторые богатые крестьяне даже **раскошеливались** на десять эре, хотя, понятно, мигом в этом **раскаивались**.

А торпарь из Кроки разозлился, когда Эмиль захлопнул ворота перед самой мордой его сивой кобылки.

Главному герою, Эмилю, шесть лет, и повесть обычно рекомендуется для дошкольников, которым вполне интересен ее сюжет. Однако опыт показывает, что множество слов читателям этого возраста непонятно без комментариев взрослого (в этом отрывке мы выделили такие слова) — отчасти из-за экзотичности или устаревания реалий, а отчасти из-за того, что употребительность этих слов уменьшилась со времени опубликования текста (1970, полвека назад).

Среди потенциальных проблем, связанных с определением сложности слов, нужно упомянуть и так называемые «коварные» слова [Иомдин, Морозов 2020], то есть такие, которые понимаются читателем не в том значении, в котором их использовал автор. Подобные ситуации возникают из-за того, что слова со временем могут менять основное значение. Достаточно известен пример со словом *нелицеприятный*, исходно означавшим ‘беспристрастный, справедливый’ (БАС, МАС, БТС), а теперь чаще употребляемым в значении ‘неприятный, грубый, жесткий, обидный’ (Викисловарь, с пометой «разг. неправ.»); мы обнаружили и множество менее частотных «коварных» слов: *зябь*, *конгениальный*, *поддёвка* и др. «Ковар-

ность» слова коррелирует с тем, насколько его словообразовательная структура, звуковой или визуальный облик напоминают другие, более распространенные слова. Неправильное понимание «коварных» слов может приводить к ошибочной трактовке целых фрагментов текста, что особенно опасно в учебной литературе. Поиск «коварных» слов затрудняется тем, что при прохождении опроса (в отличие от неизвестных слов) респондент не сможет указать, что понимает слово неконвенционально, ведь он этого не знает.

4. Заключение

Задача автоматического определения сложности текста для читателей заданного возраста, очевидно, не может быть решена полностью. Развитие детей одного и того же возраста может существенно различаться, слишком индивидуальны и словарный запас, и способность извлекать смысл незнакомого слова из контекста, и знакомство с теми или иными предметными областями, к тому же тексты могут быть неравномерны по сложности. Тем не менее приближение к решению этой задачи — алгоритм, который позволяет автоматически классифицировать тексты хотя бы с точностью до нескольких лет, с расчетом на читателя средних способностей, не обладающего специальными знаниями, — уже может сыграть важную роль в создании больших корпусов текстов для детей разного возраста, при условии последующей ручной обработки результатов автоматической классификации. Использование нейросетей для решения этой задачи кажется сейчас оптимальным подходом. Первые результаты применения описанного алгоритма позволяют получить обширный материал для дальнейших лингвистических исследований: разработки тестов на понимание текста детьми разного возраста, изучения влияния контекста на уровень этого понимания, выявления наиболее сложных для понимания слов и пополнения списка «коварных» слов, с высокой вероятностью понимаемых неправильно.

Литература

Иомдин Б. Л., Морозов Д. А. Коварные слова и где они обитают // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 19 (26) (доп. том), 2020. С. 1011–1024.

Морозов Д. А., Иомдин Б. Л. Критерии семантической сложности слова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2019». Вып. 18 (доп. том), 2019. С. 119–131.

- Фейгина Т. Б. Критерии выводимости значения неизвестного слова из контекста. Курсовая работа (рукопись), 2021.
- Breiman L. Random forests // *Machine Learning*, 45, 2001, pp. 5–32.
- Glazkova A., Egorov Yu., Glazkov M. A. Comparative study of feature types for age-based text classification // *Analysis of images, social networks and texts*. Springer International Publishing, 2021, pp. 120–134.
- Isaeva U., Sorokin A. Investigating the robustness of reading difficulty models for Russian educational texts // *Recent trends in analysis of images, social networks and texts*, vol. 1357, 2020, pp. 65–77.
- Ivanov V., Solnyshkina M., Solovyev V. Efficiency of text readability features in Russian academic texts // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог», Вып. 17 (24), 2018. С. 267–283.*
- Jones K. S. A statistical interpretation of term specificity and its application in retrieval // *Journal of documentation*. MCB University: MCB University Press, 2004. Vol. 60, no. 5, pp. 493–502.
- Kuratov Y., Arkhipov M. Adaptation of deep bidirectional multilingual transformers for Russian language, arXiv preprint arXiv:1905.07213. 2019.
- Melamed, I. Dan. Measuring semantic entropy // *Proceedings of the SIGLEX Workshop on tagging text with lexical semantics*, 2002, pp. 41–46.
- Mikk Jaan, Uibo Heli, Elts Jaanus. Word length as an indicator of semantic complexity // *Text as a linguistic paradigm: levels, constituents, constructs*. *Quantitative linguistics*, 2001, pp. 187–195.
- Powers D. M. W. Evaluation: from precision, recall and F-measure to ROC, informedness, markedness & correlation // *Journal of machine learning technologies*, 2011, pp. 37–63.
- Raukko J. Polysemy as complexity? // *A man of measure*. SKY journal of linguistics. Finland: The Linguistic Association of Finland, 2006, pp. 357–361.
- Zhang W., Itoh K., Tanida, J., & Ichioka, Y. Parallel distributed processing model with local space-invariant interconnections and its optical architecture // *Applied optics*, 29 (32), 1990, pp. 4790–4797.

References

- Breiman L. Random forests. *Machine learning*, 45, 2001, pp. 5–32.
- Feygina T. *Kriterii vyvodimosti znacheniya neizvestnogo slova iz konteksta* [Criteria of deducibility of the meaning of an unknown word based on context]. Course paper (manuscript), 2021.
- Glazkova A., Egorov Yu., Glazkov M. A. Comparative study of feature types for age-based text classification. *Analysis of images, social networks and texts*. Springer International Publishing, 2021, pp. 120–134.
- Iomdin B. L., Morozov D. A. [Deceptive words and where to find them]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tehnologii*. Vol. 19 (26), 2020, supp. vol., pp. 1011–1024. (In Russ.)

- Isaeva U., Sorokin A. Investigating the robustness of reading difficulty models for Russian educational texts. Recent trends in analysis of images, social networks and texts, vol. 1357, 2020, pp. 65–77.
- Ivanov V., Solnyshkina M., Solovyev V. Efficiency of text readability features in Russian academic texts. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tehnologii*. Vol. 17 (24), 2018, pp. 267–283.
- Jones K. S. A statistical interpretation of term specificity and its application in retrieval. *Journal of documentation*. MCB University: MCB University Press, 2004. Vol. 60, no. 5, pp. 493–502.
- Kurатов Y., Arkhipov M. Adaptation of deep bidirectional multilingual transformers for Russian language, arXiv preprint arXiv:1905.07213, 2019.
- Melamed, I. Dan. Measuring semantic entropy. Proceedings of the SIGLEX Workshop on tagging text with lexical semantics, 2002, pp. 41–46.
- Mikk Jaan, Uibo Heli, Elts Jaanus. Word length as an indicator of semantic complexity. Text as a linguistic paradigm: levels, constituents, constructs. *Quantitative linguistics*, 2001, pp. 187–195.
- Morozov D.A., Iomdin B. L. [Criteria of semantic complexity of words]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tehnologii*. Vol. 18, 2019, supp. vol, pp. 119–131. (In Russ.)
- Powers D. M. W. Evaluation: from precision, recall and F-measure to ROC, informedness, markedness & correlation. *Journal of machine learning technologies*, 2011, pp. 37–63.
- Raukko J. Polysemy as complexity? A man of measure. *SKY journal of linguistics*. Finland: The linguistic association of Finland, 2006, pp. 357–361.
- Zhang W., Itoh K., Tanida, J., & Ichioka, Y. Parallel distributed processing model with local space-invariant interconnections and its optical architecture. *Applied optics*, 29 (32), 1990, pp. 4790–4797.

О принципах отбора слов для «Толкового словаря русской разговорной речи»¹

Ольга Александровна Шарыкина, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), oka_2311@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170017240-3

АННОТАЦИЯ: «Толковый словарь русской разговорной речи» (ТСРР) — это одна из первых попыток описать разговорную лексику в рамках словаря. Учитывая специфику разговорной речи, задача это не очень простая. В настоящей статье рассказывается, как был сформирован словарь данного словаря, какая лексика в него вошла, какие принципы отбора слов — критерии разговорности — использовались авторами. В числе последних указываются следующие: функционирование слова в живой, непринужденной, как правило устной, речи и возможное (или обязательное) наличие у слова нейтрального синонима или лексического эквивалента, наличие специфических (эмоционально окрашенных) суффиксов, метафорический перенос (в результате которого у слова появляется новое значение), экспрессивная окраска и/или оценка слова. Рассматривается также вопрос: почему стилистическую принадлежность того или иного слова представители разных поколений могут ощущать по-разному? Высказывается предположение о том, что на это влияет прежде всего опыт использования слова — чем менее слово знакомо носителям языка, тем более оно кажется им не разговорным, а нейтральным или книжным. Отмечается также, с какими трудностями столкнулся коллектив авторов словаря при описании разговорной лексики.

¹ Автор выражает глубокую признательность Л. П. Крысину — редактору «Толкового словаря русской разговорной речи» — за прочтение первого варианта статьи и ценные замечания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексикография, толковый словарь, разговорная речь, критерии разговорности, стилистика

для цитирования: Шарыкина О. А. О принципах отбора слов для «Толкового словаря русской разговорной речи» // Русская речь. 2021. № 5. С. 69–78. DOI: 10.31857/S013161170017240-3.

Issues of Modern Russian Language

On the Principles of Word Selection for the Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech

Olga A. Sharykina, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow), oka_2311@mail.ru

ABSTRACT: The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech is one of the first attempts to describe everyday vocabulary in a dictionary. Given the specifics of colloquial speech, this is not a very simple task. The article describes how the glossary of this dictionary was formed, words of what kind were included in it, which principles of word selection, i.e. which criteria for colloquiality, were used by the authors. Among the latter, the following are listed: the functioning of a word in a spontaneous, casual oral speech, and the a possible (or obligatory) existence of a neutral synonym or a lexical equivalent for the word, the presence of specific (emotionally colored) suffixes, a metaphorical transfer as a way of nominating words, expressive coloring and / or word evaluation. The article also addresses the question why representatives of different generations can feel the stylistic reference of a certain word in different ways. It is suggested that this is influenced primarily by the experience of using the word — the less familiar a word is to native speakers, the less colloquial it seems to them; on the contrary, they perceive it as a neutral or bookish. The article also considers the difficulties the authors of the dictionary faced in describing the colloquial vocabulary.

KEYWORDS: lexicography, explanatory dictionary, colloquial speech, colloquiality criteria, stylistics

FOR CITATION: Sharykina O. A. On the Principles of Word Selection for the Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 5. Pp. 69–78. 10.31857/S013161170017240-3.

Безусловно, создание любого толкового словаря не только очень трудоемкий, но и весьма увлекательный процесс. В зависимости от специфики словаря отбирается та или иная лексика — составляется словник, который в процессе написания словарных статей может быть как расширен, так и сокращен. Отбирается также и иллюстративный материал — те источники текстов, которые будут служить примерами употребления того или иного слова. Всё указанное справедливо и по отношению к «Толковому словарю русской разговорной речи» (ТСРР). Наверное, трудно найти другой подобный словарь, на создание которого сильное влияние оказывали примеры живого употребления слов². Отметим, что в качестве иллюстративных примеров в ТСРР использовались записи устной речи, различные интернет-источники (блоги, форумы, комментарии пользователей новостных сайтов и т. п.), а также примеры из художественной литературы и публицистики второй половины XX в. — начала XXI в. Стоит ли говорить, что в процессе обсуждения, включать ли в словарь то или иное слово, авторами было сломано немало копий. Но, как известно, в споре рождается истина, и в конечном счете отбирались именно те слова, разговорность которых, как казалось авторам ТСРР, не должна вызывать сомнения у читателя.

В этой статье я бы хотела рассказать о «кухне» создания ТСРР и попытаться ответить на вопрос: какой пласт лексики в нем отражен, почему те или иные слова в него включены или не включены и на основе каких критериев это осуществлялось.

Само название «Толкового словаря русской разговорной речи» говорит о том, что в нем отражена разговорная речь, под которой понимается речь образованных городских жителей в ситуациях неофициального, преимущественно бытового, общения [Крысин (ред.) 2014: 9]. Стоит отметить, что в настоящее время наблюдается тенденция проникновения

² Опыт лексикографического описания разговорной речи также представлен в работах В. В. Химика «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» [Химик 2004] и А. Д. Куриловой «Толковый словарь разговорного русского языка» [Курилова 2007]).

разговорной речи в различные сферы коммуникации (в частности, разговорные слова нередко можно встретить в публицистических текстах, в речи политиков, спортивных комментаторов и т. д.), во многих случаях границы между стилями речи размываются. К тому же сам пласт разговорной лексики весьма неоднороден: он включает в себя эмоционально окрашенные слова (напр., *паникёрша* — женщина, легко впадающая в панику, *ротозей* — невнимательный, рассеянный человек; *свиданка* — свидание; *паршивый* — очень плохой; *трезвонить* — много говорить о чем-л., распространять слухи, сплетни³), в том числе и сленговые (напр., *точняк* — наверняка; *тошиловка* — заведение общественного питания низкого уровня; *передоз* — передозировка какого-л. наркотического вещества; *повёрнутый* — 1) о человеке и его поведении: не соответствующий общепринятым нормам; 2) имеющий особое пристрастие к кому-чему-л., чрезмерно увлеченный кем-чем-л.; *свистнуть* — украсть; *пасти* — тайком в течение относительно длительного времени следить за кем-л.), слова из социальных и профессиональных жаргонов (например, слова, которые используют в своей речи представители каких-либо профессий — компьютерщики, военные, спортсмены и т. п. или молодежь, студенты, школьники, ср.: *камералка* (проф.⁴) — помещение для обработки материалов, собранных во время экспедиций и полевых изысканий; *тушка* (проф.) — самолет модели ТУ; *самоходка* (воен.⁵) — самоходное артиллерийское орудие; *качать* (комп.⁶) — копировать информацию с сервера на компьютер пользователя; *пофиг* (молод.⁷) — всё равно, безразлично и др.).

Необходимо сразу отметить те слова, которые не вошли в ТСРР. Прежде всего это обценная лексика (мат), диалектизмы и слова типа *карандашик*, *столик*, *таблеточка* и т. п., которые отличаются от нейтральных лексических эквивалентов (*карандаш*, *стол*, *таблетка*) только эмоциональной стилистической окраской, а также слова, употребляющиеся в качестве номенклатурных наименований (например, официальные названия некоторых пищевых продуктов — *сгущёнка*, *тушёнка* и т. п., названия отделов магазинов — *бакалея*, *галантерея*, *кулинария* и т. п., названия профессий, которые используются в разного рода документах — *сантехник*, *электрик* и т. п.) и некоторые другие.

При составлении словника авторы ТСРР опирались прежде всего на существующую лексикографическую традицию: из различных толковых

³ Здесь и далее приводятся примеры из словарных статей ТСРР.

⁴ Профессиональное.

⁵ Военный жаргон.

⁶ Компьютерный жаргон.

⁷ Свойственно речи молодежи.

словарей была выбрана лексика, сопровождающаяся словарными пометами «разг.», «прост.» и «жарг.». И в то же время учитывалась «их достаточно широкая употребительность в устной речи носителей литературного языка и в языке средств массовой информации» [Крысин (ред.) 1: 11].

Первая проблема, с которой столкнулись авторы ТСРР, заключалась в том, что толковые словари⁸ зачастую по-разному определяют стилистическую принадлежность того или иного слова, например:

МОЛОДНЯК — подростки, молодые люди; молодое поколение.

СУш: без стилистической пометы (то есть в данном значении слово считается не разговорным, а нейтральным).

МАС: *прост.*

СШ: без стилистической пометы.

БТС: *фам.*

ОБХИТРИТЬ — обмануть, перехитрить.

МАС: *прост.*

БТС: *разг.*

СУш, СШ — такой словарной статьи нет.

ЮРКИЙ — ловкий, пронырливый, предприимчивый.

СУш: *разг.*

СШ, БТС: без стилистической пометы.

МАС: *разг.*

Как видно даже из этих немногих примеров, иногда в словарях при том или ином слове пометы «разг.» может и не быть вовсе, но данное слово современными носителями языка ощущается как разговорное. Подобное происходит со словом *черпак* (в значении «приспособление, сосуд для черпания жидкости»). Почти все словари единодушно не дают при нем никакой стилистической пометы, кроме СУш, в котором слово сопровождается пометой «обл.» (областное или диалектное). Однако, как показывает опрос, многие (примерно 40 % респондентов) воспринимают это слово как разговорное. Возможно потому, что есть более распространенные нейтральные синонимы — *ковш* или *половник*. На этом основании слово *черпак* было включено в ТСРР. Более того, у *черпака* в ТСРР выделяется три значения: 1) большая ложка, половник для разливания или раскладывания пищи (*Рядом в парке дымится полевая кухня и солдаты с мисками стоят*

⁸ В статье используются следующие сокращения: СУш — Толковый словарь русского языка (в 4 т.) [Ушаков (ред.) 1935–1940]; МАС — Малый академический словарь (Словарь русского языка. Т. 1–4) [Евгеньева (ред.) 1981–1984]; СШ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов [Шведова (ред.) 2007]; БТС — Большой толковый словарь русского языка [Кузнецов (ред.) 1998].

в очереди к черпаку с картошкой и тушёной. Советский спорт. 27.04.2010); 2) сосуд, обычно в виде ковша, для зачерпывания чего-л. (*В Раникете нам по-простому каждое утро приветливый такой парнишка приносит ведро холодной воды и черпак — для омовения*. М. Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию); 3) (переносное) неуставное звание солдата, получаемое им в период от года до полутора лет срочной службы (*Армия. Уходит дембель. — Ну, присядем на дорожку... Духи 20, а черпаки 10 раз!* (Анекдот))⁹.

Но есть и противоположные примеры. Один из них — глагол *совладать* (в одном из значений — ‘справиться с кем-чем-л., одолеть силой или заставить подчиниться каким-л. иным способом’). Толковые словари дают при нем помету «разг.», но большинство современных носителей языка ощущают его нейтральным или даже книжным словом.

Проблема вторая. Разговорная речь постоянно пополняется новыми словами, которые еще не зафиксированы ни одним толковым словарем. Например, относительно недавно появились *лайкать* — выражать одобрение чьей-л. записи (поста) в социальных сетях; *человейник* (шутливое) — густонаселенный дом или район города; *удалёнка* — удаленная работа, организация труда, при которой сотрудники работают дома и др. Когда у авторов возникает сомнение, включать ли их в словарь, то на первый план выходят так называемые «критерии разговорности», то есть принципы отнесения того или иного слова к сфере разговорной речи.

Выработка подобных критериев — довольно непростая задача. Многие из них рассматриваются в работе Л. П. Крысина «Некоторые принципы словарного описания русской разговорной речи» [Крысин 2008: 112–114], например, принцип маркированности слова (в словник включались слова, **маркированные** в каком-либо отношении — фонетически, морфологически, семантически, синтаксически, стилистически или прагматически), другие нашли отражение в Предисловии к словарю, см. [Крысин (ред.) 2014: 11]. Некоторые были сформулированы в процессе коллективного обсуждения словарных статей.

Попытка формализовать эти критерии была предпринята, в частности, членом авторского коллектива А. Р. Пестовой в ее статье «О некоторых проблемах стилистической квалификации слов в толковых словарях» [Пестова 2020: 51–68]. В качестве основных критериев разговорности выступают следующие:

- 1) употребление в живой, непринужденной речи;
- 2) возможное наличие у разговорного слова нейтрального синонима либо нейтрального лексического эквивалента (ср. *отстойный* — плохой,

⁹ Примеры из словарной статьи Н. Н. Розановой.

рыбалка — рыбная ловля; *маршрутка* — маршрутное такси; *проездной* — проездной билет);

3) возможное наличие у разговорного слова экспрессивных суффиксов, например:

-ачк-(-ячк-) — *ржачка* — громкий и неуправляемый хохот; *дохлячка* — слабосильная вялая женщина; *стоячка* — вид закуской, в которой посетители пьют и едят стоя; *соплячка* — о девочке или молодой, неопытной женщине;

-инк- — *горчинка* — легкий горький привкус; *крупинка* — малая частица чего-л.; *четвертинка* — бутылка водки объемом 0,25 л;

-ист- — *блондинистый* — светло-русый, со светло-русыми волосами; *пижонистый* — ведущий себя как пижон, похожий на пижона; *пройдошистый* — о человеке: умеющий добиваться своей цели благодаря хитрости, обману, интригам; *речистый* — такой, который много и складно говорит;

-аст- — *глазастый*, *губастый*, *щекастый* и под.;

-ач- — *первач* — первая, чистая высокотемпературная часть от общего выгона самогона; *строгач* — 1) строгий выговор как мера наказания; 2) исправительная колония строгого режима, а также любое другое наказание в виде ареста со строгой изоляцией; 3) заключенный, отбывающий наказание в исправительной колонии строгого режима; 4) строгий металлический ошейник с шипами, предназначенный для подавления чрезмерно активного, агрессивного поведения собак; *стукач* — тот, кто занимается доношением, наушничеством; доносчик; *срач* — 1) крайний беспорядок, грязь в каком-л. помещении; 2) ссора, скандал, выяснение отношений и мн. др.

К неосновным, но не менее важным критериям относятся метафорический перенос как способ образования новых значений (ср. *рубильник* — большой нос; *швабра* — о женщине, обычно о некрасивой и неухоженной; *овца* — о покорном, никогда не возражающем, глуповатом человеке) и экспрессивная окраска и/или оценка слова, например: *намалеваться* (неодобрительно) — нанести косметическое средство на свое лицо (обычно обильно или неумело); *кляча* (пренебрежительно) — тощая, изможденная, обычно старая лошадь; *кикимора* (уничижительное, бранное) — о нелепо или непривлекательно выглядящей женщине; *конфетка* (ласковое) — о ком-л. очень привлекательном, обычно внешне) и т. п. В то же время некоторые разговорные слова могут и не содержать ничего экспрессивного, ср.: *проездной* — проездной билет, *координаты* — чей-л. телефон или адрес.

Как показывает работа над ТСРР, чтобы отнести слово к разряду разговорных, иногда достаточно и одного критерия, а в некоторых случаях необходимо учесть сразу несколько. К тому же даже сами авторы ТСРР могут по-разному ощущать разговорность того или иного слова: авторский коллектив — люди разного возраста, разных поколений, соответственно,

с разным языковым и жизненным опытом. И часто слово, которое для старшего поколения является, безусловно, разговорным, для младшего поколения уже таким не является (в качестве примера можно привести слова *рыбалка*, *сбой*, *целкопёр*, которые большинство старшего поколения авторов ТСРР воспринимает как разговорные). А бывали случаи и с точностью до наоборот.

Почему разные поколения ощущают стилистическую окраску одного и того же слова по-разному? Можно предположить следующее. Например, старшее поколение не знакомо с данным словом или редко его использует (то же самое в некоторых случаях можно сказать и про младшее). Или же нейтральный синоним какого-либо разговорного слова младшее поколение воспринимает как книжное слово, которое может встретиться только в специальной литературе (например, *сбой* — перебой в движении, работе, действии (о приборах, механизмах и т. п.) [Кузнецов (ред.) 1998]. Некоторые слова устаревают, уходят из активного словарного запаса и уже не вполне воспринимаются младшим поколением как разговорные (ср. *скарעד* — скупой человек, *скарעדничать* — проявлять жадность); как правило, они входят в словарь с пометой «устар.» (устарелое) или «уходящ.» (уходящее).

Поскольку разговорная речь — это преимущественно сфера устного общения, авторы ТСРР нередко сталкиваются с тем, что какое-либо слово отсутствует в письменных источниках. Например, некое слово явно разговорное, живое, но в письменных текстах практически не используется. В этих случаях авторы прибегают к записям устной речи и, соответственно, словарная статья полностью иллюстрируется ими. Так было, например, со словом *освежанс*, которое употребляется преимущественно в ситуации застолья как предложение кому-либо добавить алкогольный напиток в его бокал, рюмку и т. п., ср.: *Вам освежить рюмочку? — Можно// (Подливая в рюмку водку) Освежанс//*¹⁰ (Запись устной речи, 1999).

Несмотря на тщательность отбора слов для ТСРР, возможно, некоторые пользователи словаря могут усмотреть в них долю субъективности. И надо признать, учитывая специфику разговорной речи, отчасти они будут правы. Разговорный лексикон не является чем-то застывшим и устоявшимся, он постоянно пополняется новыми словами — в этом кроется одна из причин неполноты словника ТСРР (поэтому, в частности, авторы намеренно не используют слово «том», заменяя его на «выпуск»). ТСРР — это одна из первых попыток описать разговорную лексику в рамках словаря, и мы надеемся, что это будет шаг к ее дальнейшему изучению.

¹⁰ При передаче устной речи принята следующая система записи: « / (одна косая черта) обозначает интонацию незаконченности. // (две косые черты) обозначают интонацию законченности» [Земская (ред.) 1973].

Литература

- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. Т. 1–4, 2-е изд. М., 1981–1984.
- Земская Е. А. (ред.). Русская разговорная речь. Общие вопросы. М.: Наука, 1973. 485 с.
- Крысин Л. П. Некоторые принципы словарного описания русской разговорной речи (постановка задачи) // Русский язык в научном освещении. М., 2008, № 2 (16). С. 110–118.
- Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2014. 776 с.
- Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 864 с.
- Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 3. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 824 с.
- Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 4. М.: Издательский Дом ЯСК, (в печати).
- Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.
- Курилова А. Д. Толковый словарь разговорного русского языка. М.: АСТ, 2007, 640 с.
- Пестова А. Р. О некоторых проблемах стилистической квалификации слов в толковых словарях // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 5. С. 51–68.
- Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.
- Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004, 762 с.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.
-

References

- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981–1984, 2nd edition.
- Khimik V. V. *Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoj ekspressivnoi rechi* [A large dictionary of Russian colloquial expressive speech]. St. Petersburg, Norint Publ., 2004, 762 p.
- Krysin L. P. [Some principles of the dictionary description of Russian colloquial speech (problem statement)]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. Moscow, 2008, no. 2 (16), pp. 110–118. (In Russ.)
- Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi* [Explanatory dictionary of Russian everyday speech]. Issues 1. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2014. 776 p.

- Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi* [Explanatory dictionary of Russian everyday speech]. Issues 2. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2017. 864 p.
- Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi* [Explanatory dictionary of Russian everyday speech]. Issues 3. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2019. 824 p.
- Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi* [Explanatory dictionary of Russian everyday speech]. Issues 4. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., (in print).
- Kurilova A. D. *Tolkovyi slovar' razgovornogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of spoken Russian]. Moscow, AST Publ., 2007, 640 p.
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998, 1534 p.
- Pestova A. R. [On some problems of stylistic qualification of words in explanatory dictionaries]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 2020. Vol. 79, no. 5, pp. 51–68. (In Russ.)
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language. In 4 vols.]. Moscow, Sov. entsikl.: OGIZ Publ., 1935–1940.
- Zemskaya E. A. (ed.). *Russkaya razgovornaya rech': Obshchie voprosy* [Russian colloquial speech. General issues]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 485 p.

Из истории русского языка

Идеал писца: надпись дьяка Остафия в Софии Константинопольской и русские книжные маргиналии XV в.

Юрий Александрович Артамонов¹, Алексей Алексеевич Гиппиус²,
Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя¹, Институт российской истории РАН¹,
Институт всеобщей истории РАН¹, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»², Российская академия народного хозяйства и государственной службы²
(Москва, Россия), Artamonov5@yandex.ru¹, agippius@mail.ru²

DOI: 10.31857/S013161170017241-4

АННОТАЦИЯ: В статье впервые публикуется надпись XV в. из собора св. Софии в Константинополе (Стамбуле), сделанная приехавшим из Руси дьяком Остафием. Анализ граффито в контексте древнерусской эпиграфики Св. Софии позволяет отнести его к числу автографов лиц, посетивших столицу Византии не с собственно паломническими целями, но по служебной надобности (в связи с этим затрагивается вопрос о соотношении слов *дьякон* и *дьяк*, из которых второе, исходно также обозначавшее дьякона, стало со временем названием светского чиновника-канцеляриста). С профессиональной деятельностью автора надписи связано составляющее ее основное содержание молитвенное прошение о крепости руки. Оно находит параллели в записях русских книжных писцов XV в., в совокупности составляющих идеальный портрет средневекового переписчика.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: София Константинопольская, древнерусская эпиграфика, средневековая книжность, записи писцов

для цитирования: Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А. Идеал писца: надпись дьяка Остафия в Софии Константинопольской и русские книжные маргиналии XV в. // Русская речь. 2021. № 5. С. 79–94. DOI: 10.31857/S013161170017241-4.

благодарности: Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Хожения и эпиграфика: паломнические надписи, географическая мобильность и благочестие между Византией и Русью (V–XV века)» (№ 21-59-14005 АНФ_а).

From the History of the Russian Language

The Ideal Scribe: Clerk Ostafy's Graffito in St. Sophia, Constantinople and the 15th Century Russian Book Marginalia

Yurii A. Artamonov¹, Aleksei A. Gippius², Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia¹, Institute of Russian History (Russian Academy of Sciences)¹, Institute of World History (Russian Academy of Sciences)¹, National Research University Higher School of Economics², Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration² (Moscow, Russia), Artamonov5@yandex.ru¹, agippius@mail.ru²

ABSTRACT: The article is the first to publish a 15th century inscription from the Cathedral of St. Sofia in Constantinople (Istanbul), made by a Russian clerk Ostafiy. The analysis of graffito in the context of the Old Russian epigraphy of St. Sophia allows us to attribute it to the number of autographs of persons who visited the capital of Byzantium not for pilgrimage purposes, but on business. In connection to this the article attempts to compare the words *dyakon* and *dyak*, the latter of which became a name for a civilian clerk. The author's professional status is revealed by the petition prayer, where he asks

to strengthen his hand. It correlates with the records of 15th century Russian book scribes, which together make up an ideal portrait of a medieval scribe.

KEYWORDS: St. Sophia in Constantinople, Old Russian epigraphy, graffiti, medieval scribes, marginalia

FOR CITATION: Artamonov Yu. A., Gippius A. A. The Ideal Scribe: Clerk Ostafy's Graffito in St. Sophia, Constantinople and the 15th Century Russian Book Marginalia. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 5. Pp. 79–94. DOI: 10.31857/S013161170017241-4.

ACKNOWLEDGEMENTS: This study was carried out within the framework of the research project “Epigraphies of Pious Travel: Pilgrims' Inscriptions, Movement, and Devotion between Byzantium and Rus' in the 5th–15th Centuries C.E.” funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR no. 21-59-14005 АНФ_a).

На протяжении Средних веков самым большим и богатым городом Европы был Константинополь. Сюда в поисках коммерческого успеха, военной и гражданской карьеры, интеллектуальной и творческой деятельности, образования и научных знаний стекался люд со всех концов христианского мира. Особое место в этом миграционном водовороте принадлежало паломникам: храмы и монастыри города изобиловали реликвиями, связанными с событиями Священной истории и жизнью праведников.

Главным «реликвариумом» Константинополя был собор Св. Софии, воздвигнутый в 532–537 гг. по инициативе императора Юстиниана Великого (527–565): здесь хранились многочисленные мощи святых, чудотворные иконы, библейские артефакты. В течение почти тысячи лет, до возведения собора Св. Петра в Риме (XVI в.), этот храм был самой большой христианской церковью в мире. Его красота и величие поражали воображение современников. Так было вплоть до последних десятилетий существования Византии: когда положение империи стало катастрофическим и большинство церквей столицы пришло в упадок, Св. София по-прежнему сохраняла свое величие. Дьяк Александр, посетивший собор в конце XIV в., признавался, что величество и красоту храма невозможно описать¹.

В христианском мире бытовало убеждение, что Св. София является средоточием Божественной благодати. О чудесах и знамениях, происходивших

¹ «И приидомъ поклонитися в святую Софью; величество ея и красоту не мощно исповѣдати» [ПСРЛ 4: 376].

здесь, знали далеко за границами Византии. В соборе были специально отмечены места, прославленные явлением молящейся Богородицы, ангелов и святых. Считалось, что посещение Св. Софии и молитва в ней не останется без ответа. Это отношение находит свое подтверждение в многочисленных граффити, оставленных паломниками. Подавляющее большинство их находятся на галереях второго этажа собора: здесь было намного светлее, а доступ к стенам не был закрыт иконами и реликвиями.

Среди разноязычных надписей, которыми испещрены мраморные плиты, перила, балюстрады и колонны галерей собора, видное место занимают средневековые славянские граффити, выполненные кириллицей. Судя по отразившимся в них языковым особенностям, подавляющее большинство этих надписей оставлено выходцами из Руси. На сегодняшний день это самый большой расположенный вне исторических пределов Руси комплекс средневековой восточнославянской эпиграфики².

Граффито, впервые издаваемое в данной статье, находится в восточном сегменте южной галереи, где расположены еще несколько уже опубликованных древнерусских надписей. Справа от мозаики на южной стене, изображающей императора Константина II Мономаха и императрицу Ирину, на северной стороне дверного проема, через который в собор, следуя из дворца, попадала императорская чета, читается граффито из пяти строк: **Г(оспод)и, помози рабу своему Филипу Микитиничю, столнику Киприана митрополита Киевского и всеа Ру(с)[и]**. Стольник, приближенный митрополита Киприана Филипп, по всей вероятности, сопровождал предстоятеля русской церкви во время одной из его поездок в Константинополь в конце XIV в. На колонне в средней части южной галереи он оставил еще один молитвенный автограф. Со значительной вероятностью этот человек отождествляется с Филиппом, вдова которого, Федосья, обращалась в 1404 г. к Киприану с просьбой разрешить ей жить вдовой в вотчине мужа, убитого холопами³.

На ближайшей к двери колонне, с южной стороны, читаются два слова: **Нужно ест**. Восточнославянские особенности в языке — у в соответствии праславянским *ǫ и ж в соответствии с *dj (ср. церковнославянизм *нужда*) — указывают на происхождение автора из Руси. Надпись можно прочесть как цельное высказывание: «Тяжело, плохо, нужда!». Но, учиты-

² Общий обзор этого комплекса см. в работе [Артамонов, Гиппиус, Зайцев 2012], резюмирующей результаты натуральных исследований, проводившихся авторами в 2007–2010 гг.; там же ссылки на более ранние публикации К. Манго, И. Калаврезу-Максайнер, Д. Оболенского, А. А. Алексева и А. П. Толочко. См. также монографию [Томов 2016], в части прочтений в основном опирающуюся на наши публикации. Надпись, издаваемая в настоящей статье, к 2011 г. еще не была нами прочитана и потому в книгу Т. Томова не вошла.

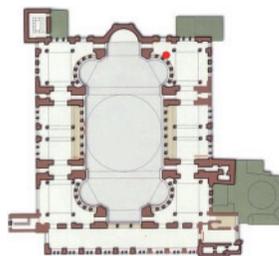
³ См. [Артамонов, Зайцев 2009: 27–28].

вая, что она осталась недописанной (отсутствует конечный *ѵ*), в ней можно видеть и отсылку к евангельскому стиху (Мф. 11: 12), который именно в этой форме неоднократно цитируется русскими авторами. Ср., например, в «Домострое»: «И паки рече Господь: нужно есть царство небесное, и нужницы восхищают е».

Немного левее и выше на той же колонне читается еще одна русская надпись. Она сделана при изображении креста и гласит: **Свѣтаѧ Софіе! Грѣчинъ ѱлъ**. Очевидно, что *Грѣчинъ* здесь — не этноним, а прозвище русского человека (о восточнославянском происхождении писавшего говорит употребление *ѧ* в значении [‘а]). Из источников XII в., к которому, судя по начертаниям букв, относится надпись, известен один носитель такого прозвища, который вполне мог бы претендовать на авторство граффито. Это знаменитый Олисей-Гречин Петрович — новгородский боярин, священник и церковный художник, усадьба которого была исследована в 1970-х гг. на Троицком раскопе. Сопоставление летописных упоминаний с показаниями берестяных грамот позволяет считать его сыном боярина Петра Михалковича, в 1155 г. выдавшего дочь за князя Мстислава Юрьевича, сына Юрия Долгорукого. Предполагается, что свое прозвище и профессию иконописца Олисей Петрович вынес из Византии, куда в 1162 г. направился изгнанный из Руси Андреем Боголюбским Мстислав Юрьевич и где его, несомненно, сопровождала жена, сестра будущего Гречина⁴.

На соседней, юго-восточной, колонне — выполненная хорошо читаемыми большими буквами надпись: **Стефанось русинъ дьякъ**. Палеографически она датируется концом XIII — первой половиной XIV в., и в принципе не исключено, что ее мог сделать известный Стефан Новгородец, посетивший Константинополь в 1347/48 гг. и оставивший рассказ о своем путешествии. Но специальных оснований для такой атрибуции нет: автором надписи мог быть любой другой выходец из Руси, носивший то же имя. Отметим характерную деталь: прямо указав на свое русское происхождение, дьяк Стефан написал свое имя на греческий лад — с окончанием *-ос*, к которому, однако, добавил славянский *ер*.

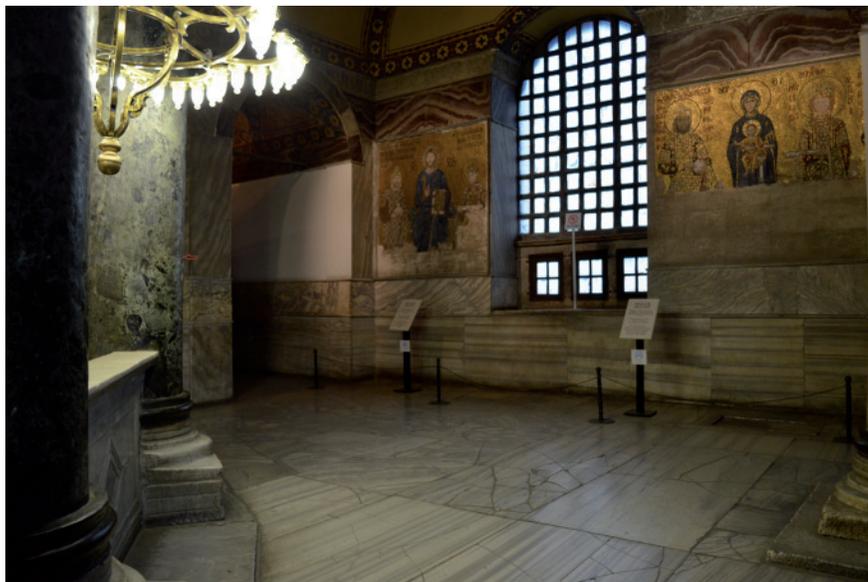
Таков ближайший эпиграфический контекст, в который помещается непосредственный предмет данной статьи. Публикуемая надпись находится на второй справа колонне юго-восточной экседры и сделана на черном включении кальцита в темно-зеленый мрамор колонны (илл. 1–3).

Илл. 1. План галерей собора

Fig. 1. Plan of the cathedral galleries

⁴ См. [Гиппиус 2005].

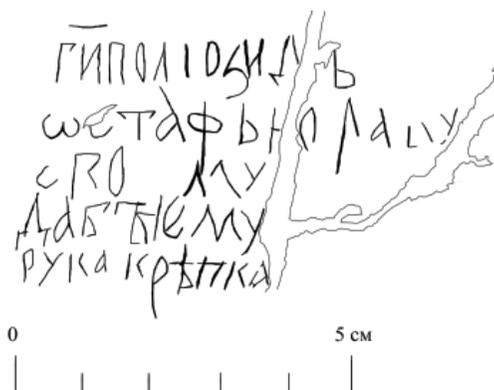

Илл. 2. Расположение надписи | Fig. 2. Location of the graffiti

Илл. 3. Надпись Остафия, фотография | Fig. 3. Ostafiy's graffiti, photograph

Во время нанесения надписи автору открывался из-за колонны величественный вид в центральное подкупольное пространство собора, а за его спиной находились посвяtitельные мозаичные композиции.

Надпись состоит из пяти строк. Неглубокие линии букв прочерчены тонким предметом, их высота колеблется от 0,4 см (*a* в слове *рука*) до 1,2 см (*ф*)⁵. Прочтение затрудняют многочисленные трещины и царапины, а также истертость поверхности колонны. Несмотря на это, текст удается разобрать. Приводим его дважды: в оригинальном виде, а затем с делением на слова и конъектурами:

гипомозидь---
остафьюрабу
сво-му
дабыему
рукакрѣпка

Г(оспод)и, помози дь[яку] Остафью, рабу сво[е]му, дабы ему рука крѣпка.

На русское происхождение автора указывает форма канонического имени *Евстафий* с начальным *о-*, а также запись как у рефлекса **о* в *рука*. Палеографические аналогии позволяют датировать надпись второй половиной XIV — первой половиной XV в. Об этом говорят характерные начертания *e*, *и*, *p*, *ь* (см. хронологические графики в [Рыбаков 1964]). Граффито имеет близкое сходство с надписями № 72, 73, 75 из новгородской церкви Св. Федора Стратилата на Ручью, которые датируются издателем

⁵ Длина строк соответственно: 4,8 см, 6,2 см, 3,5 см, 3,7 см, 3,8 см. Последняя строка находится на высоте 78 см от базы колонны.

XV в. (ср.: *а, б, е, и, р, в*) [Рождественская 1992: 112, 114]. Параллели в начертании *а, и, р, в, ъ* обнаруживаются с граффити № 23 и № 24 из Спасо-Преображенской церкви в Полоцке; первое выполнено в 1477 г., второе — в 1440 г. [Калечиц 2011: 118–119]. Использование методики внестратиграфического датирования, разработанной А. А. Зализняком [2000] для берестяных грамот и в целом успешно применяемой в эпиграфике, дает более узкую предпочтительную датировку надписи: конец XIV — первая половина XV в.

Молитва Остафия состоит из двух частей: общего обращения к Господу и уточняющего его пожелания крепости руки. Первая выполнена не совсем традиционным образом: имя автора предшествует словам *рабу своему*, а не стоит после, как это обычно делалось. Причина в том, что после *ѿи помози* писавший поместил слово, определявшее его социальный статус или род деятельности. В настоящий момент от него сохранилось только две первые буквы — *д* и *ь*. Можно предположить, имея в виду уже приведенную надпись Стефана, что это начальные буквы слова *дьякъ*.

Это слово, возникшее в старославянском языке как заимствование из бытового греческого *διάκος* — сокращения от *διάκονος* ‘дьякон’ (в свою очередь из лат. *diaconus*) [Фасмер 1986: 560], встречается в древнерусских памятниках в трех значениях, обозначая: 1) дьякона, 2) любого младшего клирика, не имеющего степени священства, и 3) должностное лицо при князе или церковном иерархе, выполняющее роль секретаря, делопроизводителя [Аванесов (гл. ред.) 1989: 472–473]. Последнее значение возникает на основе первых двух по понятной причине: в раннюю пору развития русской бюрократии функции писцов-канцеляристов выполняли грамотные клирики (так же дело обстояло и на Западе: ср. англ. *clerk*, происходящее от лат. *clericus*). Это значение, хотя и фиксируется словами лишь с XIV в. (из-за чего само появление дьяков-канцеляристов иногда ошибочно относят к этому времени) [Толочко 2013: 214–218], безусловно, существовало уже в XI–XII вв. Ярче всего его демонстрируют автографы дьяков новгородского посадника Остромира (заказчика знаменитого Остромирова евангелия 1056/57 г.) в Новгородском Софийском соборе [Медынцева 1978: 94–97; Гиппиус, Михеев 2013: 162]. По всей вероятности, к этой категории церковных или светских чиновников, посещавших византийскую столицу не с собственно паломническими целями, но по долгу службы, в качестве представителей или в свите своих патронов, принадлежали и Стефан с Остафием. Еще один ее представитель той же социальной группы, аттестовавший себя как «Яков Григорьевич, писарь Герасима митрополита Киевского», расписался в западной части южной галереи на колонне, соединенной с юго-западным опорным столбом. Граффито датируется концом 1432 — началом 1433 г., временем

посвящения смоленского епископа Герасима в сан митрополита Киевского и всея Руси [Калаврезу-Максайнер, Оболенский 1981: 8]. Вспомним и уже упомянутого дьяка Александра, посетившего Св. Софию в конце XIV в., по его собственному признанию, по торговым делам («приходяхъ куплеу») и описавшего свои впечатления.

Вторую часть молитвы (*да бы ему рука крѣпка*) можно было бы интерпретировать в свете ветхозаветных упоминаний сильной руки как аллегории господства и победы (Быт. 49:8, Суд. 4:24, Пс. 88:14), полагая, что таким образом автор испрашивал у Господа духовной крепости, благополучия и успеха в делах. В этом смысле прошение о крепости руки встречается и в православных молитвословиях, например в Каноне молебном Ангелу хранителю: «не даждь мѣста лукавому дѣмону вбладати мною, насильствомъ смѣртнагѡ сегѡ тѣлесѣ, укрѣпи бѣдствующую и худую мою руку, и настави мя на путь спсѣнія»⁶. Однако с большим основанием прошение Остафия можно связывать с его профессиональной деятельностью писца, повседневный труд которого требовал не только усердия и внимания, но и твердости руки. В пользу этого говорят яркие параллели, которые наша надпись находит среди записей писцов конца XIV — начала XVI в. на полях древнерусских рукописных книг. В настоящее время нам известно пять таких записей в четырех кодексах. Приведем их, для удобства пронумеровав и присвоив надписи Остафия номер [1].

[2] Паренесис Ефрема Сирина, середина XIV в. (РГБ, ф. 304/1, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 7). Запись внизу последнего в книге л. 248 об. почерком XV в.: «Гѣ помози рабу своему, даї Богъ ему гораздо писати, рука бы ему крѣпка» (илл. 4).

[3] Минея, июль, XV в. (ГИМ, собрание Успенского собора Московского Кремля, № 18/108, XV в.). Запись на л. 1 (по-видимому, почерком основного писца рукописи: «Господи, помози рабу своему Ивану пера дописати, рука ему крепка и сердце право» [Истомин, Сперанский 1963: 97].

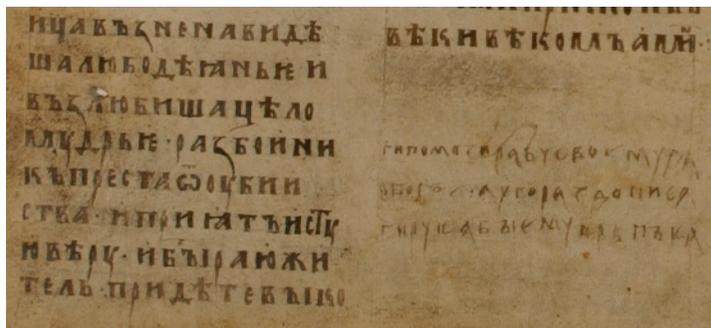
Минея 1507 г. (РНБ, собрание В. А. Крылова, № 2). Две записи почерком писца рукописи на л. 181 об., варьирующие один и тот же текст:

[4] *Слава всемогущему Бгу в бесконе(ч)ныя вѣ(к), ами(н). Гѣ, Ис(с) Х(с)е сне Бжи, помилуй ма грѣшнаго и беззаконнаго Кузму. Даи Гѣ ему рука крѣпка, а ср(д)це бы ему весело, а вко бы ему быстро, а оумъ бы ему терезвъ* (илл. 5).

[5] *Помози, Гѣ, рабу твоему Кузмъ. Даи Бгъ ему рука крѣпка, а ср(д)це бы ему весело, а око бы ему быстро, а оумъ бы ему терезвъ.*

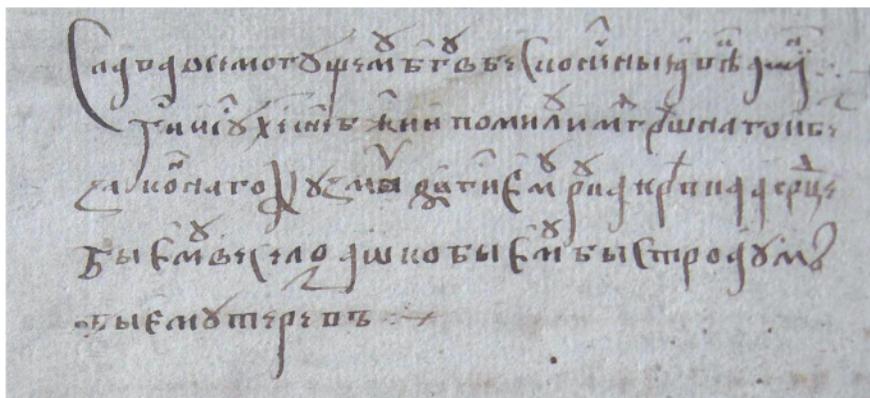
[6] Слова Григория Богослова, конец XIV в. (ГИМ, собрание Чудова монастыря, № 11). Запись на л. 1 почерком XV в.: *Гѣи, помози рабѡ своемѡ*

⁶ Цитируется по церковнославянскому подкорпусу Национального корпуса русского языка.

Илл. 4. Паренесис Ефрема Сирина, сер. XIV в., запись XV в.

Fig. 4. Paronesis of Ephraim the Syrian, mid. 14th century, entry of the 15th century

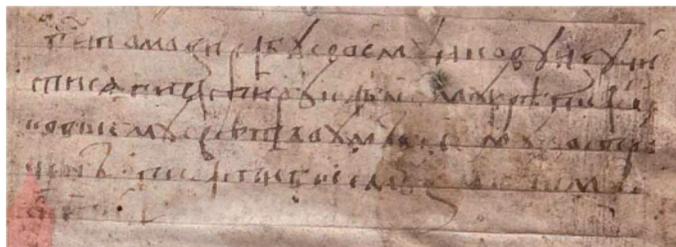

Илл. 5. Минея 1507 г., запись писца

Fig. 5. Menaion 1507, written by a scribe

каковѣ извѣстити ся писати, рѣка бы [е]мѣ крѣпка, яко бы емѣ свѣтло, ѡмѣ бы [е]му остроночь, писати бы ему з...мѣ ... (илл. 6) [Молдован 2018: 212; ср. Протасьева 1980: 11].

Последняя запись требует специального комментария — как потому, что текст ее местами смыт и до конца не прочитан, так и ввиду экстраординарности самой рукописи, в которой она находится, написанной особым «лигатурным письмом», с использованием самых разнообразных приемов сокращений. По оценке А. М. Молдована, «рукопись не была предназначена для общего пользования, а находилась в личном употреблении “профессионального” книжника и его последователей. Получавшие эту рукопись в наследство другие книжники, несомненно, понима-

Илл. 6. Слова Григория Богослова кон. XIV в., запись XV в.

Fig. 6. Words by Gregory the Theologian late 14th century, entry of the 15th century

ли ее “филологическое” значение, о чем говорит молитвенная запись на первом листе рукописи, сделанная почерком XV в. <...> Неровный почерк, которым сделана эта запись, свидетельствует, как кажется, о том, что каллиграфические навыки автора записи в момент ее написания были еще весьма далеки от возделенного идеала» [Молдован 2018: 212].

Трудности прочтения записи не исчерпываются ее окончанием. Проблему составляет также словоформа, переданная в публикациях как *острочень*. Это неизвестное историческим словарям русского языка слово можно понять как страдательное причастие прошедшего времени от глагола *острочити* ‘обстрочить’, засвидетельствованного как портновский термин, но имеющего смысл и применительно к книжной строке — понятию, ключевому для работы писца. Как характеристика ума *острочень* может означать ‘ограниченный строками, не выступающий за строку’. Проблема в том, однако, что перед *о* имеется пустое пространство, на котором должна была находиться еще одна буква. Предполагать ее наличие следует и потому, что начальное *о-* (в слове *ико*) писец обозначил омегой. Единственно возможной кажется реконструкция (*n*)*острочень*. Как и *острочень*, это слово, также не засвидетельствованное в памятниках, может представлять собой страдательное причастие от *построчити* — совершенного вида к *строчити* ‘писать строками’; в этом случае ему можно приписать значение ‘организованный в строки’. Но его можно трактовать и как краткую форму прилагательного *построчный* со значением ‘привязанный к строке’. Эти интерпретации, впрочем, различаются лишь смысловыми оттенками, выражая общую идею, лежащую в основе использованного определения: ум писца должен быть сосредоточен на строке, чтобы не «преступить» ее. Показательно, что «преступление строки» как стандартная ошибка прямо увязывается в послесловиях писцов с недостатком ума. См., например, запись в Апостоле 1495 г. (РГБ, собрание Румянцевского музея, № 9): *Аже буду гдѣ вблასняся криво написалѣ*

или строку преступилъ в своей грубости и въ молодъ оумъ... [Востоков 1842: 13].

Окончание записи пока не поддается прочтению. Конъектура *золотомъ*, предложенная Т. Н. Протасевой, не подтверждается изучением опубликованного снимка: буква перед *м* — явно не *о*, а скорее *и* или *ы*, а через одну позицию после *з* хорошо просматривается еще одно *м*. Таким образом, здесь, скорее всего, читалось прилагательное в форме творительного падежа единственного числа мужского или среднего рода, согласованное с существительным, от которого видны остатки букв в начале пятой строки. Возможно, это сочетание еще удастся восстановить с применением современных технических средств, пока же можно лишь констатировать, что оно было столь же нетривиально, как и предшествующее определение ума, носящее характер индивидуального словотворчества.

Вместе с константинопольской надписью дьяка Остафия приведенные тексты создают совокупный «портрет» идеального писца. Ядро модели, по которой он строится, образуют предикации, называющие в модальности благопожелания качества отдельных органов этого идеального книжника: *рука — крепка* (1–6), *сердце — право* (3) и *весело* (4, 5), *око — быстро* (4, 5) и *светло* (6), *ум — трезв* (4, 5) и «*построчен*» (6). Крепость руки, с которой начинаются все характеристики и к которой они могут сводиться, составляет, как видим, инвариант этой схемы. Ее расширение осуществляется за счет добавления атрибутов самого процесса письма: *гораздо писати* (2), *пера дописати* (3), *изучитися писати, писати* <каким-то особым образом или инструментом> (6).

Интересен и грамматический аспект варьирования этой модели. Базовой здесь следует признать оптативную конструкцию *рука бы ему крепка*, представленную в четырех из шести текстов. В [6] она проведена последовательно, в [4, 5] мы находим ее в трех позициях из четырех, за исключением первого звена, оформленного конструкцией с именительным падежом при инфинитиве: «Даи Г̄и (Даи Б̄гъ) ему рука крѣпка». Формы именительного падежа существительных женского рода регулярно встречаются в древнерусских текстах в сочетаниях с инфинитивом — как реализация модели *трава косити*, широко представленной и в современных диалектах. Употребление же их при императиве было до сих пор засвидетельствовано лишь примером из Синодального списка Новгородской первой летописи (под 1230 г.): «а даи Б̄ъ м̄лтва юго ста̄л вс̄мъ кр(с̄)тъяномъ» [НПЛ: 70]. Двукратное использование этой конструкции в записях Минеи 1507 г. показывает, что она воспринималась писцом как нормативная. Не исключено, правда, что такое построение фразы представляет собой результат «свертывания» более пространной модели, представленной в Паренесисе [6]: *даи Богъ ему гораздо писати, рука бы ему крѣпка*. Транс-

формацией базовой модели с оптативом является, похоже, и конструкция с индикативом в [3]: *рука ему крепка, и сердце право*. Примечательно, что предшествующее этой фразе *пера дописати* звучит как отголосок *гораздо писати* из той же записи.

Представленный в надписи дьяка Остафия вариант *да бы ему рука крѣпка* также необычен в грамматическом отношении. Союз *дабы*, исторически возникающий из сочетания *да* с сослагательным наклонением, предполагает употребление перфектного л-причастия (*дабы ему рука крѣпка была*). Последнее слово, в принципе, могло быть просто не дописано (писавший уперся в границу линзы черного кальцита, а ниже места уже не осталось). С другой стороны, использованная конструкция могла иметь своим прототипом конструкцию *Даи Богъ ему рука крѣпка*.

Так или иначе, дьяк Остафий, выводя свою надпись в Св. Софии, действовал как представитель книжной культуры своего времени, используя молитвенно-благопожелательную формулу, принятую в его профессиональной среде. Малое пространство, которое он выбрал для надписи, и лапидарность храмовой эпиграфики как таковой, заставили его ограничиться инвариантным пожеланием крепости руки. Впрочем, из всех качеств «идеального писца» для вырезания букв на мраморе требовалось в первую очередь именно это.

Источники

Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума. СПб., 1842.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / [Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова]. М.; Л., 1950.

Литература

Аванесов Р. И. (гл. ред.). Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. II. М.: Русский язык, 1989. 494 с.

Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А., Зайцев И. В. Древнерусские надписи Константинопольской Софии // 1150 лет российской государственности и культуры. Материалы к Общему собранию РАН, посвященному Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). М.: Наука, 2012. С. 282–292.

Артамонов Ю. А., Зайцев И. В. Три древнерусские надписи из храма святой Софии в Константинополе-Софии // Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Выпуск XXXII: Сравнительные исследования социокультурных практик. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 19–29.

- Гиппиус А. А. К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. М.: Индрик, 2005. С. 11–25.
- Гиппиус А. А., Михеев С. М. О подготовке свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора // Письменность, литература, фольклор славянский народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М.: Древлехранилище, 2013. С. 152–179.
- Зализняк А. А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. Т. X: (Из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М.: Русские словари, 2000. С. 134–429.
- Истомин Г. И., Сперанский М. Н. Описание рукописей Успенского кремлевского собора (ГИМ, инв. № 83070). Вводная заметка, Примечания и подготовка текста В. Д. Кузминой // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 88–119.
- Калечыц І. Л. Эпіграфіка Беларусі X–XIV стст. Мінск: Беларус. навука, 2011. 271 с.
- Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV века. М.: Наука, 1978. 311 с.
- Молдован А. М. «Лигатурное письмо» и другие особенности рукописи ГИМ, Чуд. 11 // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2018. № 16. С. 193–216.
- Протасьева Т. Н. (сост.). Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск: Наука, 1980. 233 с.
- Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI–XV вв. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1992. 171 с.
- Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М.: Наука, 1964. 48 с. (Археология СССР. Свод археологических источников. Е 1–44.)
- Толочко А. П. Дьяк Давыдов // Храм і люди. Збірник наукових праць до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. Київ: Agrab Media Group, 2013. С. 214–218.
- Томов Т. Непознатят храм «Св. София»: Надписи-графити на кириллица и глаголица. София: ЕМАйВи Консулт ЕООД, 2016. 255 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд. 2-е, стереотипное. Т. I. М.: Прогресс, 1986. 573 с.
- Kalavrezou-Maxeiner I., Obolensky D. Church Slavonic Graffito in Hagia Sophia, Constantinople // Harvard Ukrainian Studies. 1981. Vol. 5. No. 1. March. P. 5–10.

References

- Artamonov Yu. A., Gippius A. A., Zaitsev I. V. [Old Russian graffiti of St. Sophia in Constantinople]. *1150 let rossiiskoi gosudarstvennosti i kul'tury. Materialy k Obshchemu sobraniyu RAN, posvyashchennogo Godu rossiiskoi istorii (Moskva, 18 dekabrya 2012 g.)* [1150 years of Russian statehood and culture. Materials for the General Meeting of the Russian Aca-

- demy of Sciences dedicated to the Year of Russian history (Moscow, December 18, 2012)]. Moscow, Nauka Publ., 2012, pp. 282–292. (In Russ.)
- Artamonov Yu. A., Zaitsev I. V. [Three Old Russian graffiti from the Church of St. Sophia in Constantinople-Sophia]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e: Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto. Vypusk XXXII: Sravnitel'nye issledovaniya sotsiokul'turnykh praktik* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages: Readings in memory of Vladimir Terentyevich Pashuto, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences. Issue XXXII: Comparative studies of sociocultural practices]. Moscow, Institute of World History RAS Publ., 2009, pp. 19–29. (In Russ.)
- Avanesov R. I. (ch. ed.). *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian language (11th–14th centuries)]. Vol. II. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1989. 494 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Transl. from German and suppl. by O. N. Trubachev. 2nd ed., stereotip. Vol. I. Moscow, Progress Publ., 1986. 573 p.
- Gippius A. A. [To the biography of Olisey Grechin]. *Tserkov' Spasa na Nereditse: ot Vizantii k Rusi* [Church of the Savior on Nereditsa: from Byzantium to Russia]. Moscow, Indrik Publ., 2005, pp. 11–25. (In Russ.)
- Gippius A. A., Mikheev S. M. [On the preparation of the collection of graffiti inscriptions of the Novgorod St. Sophia Cathedral]. *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskikh narodov. Istoriya slavistiki. XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Minsk, 20–27 avgusta 2013 g. Doklady rossiiskoi delegatsii* [Writing, literature, folklore of the Slavic peoples. History of Slavic studies. XV International Congress of Slavists. Minsk, August 20–27, 2013. Reports of the Russian delegation]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2013, pp. 152–179. (In Russ.)
- Istomin G. I., Speranskii M. N. [Description of the manuscripts of the Assumption Cathedral in the Kremlin (State Historical Museum, inv. No. 83070). Introductory note, notes and preparation of the text by V. D. Kuzmina]. *Issledovaniya po lingvisticheskomu istochnikovedeniyu* [Studies in linguistic source studies]. Moscow, 1963, pp. 88–119. (In Russ.)
- Kalavrezou-Maxeiner I., Obolensky D. [Church Slavonic Graffito in Hagia Sophia, Constantinople]. *Harvard Ukrainian Studies*, 1981, vol. 5, no. 1. March, pp. 5–10. (In Russ.)
- Kalechyts I. L. *Epigrafika Belarusi X–XIV stst.* [Epigraphy of Belarus 10th–14th centuries]. Minsk, Belarus. Navuka Publ., 2011. 271 p.
- Medyntseva A. A. *Drevnerusskie nadpisi Novgorodskogo Sofiiskogo sobora XI–XIV veka* [Old Russian inscriptions of the Novgorod Sophia Cathedral of the 11th–14th century]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 311 p.
- Moldovan A. M. [“Ligature writing” and other features of the State Historical Museum manuscript, Chud. 11]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2018, no. 16, pp. 193–216. (In Russ.)
- Protas'eva T. N. (comp.) *Opisanie rukopisei Chudovskogo sobraniya* [Description of the manuscripts of the Chudov collection]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980. 233 p.
- Rozhdstvenskaya T. V. *Drevnerusskie nadpisi na stenakh khramov: Novye istochniki XI–XV vv.* [Old Russian graffiti on the walls of temples: New sources of the 11th–15th centuries]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Publ., 1992. 171 p.

- Rybakov B. A. *Russkie datirovannye nadpisi XI–XIV vekov* [Russian dated graffiti of the 11th–14th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 48 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov. E 1–44 [Archeology of the USSR. Code of archaeological sources. E 1–44].)
- Tolochko A. P. [Dyak Davydov]. *Khram i lyudi. Zbirnik naukovikh prats' do 90-richchya z dnya narodzhennya Sergiya Oleksandrovicha Visots'kogo* [Temple and people. Collection of scientific papers for the 90th anniversary of Sergiy Oleksandrovich Visotsky]. Kiiiv, Agrar Media Group Publ., 2013, pp. 214–218. (In Russ.)
- Tomov T. *Nepoznatyat khram "Sv. Sofiya": Nadpisi-grafti na kirillitsa i glagolitsa* [Unknown temple "St. Sofia": Inscriptions-graffiti in Cyrillic and Glagolitic]. Sofiya, EmAiVi Konsult EOOD Publ., 2016. 255 p.
- Zaliznyak A. A. [Paleography of birch bark letters and their extra-stratigraphic dating]. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste. T.X: (Iz raskopok 1990–1996 gg.). Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie* [Novgorod letters on birch bark. Vol. X: (From excavations 1990–1996). Paleography of birch bark letters and their extra-stratigraphic dating]. Moscow, Russkie Slovare Publ., 2000, pp. 134–429. (In Russ.)

Из истории русского языка

Подписи к изображениям святых: орфография имен собственных

Александра Андреевна Плетнева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва), apletneva@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170017242-5

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена орфографии имен собственных в народной гравюре (лубке) и иконе XVII–XIX веков. В XVII веке в результате редактирования церковных книг правописание имен собственных было нормализовано в соответствии с правилами греческой орфографии. Этим правилам имена собственные подчиняются и в современных богослужебных книгах. Можно было предположить, что точно так же имена собственные будут писаться и на иконах (гравированных и писанных), когда эти имена сопровождают изображения святых. Но это не так. Ни в народной гравюре, ни на иконах орфография имен собственных не подчиняется книжным правилам. Так, греческие по происхождению буквы (такие как ξ , ψ и ν) могут меняться на *кс*, *пс*, *и* или *в*. Буквы *ф* и *ѳ* смешиваются, и их правописание не зависит от этимологии, точно так же смешиваются славянские по происхождению *ѣ* и *е*. Эти орфографические особенности характерны и для надписей на иконах, и для подписей к гравированным изображениям святых. Таким образом, имя собственное в лубочной традиции и на иконах не подчиняется церковнославянской орфографической норме. Такое правописание можно соотнести с рукописной практикой XVII века, которая отчасти сохранялась и в последующее время. Достаточно свободной орфография оставалась в рукописных текстах в XVIII и даже в первой половине XIX века. Икона и лубок в этом отношении подобны письмам и личным документам XVIII в. Орфографические правила, используемые

при печатании богослужебных книг, вне поля деятельности профессиональных справщиков не работали.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: орфография, церковнославянский язык, лубок, народная письменность, имя собственное, надписи на иконах, исправление богослужебных книг

для цитирования: Плетнева А. А. Подписи к изображениям святых: орфография имен собственных // Русская речь. 2021. № 5. С. 95–107. DOI: 10.31857/S013161170017242-5.

From the History of the Russian Language

Captions to Images of Saints: Spelling of Proper Nouns

Aleksandra A. Pletneva, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences),
apletneva@list.ru

ABSTRACT: The article deals with the spelling of proper nouns on popular engravings (*lubok*, *pl. lubki*) and on icons of the 17th–19th centuries. In the 17th century, as a result of the editing of church books, the spelling of proper nouns was normalized in accordance with the Greek orthography. Proper nouns are also subject to these rules in modern liturgical books. One could assume that proper nouns would be spelled in the exact same way on icons (engraved and painted) where such nouns accompany the images of saints. However, this is not true. The spelling of proper nouns obeys book rules neither on popular engravings, nor on icons. Thus, letters of Greek origin (such as *ξ*, *ψ*, *ν*) may be changed to *кс* /*ks*/, *нс* /*ps*/, *и* /*i*/ or *в* /*v*/. The letters *φ* and *θ* are used interchangeably, their spelling does not depend on etymology, as is also the case with *ѣ* and *е*, which are Slavic in origin. Such spelling features are also characteristic of both inscriptions on icons and captions to engraved images of saints. Therefore, in *lubok* tradition and on icons, proper nouns are not in compliance with the Church Slavonic orthographic norm. Such spelling can be correlated with the handwritten practice of the 17th century, which was partly preserved in subsequent times. The

orthography remained quite liberal in handwritten texts of the 18th century and even in those of the first half of the 19th century. In this regard, icons and lubki are similar to letters and personal documents of the 18th century. The spelling rules used in the printing of liturgical books were only used by professional proofreaders and editors.

KEYWORDS: orthography, Church Slavonic, lubok, popular writing, proper noun, inscriptions on icons, correction of service books

FOR CITATION: Pletneva A. A. Captions to Images of Saints: Spelling of Proper Nouns. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 5. Pp. 95–107. DOI: 10.31857/S013161170017242-5.

В XVII в. в результате справ, призванных определенным образом унифицировать богослужебные книги¹, исправлению подверглись имена собственные. Теперь их правописание стало определяться правописанием греческого имени. Имя собственное при этом подчинялось характерным для церковнославянской книжности общим правилам правописания грецизмов. Греческой букве *ι* (а также дифтонгу *ει*) соответствовала славянская *ї, η — и, υ — в* (ижица, читающаяся как [v] или как [i] в зависимости от позиции в слове), *φ — ф, θ — θ, ζ — ж, ψ — ψ*. Собственно говоря, тенденция правописания грецизмов с оглядкой на греческую орфографию существовала еще со времени второго южнославянского влияния, но в XVII в. тенденция превратилась в правило, обязательное для богослужебных книг². Правописание имен собственных, ориентированное на греческую орфографию, закрепилось в церковных книгах и дошло до XX в. в неизменном виде³. Осознавалось ли вне сообщества профессиональных книжных справщиков, что имя собственное имеет фиксированную орфографию? Это и есть вопрос, на который отвечает данная статья.

Материалом, к которому мы обратимся, будут лубочные листы с изображением святых и поздние иконы (XVII–XX вв.). Наш основной источник — это издание Д. А. Ровинского «Русские народные картинки»

¹ О лингвистических аспектах книжной справы XVII в. см. [Успенский 2002: 411–512].

² О принципе транслитерации греческих лексем как об одном из принципов церковнославянской орфографии см. [Кусмауль 2019: 136–138].

³ См., например, список имен в справочной книге по церковнославянской орфографии [Соколов 1907: 29–39].

[Ровинский 1881], где помещены изображения святых и тексты, им посвященные⁴. Однако лубочные изображения святых сами по себе вторичны. В основе существенной части лубочных изображений святых лежат произведения иконописи, которые автор лубка воспроизводит в технике гравюры. Поэтому мы можем рассматривать в одном ряду изображения святых на иконах и народных гравюрах. В связи с этим мы привлекаем второй источник — это приложение к Службным минеям (выпущенным Московской патриархией в 1977–1988 гг.), в котором воспроизводятся иконы святых и праздников⁵.

Лубочные листы с изображением святых интересны нам прежде всего потому, что они имели большие тиражи и широкое распространение, т. е. были массовой продукцией [Плетнева 2013: 25–28]. Эти гравюры разносились офенями по всей стране и продавались на сельских ярмарках, наряду с лубками развлекательного или поучительного характера. Функционально эти картинки близки к иконам (их нередко называют «лубочными иконами»), но не тождественны им. Главным отличием лубочных икон от икон, написанных на дереве, является то, что здесь содержится значительно больше различного текстового материала. Здесь может находиться тропарь, кондак и молитва святому, краткое житие святого, иногда сокращенное буквально до двух-трех фраз. В гравюрах первой половины XVIII в. изображение часто сопровождалось виршевыми стихами. В деревянных иконах значительные по объему текстовые вкрапления тоже могли встречаться, однако в гравюрах текст, безусловно, занимает гораздо больше места. Мы не будем здесь касаться вопроса о том, насколько часто гравированные иконы использовались именно в качестве икон, а не украшающих стену картинок, отметим только, что гравированные изображения святых могли продаваться вместе с иконами, написанными на деревянных досках. Для нашей темы существенно лишь то, что, как мы увидим дальше, и здесь и там орфография имен собственных одинакова и серьезно отличается от орфографии церковных книг.

⁴ Следует иметь в виду, что в издании Д. А. Ровинского орфография серьезно упрощалась, поэтому мы обращались не к наборным томам, а к альбомам, содержащим факсимильное воспроизведение лубочных картинок.

⁵ Приложение к изданию Службных миней является для нас совершенно уникальным источником. Составители этого приложения стремились найти иконы тех святых, службы которым помещены в каждом из 24 томов. В поисках изображений, некоторые из которых встречаются очень редко, они обращались к иконам, принадлежащим разным школам, традициям и эпохам. Но преобладают здесь иконы XVII–XX вв. Поскольку задачей составителей было собрать изображения святых (а также соборов святых и чудотворных икон, которым установлены праздники), это приложение дает исследователю достаточно представительный корпус написаний имен. Приведенные в настоящей статье датировки икон также заимствуются из этого издания.

Наши материалы не ограничиваются гравированными и иконописными изображениями святых. Дело в том, что существенной разницы в правописании имен собственных на лубочных иконах и в остальном массиве лубочных текстов нет, поэтому мы имеем полное право для полноты отражения материала иногда привлекать и другие лубочные тексты, где присутствуют имена собственные в их каноническом виде⁶.

В первую очередь, нас интересуют те имена, где возможно вариативное написание за счет дублетных букв. Ведь именно эти случаи попадали в богослужебных книгах под орфографическую регламентацию в соответствии с общим правилом правописания грецизмов. В данной статье мы не будем рассматривать особенности постановки диакритики в лубках и иконах, а сосредоточимся лишь на написании букв. Поэтому при цитировании мы не будем воспроизводить встретившиеся нам в лубках и иконах диакритические знаки, отметим лишь, что они встречаются редко, а если и встречаются, то часто неверно бывает выбран вид знака и даже место постановки.

Чтобы представить себе степень вариативности в написании канонических имен, рассмотрим варианты написания имени Иосиф. Нормативное церковнославянское правописание — Іѡсѣфъ в соответствии с греч. Ἰωσήφ. В этом имени возможны вариации в правописании букв *u/i*, *o/w*, *o/f*. То есть потенциально нестабильны все буквы, кроме *с*. В лубочных текстах нам встретились следующие варианты этого имени: Ивсиоѡ, Иосиоѡ, Ивсифъ, Иосифъ, Юсифъ. На иконах мы нашли написания Юсифъ (сер. XIX в.), Ивсиоѡ (XX в.). Мы видим, что церковнославянские дублетные буквы здесь взаимозаменяемы.

Написание имени Иосиф не единственный пример. Появление *и* вместо *ї* и *ї* вместо *и* встречается в таких именах, как Васїлїи (Βασίλειος), Нїквнъ (Νίκων), Димїтрїи (Δημήτριος), Фїлїппъ (Φίλλπος), Мїхайль (Μιχαήλ) и др. На лубочных иконах мы встречаем написания Васїлїи, Васїлїи, и Василїи, Никонъ, Димїтрїи и Димитрїи, Филипъ, Михаилъ и др. (см. рис. 1). Аналогичные примеры находим и на обычных иконах XVII–XIX в. Имя Іѡаннъ (Ἰωάννης) записывается как Іѡаннъ (XVII в.), Юаннъ (XVIII в.) и Иоаннъ (XIX в.). Имя Іѡна (Ἰωνᾶς) — как Иона (XIX в.) и Иона (XIX в.). Димїтрїи — как Димитрїи (XVIII в.). Причем надо отметить, что более частая замена — это замена *ї* на *и*. Так, церковнославянское имя Тїтъ (Τίτος)

⁶ Канонические формы имен встречаются в лубочной письменности не только на лубочных иконах, но и в библейских картинках и наименованиях царственных особ. Если лица, принадлежащие царскому дому, названы именем в его каноническом варианте, то другие исторические деятели обычно названы обиходными (разговорными) вариантами имен: не Феодор, а Федор, не Иосиф, а Осип и т. д.

Рис. 1. Святитель
Иннокентий
Иркутский.
Икона начала XIX в.
Собрание Музея
русской иконы

Fig. 1. Saint Innocent
of Irkutsk.
The early 19th century icon.
Collection
of the Museum
of the Russian Icon

Рис. 2. Зосима
и Савватий Соловецкие.
Лубочная икона.
Воспроизводится
по Атласу
Д. А. Ровинского

Fig. 2. Zosima
and Savvaty of Solovki.
Popular icon.
Reproduced
from the Atlas
of D. A. Rovinsky

на иконе XIX в. записывается как Тить. Имена Міхэй (Μιχαῖος), Нікіта (Νικήτας), Нікіфоръ (Νικηφόρος) — как Михей (XIX в.), Никита (XVII в.), Никифоръ (XIX в.) и др.

В именах собственных, читающихся на лубочных иконах, *и*, как правило, меняется на *о* (рис. 1). Здесь находим такие написания, как Θεодоръ вместо Θεόδωρ (Θεόδωρος), Зосима вместо Ζωσίμα (Ζωσιμάς), Никонъ вместо Нікωνъ (Νίκων) (рис. 2, 3). Случаи сохранения *и* и замена *о* на *и* единичны, например, Рѡманъ (Ρωμανός) и Θεωдоръ вместо Θεόδωρ. Такая же картина обнаруживается и в подписях к иконам. Омега здесь меняется на *о*: Георгии (XVII в.) вместо Γεώργιῃ (Γεώργιος), Зосима (XVII в.), Иоаннъ (XIX в.) вместо Ιωάννῃ (Ἰωάννης), Иосифъ (сер. XIX в.) вместо Ιώσιφ (Ἰωσήφ), Иона (XIX в.) и Иона (XIX в.) вместо Ιώνα (Ἰωνάς), Спиридонъ (нач. XX в.) вместо Σπυρίδωνῃ (Σπυρίδων), Тіхонъ (XVII в.) вместо Τύχωνῃ (Τύχων) (рис. 4) и др.

Мена *φ* на *ѳ* встречается в имени Хрістофоръ (Χριστόφορος). На лубочной иконе встречаем написание Христоворъ (рис. 5). В именах Θεόδωρ (Θεόδωρος) и Θεοδόσιῃ (Θεοδόσιος) *ѳ* стоит на месте. Однако среди надписей на обычных иконах наряду с написаниями Θεодωρ (XIX в.) и Θεодоръ (XIX в.) находим Феодор (XIX в.) с буквой «ферт» и без «ера» на конце.

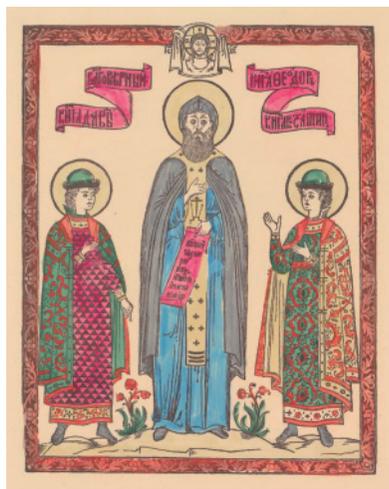

Рис. 3. Ярославские князья Феодор, Давид и Константин. Лубочная икона. Воспроизводится по Атласу Д. А. Ровинского

Fig. 3. Yaroslavl princes Theodore, David and Constantine. Popular icon. Reproduced from the Atlas of D. A. Rovinsky

Рис. 4. Святитель Тихон Задонский. Икона второй половины XIX в. Собрание Музея русской иконы

Fig. 4. Saint Tikhon of Zadonsk. The second half of the 19th century icon. Collection of the Museum of the Russian Icon

Ө меняется на ф также в написании имени Евѡмїи (Εὐθύμιος), которое на иконе записывается как Евфѡмїи (XIX в.). Обратная мена ф на ө появляется на иконе XVII в. в имени Еѡросїниа (вместо Евфросїниа, греч. Εὐφροσύνη).

Церковнославянская буква ѣ в именах греческого происхождения может записываться как кс и как ѣ. Имя Маѣимъ (Μαΐμιος) в лубочных иконах зафиксировано как в варианте Маѣимъ, так и Максїмъ (рис. 6). Буква ѣ встречается также в именах Алеѣандръ (Αλέξανδρος) и Алеѣїи (Αλέξιος). Нам встретились следующие написания: Алеѣїи и Алеѣеи, Екатерина Алексїевна, Екатерина Алексѣевна, Петр Алеѣевич, Алеѣандръ, Александра Павловна, Александръ Павловичъ. В подписях к иконам мы встречаем Алеѣандръ (конец XVII в.), Алеѣеи (XVIII в.), но Александра (XIX в.).

Правописание имен с ижицей периодически нарушается. В лубочных текстах Евтѣхъ (Εὐτύχης) пишется как Евтихъ, Пáвель (Πάυλος) — как Павель, Александръ Павловичъ (но Павель Петровичъ). На рассмотренных нами иконах также находим написания Павель (XIX в.) и Евдокїа (XVII в.), вместо Евдокїа (Εὐδοκία). На иконах встретился и пропуск

Рис. 5. Мученик Христофор. Лубочная икона. Воспроизводится по Атласу Д. А. Ровинского

Fig. 5. St. Christopher, Martyr. Popular icon. Reproduced from the Atlas of D. A. Rovinsky

Рис. 6. Василий и Максим блаженные. Лубочная икона. Воспроизводится по Атласу Д. А. Ровинского

Fig. 6. Vasily and Maxim the Blessed. Popular icon. Reproduced from the Atlas of D. A. Rovinsky

ижицы: Ефросинъ вместо Евфросѣнъ (Εὐφρόσυνος) и Еѳросиниа вместо Евфросѣнѣи (Εὐφροσύνη) (оба примера — на иконах XVII в.). Здесь мы также находим написания, где *v* меняется на *u*: Имя Спѳрѳдѳнъ (Σπυρίδων) записывается как Спиридонъ (нач. XX в.), Тѳххнъ (Τύχων) — как Тѳхонъ (XVII в.), Трѳѳнъ (Τρύφων) — как Трифонъ (XIX в.), Дѳонѳсѳй (Διονύσιος) — как Дѳонисѳй (нач. XVIII в.) и др.

Что касается написания *й*, то в лубочных текстах эта буква встречается нечасто (рис. 4). Не являются исключением и имена собственные. Вместо *й* пишется *и*: Савелѳи, Василѳи, Димѳтрѳи. В подписях к иконам также находим ряд написаний, где вместо конечного *й* стоит *и* без знака краткости. Для ряда имен здесь мы видим вариантное написание: Ѳеодосѳй (нач. XVIII в.) и Ѳеодѳси (XVIII в.), Арсени (XVII в.) и Арсениѳ (сер. XIX в.). Без конечного *й* краткого на иконах также пишутся имена Дѳонѳсѳи (нач. XVIII в.), Георгии (XVII в.), Геннадѳи (XIX в.), Антонѳи (XVII в.). Отсутствие буквы *й* на иконах XVII–XIX вв. противопоставляет орфографию надписей на иконах и лубках и стандартную книжную орфографию. В богослужебных книгах *й* появляется уже с 20-х годов XVII в., а в 40-е годы ее правописание становится повсеместным [Кусмауль 2018: 257–260].

Рис. 7. Блаженный Исидор Ростовский. Лубочная икона. Воспроизводится по Атласу Д. А. Ровинского

Fig. 7. Blessed Isidor of Rostov. Popular icon. Reproduced from the Atlas of D. A. Rovinsky

Что касается написаний канонических имен в русской огласовке (речь идет о случаях, когда имена оканчиваются не на *-ий*, а на *-ей*), то в лубках мы обнаруживаем написания Алеџеи, Сергеи и др. (рис. 2). Аналогичные формы мы обнаруживаем и среди иконных надписей. Так, на иконах XVII–XVIII вв. находим такие написания, как Алеџеи (XVIII в.), Прокопеи (XVII в.), Григорей (XVII в.), Власей (XVII в.), Арсенеи (XVII в.)⁷.

Имена святых князей Давидъ и Квнстантинъ на лубочных иконах имеют обиходные формы Давыдъ и Костянтинъ (рис. 3). Также имя Исидвръ записывается как Сидоръ (рис. 7).

Для лубочной письменности характерны как фонетические, так и гиперкорректные написания. В именах собственных нам не встретились фонетические написания, но встретилось гиперкорректное написание имени Лазарь. В притче о богатом и убогом находим как варианты Лазарь, Лазарь, так и Лазорь, Лазори. В просмотренных нами надписях на иконах мы нашли также гиперкорректное написание Никоноръ (XVII в.) вместо Никанѳръ.

Любопытно, что орфография имени может варьироваться даже в пределах одного лубочного текста. Так, в гравированной Библии Василия Кореня имя одного из сыновей Адама и Евы пишется как Авель и как Авѣль [Сакович 1983: 16]. В лубочном житии Иосифа Прекрасного⁸ встречаются

⁷ Эти написания показывают также окказиональность буквы *й*.

⁸ В издании «Русских народных картинок» Ровинского имеет номер 829. С лингвистическими комментариями опубликован в [Плетнева 2013: 197–214].

написания Ивсиѡъ и Иосифъ в пределах двух соседних строк. В житии Иосифа Прекрасного и завещании Иакова — другом лубочном тексте аналогичного содержания⁹ — в пределах одного листа встречаются написания Ивсиѡъ, Иосифъ и Иосифъ¹⁰.

На основании подобных примеров можно сделать вывод, что имена собственные в лубочной традиции не имеют стандартного орфографического облика. Их правописание вариативно и находится в русле общих орфографических тенденций лубочной письменности [Плетнева 2013: 106–109]. Дублетные буквы, имеющие строгое распределение в богослужебных книгах, здесь являются вариантами, правил употребления которых не существует. Сюда относятся не только пары, исторически связанные с греческим алфавитом, такие как *o/w*, *i/u*, *v/u*, *v/v*, *o/f*, *z/kc*, *ψ/nc*, *s/z*, но и пара *e/ъ*¹¹. Для лубочной орфографии характерны фонетические и гиперкорректные написания. Гиперкорректные написания нам встретились и в именах собственных. Для лубочной письменности характерно отсутствие знака краткости над *и*, то есть вместо *й* пишется *и*. В правописании имен собственных также отмечается эта черта.

Все то же самое можно сказать и о поздней иконе. В ней орфография имени не соответствует тем правилам, которые зафиксированы в пособиях по церковнославянской орфографии. В именах собственных варьируются дублетные буквы, появляются единичные гиперкорректные написания, отсутствует буква *й*. Надо отметить, что особая орфография на иконах не является новшеством XVII–XIX вв. В работе М. Г. Гальченко «Надписи на древнерусских иконах XII–XV вв.» отмечается, что среди надписей преобладают те, которые связаны не со стандартной церковнославянской, а с бытовой орфографией¹². То есть на иконах находим смешение букв *ъ/o*, *ь/e*, *ъ/e*, *ъ/ь*. Для Новгородских икон характерно также смешение *ъ/u* [Гальченко 1997: 28–39]. То есть орфография надписей на ранних иконах более напоминает орфографию берестяных грамот, чем орфографию богослужебных книг. Очевидно, что в надписях на поздних иконах проявляется сходная тенденция. Они не ориентированы на стан-

⁹ В издании «Русских народных картинок» Ровинского имеет номер 832. С лингвистическими комментариями опубликован в [Плетнева 2013: 215–235].

¹⁰ Свободная вариативность дублетных букв встречается не только в церковнославянских контекстах. Так, в гравированном Брюсовом календаре имя его создателя пишется то с *а* йотированным, то с малым юсом: *Аковъ* или *Аковъ*, а отчество — *Вілимовічь* или *Вилимовичъ*.

¹¹ Следует отметить, что вариативность в написании букв *i/u*, *e/ъ*, *o/f*, которые входили в русский дореформенный алфавит, была характерна и для лубков, ориентированных на русский язык и русскую (не церковнославянскую) орфографию. Об орфографических особенностях лубков, ориентированных на русскую гражданскую орфографию, см. [Плетнева 2013: 106–110].

¹² О бытовой орфографии см. [Зализняк 1995: 19–25].

дартную орфографию церковных книг, а следуют практике, характерной для рукописной традиции XVII–XVIII в.¹³

Все вышесказанное отсылает нас к проблеме разведения орфографических практик печатного и рукописного текста. Этой проблеме много места уделено в монографии Б. И. Осипова «Судьбы русского письма». Он констатирует, что рукописные практики XVIII–XIX вв. не подчиняются орфографическим нормам эпохи. Надписи на иконах по понятным причинам принадлежат рукописной традиции. Но и лубок, который является тиражируемым текстом, оказывался в одном ряду с рукописями¹⁴.

В послепетровской России орфографические системы письменных и печатных текстов заметно отличались друг от друга. Если печатные тексты подчинялись строгим и во многом искусственным орфографическим правилам, то рукописная орфография опиралась на традиции XVII века, сохраняя свободу и вариативность написания. Б. И. Осипов отмечает, что даже образованные люди в личных письмах допускали значительные отступления от орфографической нормы. Орфография частных писем в XVIII в. оставалась нерегулярной и во многом архаичной. Так, в письмах Ломоносова встречаются титла и выносные буквы. У Кантемира и Крылова так же, как в текстах предшествующей эпохи, предлоги и союзы часто пишутся слитно с последующим словом, а постпозитивные частицы — с предыдущим [Осипов 2010: 184].

Подводя итоги, можно сказать, что правописание имени собственного в лубках и иконе устроено одинаково. Стандартное правописание, характерное для богослужебных книг, здесь отсутствует. Орфография имени собственного соответствует общим тенденциям, характерным для рукописных практик. Орфографические строгости, характерные для культурного мышления XIX в.¹⁵, никоим образом не затронули области подписей к изображению. Икона с неграмотными надписями, очевидно, не становилась менее почитаемой. Сконструированные книжниками правила правописания грецизмов вне книжных рамок не работали, они оставались

¹³ Люди, знакомые с книжной традицией, периодически обращают внимание на надписи на иконах и квалифицируют их как грубые ошибки. Характерной в этом отношении является запись в Фейсбуке игумена Силуана (Туманова), переводчика богослужебных текстов и церковного композитора: «Вы тоже заметили, что даже на иконах имя Але́ксáндрь, Але́ксѣй, Же́нѣа и т. п. всё чаще сейчас пишут с ошибкой, без ѣ (кс) — Алексáндрь, Алексѣй, Ксенѣя? Печально. При этом рассуждаем о важности сохранения церковнославянского наследия. Впрочем, а когда люди были последовательными?» (запись от 11 мая 2021 года).

¹⁴ Это хорошо видно на материале лубочных перепечаток газет. Исходный газетный текст воспроизводится без каких бы то ни было изменений, но орфография полностью меняется. Об этом подробнее см. в [Плетнева 2016: 212–218].

¹⁵ Об этом подробнее см. в [Осипов 2010: 195–197].

лишь в пределах богослужебных книг, т. е. ими пользовались лишь книжные справщики. Икона и лубочные изображения святых в компетенцию книжных справщиков не входили. Здесь работало неписаное правило: в определенном месте должно быть грамотное написание, а в другом оно необязательно.

Источники

Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Т. III. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1881.

Соколов Д. Д. Справочная книжка по церковнославянскому правописанию. СПб.: Редакция журнала «Народное образование», 1907. 40 с.

Литература

- Гальченко М. Г.* Надписи на древнерусских иконах XII–XV вв. М.: Наука, 1997. 167 с.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры, 1995. 720 с.
- Кусмауль С. М.* Становление орфографических норм церковнославянского языка во второй половине XVI – первой половине XVII в.: дисс. ... канд. фил. наук. М., 2018. 321 с.
- Кусмауль С. М.* Формирование принципов церковнославянской орфографии в XVII в. // Русский язык в научном освещении. 2019. № 2 (38). С. 121–148.
- Осипов Б. И.* Судьбы русского письма. Москва; Омск: Омский науч. вестник, 2010. 319 с.
- Плетнева А. А.* Лубочная библия. Язык и текст. М.: Языки славянской культуры, 2013. 392 с.
- Плетнева А. А.* Лубочные перепечатки газет: к вопросу об орфографическом единстве лубочной письменности // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 206–226.
- Сакович А. Г.* Народная гравированная книга Василия Кореня, 1692–1696. М.: Искусство, 1983. Приложение: Библия Василия Кореня, 1692–1696, из Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (V 4.2). 81 с.
- Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.

References

- Gal'chenko M. G. *Nadpisi na drevnerusskikh ikonakh XII–XV vv.* [Inscriptions on ancient Russian icons 12th–15th centuries]. Moscow, Nauka Publ. 1997. 167 p.
- Kusmaul' S. M. *Stanovlenie orfograficheskikh norm tserkovnoslavjanskogo yazyka vo vtoroi polovine XVI – pervoi polovine XVII v.:* diss. kand. fil. nauk [The formation of orthographic

- norms of the Church Slavonic language in the second half of the 16th – first half of the 17th century]. Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2018. 321 p.
- Kusmaul' S. M. [Formation of the principles of Church Slavonic spelling in the 17th century]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2019, no. 2 (38), pp. 121–148. (In Russ.)
- Osipov B. I. *Sud'by russkogo pis'ma* [The fate of Russian writing]. Moscow, Omsk, Omskii Nauchnyi Vestnik Publ., 1995. 319 p.
- Pletneva A. A. *Lubochnaya bibliya. Yazyk i tekst* [Engraved Bible (lubok). Language and text]. Moscow, Yazyki Slavyanskoj Kul'tury Publ., 2013. 392 p. (In Russ.)
- Pletneva A. A. [Cheap popular reprints of newspaper texts (lubok): addressing orthographic consistency of lubok]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2016, no. 2 (32), pp. 206–226. (In Russ.)
- Sakovich A. G. *Narodnaya gravirovannaya kniga Vasiliya Korenya 1692–1696* [Folk engraved book by Vasily Koren, 1692–1696]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1983. 81 p.
- Uspenskii B. A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* [History of the Russian literary language (11th–17th centuries)]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002. 558 p.
- Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [The Ancient Novgorod dialect]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1995. 720 p.

Дискурсивные слова и частицы в авторском переводе

Максим Евгеньевич Мошков, Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва), m.moshkov@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170017243-6

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена исследованию дискурсивных слов на материале английского текста романа В. Набокова «Лолита» и его авторского перевода на русский язык. Данный текст представляет для нас особый исследовательский интерес, поскольку для Набокова оба языка были родными и он сам являлся и автором, и переводчиком. Этот факт позволит нам нагляднее рассмотреть проблему появления при переводе дискурсивных слов и частиц, поскольку для русского текста характерно использование не имеющих соответствий в английском тексте дискурсивных единиц и переводчик нередко сам включает новые дискурсивные слова.

В статье излагаются результаты сплошного сопоставительного анализа текста романа В. Набокова «Лолита» и его авторского перевода на русский язык на предмет дискурсивных единиц, которые появились в русском переводе «Лолиты» без соответствий в английском тексте. Последующий анализ английского контекста, побудившего Набокова ввести новую дискурсивную единицу в русский текст, позволил прийти к определенным выводам о семантике русских дискурсивных единиц и о русской языковой культуре в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурсивные слова, авторский перевод, В. Набоков, разговорная лексика, лингвоспецифичные слова, эквивалентные единицы
для цитирования: Мошков М. Е. Дискурсивные слова и частицы в авторском переводе // Русская речь. 2021. № 5. С. 108–117. DOI: 10.31857/S013161170017243-6.

The Language of Fiction

Discursive Words and Particles in the Author's Translation

Maxim E. Moshkov, Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow),
m.moshkov@mail.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the study of discursive words based on the comparative analysis of the English text of V. Nabokov's novel "Lolita" and its translation into Russian provided by the author himself. This text is of particular interest for us since Nabokov was a native speaker of both languages. This fact enables us to consider the difference in the usage of discursive words and particles, in Russian and English and the conditions for their use in either language, since in Russian there are discursive units that have no correspondences in the English text, and the translator himself often includes new discursive words.

We conducted a comprehensive comparative analysis of the text of V. Nabokov's novel "Lolita" and the author's translation into Russian, which resulted in a list of discursive units that appeared in Russian translation of "Lolita" while having no equivalents in the English text. The analysis of the English context, which forced Nabokov to introduce a discursive unit into the Russian translation, enabled us to make some conclusions about the semantics of Russian discursive units and about Russian language culture.

KEYWORDS: discursive words, author's translation, V. Nabokov, conversational style, language-specific words, equivalents

FOR CITATION: Moshkov M. E. Discursive Words and Particles in the Author's Translation. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 5. Pp. 108–117. DOI: 10.31857/S013161170017243-6.

1. Дискурсивные слова как отдельная область лингвистики стали исследоваться сравнительно недавно. Это единицы особого типа, которые в более широком и менее точном значении называются «служебными словами». Они способствуют связному построению текста и отражают процесс взаимодействия между говорящим и слушающим, выражают оценку сказанного самим говорящим, пресуппозицию, мнение и другую экстралингвистическую информацию. Вне широкого контекста эти единицы теряют семантическую насыщенность.

Термин «дискурсивные слова» подчеркивает именно семантические, а не синтаксические характеристики лексем, поэтому к их числу нельзя отнести целый ряд служебных слов, к примеру, пространственные и временные предлоги. При этом дискурсивные единицы могут быть обнаружены и среди других частей речи: частиц, наречий, союзов, а также словосочетаний и выражений [Викторова 2014: 10].

Большинство дискурсивных слов русского языка обладает рядом общих морфологических и синтаксических признаков: неизменяемость, неспособность быть ядром синтаксической группы, синтаксическая функция союза, возможность иметь синтаксические связи и с именной, и с глагольной группой. В случае с дискурсивными единицами мы, по большому счету, имеем дело с пластом разговорной лексики, с лингвоспецифичными «словами-паразитами», имеющими важную коммуникативную и прагматическую нагрузку.

2. Дискурсивные слова представляют проблему для переводчика, поскольку они не обладают денотатом и часто оказываются непереводаемыми из-за отсутствия точного эквивалента в другом языке. Например, лингвоспецифичная частица *авось* выражает специфический для русской культуры смысл, а именно надежду на благоприятный исход вопреки объективным обстоятельствам, и ориентирована всегда на будущее. Частичным эквивалентом при переводе на английский язык служит слово *perhaps*, выражающее гипотезу относительно будущего, настоящего или прошлого, однако не передающее специфический смысл оригинала [Шмелев 2019: 310].

Переводчику нужны особая чуткость и талант, чтобы выявить и грамотно передать, используя возможности родного языка, как можно больше семантических и прагматических признаков текста, учитывая при этом и случаи прагматической обязательности дискурсивной единицы.

Нас интересует добавление переводчиком в текст дискурсивных единиц, отсутствующих в тексте оригинала. При добавлении возможны два варианта: либо новая единица вводит в высказывание новый смысл, либо

с помощью новой единицы переводится элемент смысла, который уже существовал в исходном тексте, однако имел иное выражение.

3. При работе над русским переводом «Лолиты» Набоков столкнулся с языковыми трудностями — фонетическими и лексическими различиями языков, т. е. с проблемой взаимной переводимости: «Телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливчатые оттенки природы, все нежно-человеческое (как ни странно!), а также все мужицкое, грубое, сочно-похабное, выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговоренности, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями, роение односложных эпитетов — все это, а также все относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и противоестественным страстям — становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле стиля и ритма» [Набоков 1998].

Русский язык располагает множеством дискурсивных слов, которые при умелом переводе способствуют смысловому развитию и экспликации скрытого смысла. Для перевода с английского языка на русский характерно введение новых единиц, а те, в свою очередь, вводят в высказывание новый эксплицитный смысл.

4. Из внушительного списка дискурсивных единиц без соответствий, обнаруженных нами в русском тексте «Лолиты», рассмотрим наиболее интересные с переводческой точки зрения случаи.

She approved of my child's "nice blue eyes" (**blue! Lolita!**) and of my own friendship with that "French genius" (**a genius! Gaston!**).

Она выразила одобрение по поводу «милых голубых глазок» моей дочки (это у Лолиты-**mo** голубые глазки!) и моей дружбы с «нашим гениальным французом» (это Гастон-**mo** — гений!).

Начальница школы мисс Пратт пытается за счет комплиментов расположить к себе отчима Лолиты, Гумберта, однако, с его точки зрения, ее утверждения не соответствуют действительности, и он мысленно высмеивает ее наивность.

В данном случае в английском тексте менее явно присутствует тот же смысл, который в русском раскрывает частица *-mo*: эмоциональное выделение Гумбертом несоответствия между персонажем и данной ему характеристикой. Набоков на английском выражает это через парцелляцию, экспрессивный синтаксис, однако автору словно не хватает

инвентаря английского языка для полного выражения эмоции. С точки зрения устной речи в подобной английской конструкции иное, чем в русской, интонирование, где в равной степени выделяются и персонаж, и несоответствующая ему характеристика, в то время как в русском более сильный акцент делается именно на персонаже. При этом буквальный перевод *blue! Lolita! (Голубые! Лолита!)* на русском звучит едва ли не бессмысленно, поскольку без частицы *-то*, актуализирующей и выделяющей ранее сообщенную информацию, становится сложнее выстроить логическую связь.

Весьма интересный случай мы обнаруживаем в песенке Гумберта, слова которой он забыл и едва ли вообще хорошо знал.

O my Carmen, my little Carmen!
Something, something those something nights,
And the stars, and the cars, and the bars and the barmen —
And, O my charmin', our dreadful fights.

And the **something** town where so gaily, arm in
Arm, we went, and our final row,
And the gun I killed you with, O my Carmen,
The gun I am holding now.

О Кармен, Карменситочка, вспомни-ка **там**
Таратам — таратунные струи фонтана,
И гитары, и бары, и фары, тратам,
И твои все измены, гитана!

И **там** город в огнях, где с тобой я бродил,
И последнюю ссору тарам — таратую,
И ту пулю, которой тебя я убил,
Кольт, который — траторы — держу я...

В ней мы обнаруживаем две дейктические единицы *там*, которые могут выполнять сразу несколько функций.

А. А. Рачёва выделяет пять основных дискурсивных функций *там*: 1) маркирование неизвестности или неопределенности, 2) маркирование того, что речь идет о каких-то общих положениях, иллюстрация озвученного ранее положения, 3) маркирование отчуждения или отрицательной оценки ситуации, 4) маркирование затруднения, 5) несущественной детали [Рачёва 2018: 257–272].

В обоих случаях *там* маркирует затруднение, будучи своего рода hesitantom: конец первой строчки переходит во вторую, которая начинается

со звукоподражания-хезитатива *таратам*. Там в этом контексте тоже обладает функцией звукоподражания, но при этом сохраняет привычный вид маркера затруднения, то есть Гумберт пытается вспомнить, что петь дальше, а потом уходит в заумь. В английском же тексте повторяется *something*, то есть просто хезитатив.

Во втором случае *там* оставляет еще больший простор для интерпретаций, особенно если не ориентироваться на английский текст, где снова употребляется просто слово *something*, в то время как слово *там* может выполнять функцию и звукоподражания, и обозначения пространства, и хезитации-затруднения, и отчуждения.

В следующем отрывке Гумберт объясняет своей новой супруге, что он тоже имеет право принимать семейные решения.

When you decorate your home, I do not interfere with your schemes. When you decide — **when** you decide all kinds of matters, I may be in complete, or in partial, let us say, disagreement — but I say nothing.

Когда ты декорируешь свой дом, я не мешаю твоим затеям. Когда ты решаешь — **ну**, решаешь всякие **там** вещи, я могу быть против, совершенно против — или скажем, отчасти; но я молчу.

В русском переводе появляется частица *ну*. В «Толковом словаре русской разговорной речи» выделяется несколько дискурсивных функций этой единицы: 1) указание на статус какого-л. фрагмента речи или текста — начало нового сообщения, рассказа, 2) подчеркивание слова или высказывания, 3) указание на уточнение, пояснение, сделанное попутно в ходе рассказа, 4) выражение вынужденного согласия, допущения, 5) указание на приблизительный характер информации, на колебания говорящего, 6) возражение, указание на нежелание говорящего следовать совету, 7) мягкое возражение (возможно, с оттенком недоверия), 8) маркирование уступки [Крысин (ред.) 2017: 601–604]¹.

В данном случае частица *ну* маркирует уточнение, сделанное в ходе речи, а также указывает на допущение, вынужденное согласие с инициативами супруги. Кроме того, *ну* обладает хезитативной функцией, которая более наглядно выражена в английском тексте, где идет повторение *when you decide*, показывающее, что Гумберт пытается подобрать пример. В русском переводе Набоков не стал повторять довольно длинную фразу *когда ты решаешь*, что звучало бы неестественно для русской разговорной речи, а вводит дискурсивную частицу *ну*. Помимо этого, в переводе возникает единица *там*, которая, как и в предыдущем примере, маркирует затруднение. Однако, исходя из контекста, мы можем предположить

¹ Автором этой словарной статьи является Н. Н. Розанова.

и другие дискурсивные функции этой единицы. Например, маркирование экземплификации: Гумберт использует *там* для иллюстрации и дополнения озвученного ранее положения *когда ты решаешь*. При этом Гумберт говорит в несколько раздраженном тоне, выказывает жене свое недовольство, соответственно, единица *там* может обладать функцией отчуждения и отрицательной оценки: Гумберт подчеркивает, что ему не очень-то близки и интересны упомянутые решения жены.

Некоторые диалоги в русском переводе стали значительно более насыщенными дискурсивными словами:

Yep. That's all. **No** wait a sec. We baked in a reflector oven. **Isn't that** terrific?

Да, все. **Впрочем**, погоди-ка. **Вот еще что**: мы пекли пироги на солнечной плите с рефлектором. Как интересно, **правда**?

Здесь Лолита, нехотя рассказывая Гумберту о своем времяпрепровождении в летнем лагере, язвит. Как правило, вопросительное сочетание *Isn't that* переводится как *разве не*, что подтверждают данные параллельного корпуса НКРЯ, а вариант с лексемой *правда* встречается значительно реже. Однако именно у Набокова это обнаруживается сразу в нескольких произведениях, причем как переведенных с английского на русский, так и с русского на английский, поэтому мы вполне можем отнести это к его авторскому почерку. Пример из романа «Подвиг», который с русского на английский перевел сын писателя Дмитрий Набоков под редакцией отца: *Посмотри, как там хорошо освещено, правда? (Look, isn't that cliff beautifully lit up over there?)* (В. Набоков. Подвиг. 1931).

В этом фрагменте «Лолиты» такой вариант перевода представляется уместным, поскольку *правда* лучше передает саркастический оттенок сказанного, в отличие от *разве не*, которое более нейтрально апеллирует к мнению собеседника. При этом *правда* ставится в конец предложения, что делает ее очень близкой к вопросительной конструкции *не правда ли?*, которая обычно сопровождает очевидное для обоих собеседников утверждение и является скорее этикетной и риторической, ср.: *Хороший денек, не правда ли?* Поэтому в данном случае можно предположить, что использована как бы усеченная, разговорная и менее формальная версия того же вопроса. Эта единица, согласно Киселевой и Пайару, имеет семантику адекватности между высказыванием и положением вещей, которое оно выражает [Пайар 2003: 13].

В русском тексте также появляются новые дискурсивные единицы: *впрочем*, *вот еще что*. *Впрочем* частично эквивалентна *No*, однако передает еще некоторое колебание говорящего, поскольку часто в разговорной

речи употребляется при обрыве начатой мысли для обозначения перехода к другой, в то время как *No* отрицает сказанное ранее. *Вот еще что* работает на привлечение внимания собеседника и в данном контексте передает, что говорящий наконец-то вспомнил то, что хотел сказать.

Отдельно рассмотрим случай прагматической обязательности дискурсивной единицы. Понятие прагматической обязательности, которое ввели И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев, касается ситуаций, когда отсутствие некоторой дискурсивной единицы не нарушает грамматической правильности предложения, но при этом порождает ложную импликацию или нарушает связность текста [Шмелев 2017: 397]. Например: *I'll be back* (*Я еще вернусь*). Без единицы *еще* фраза теряет оттенок угрозы.

В русском языке, в отличие от английского, есть только одно прошедшее время, однако с помощью незаметной дискурсивной частицы Набокову удалось передать весьма тонкий временной и пространственный аспект:

“Whose cat has scratched poor you?” A full-blown fleshy handsome woman of the repulsive type to which I was particularly attractive.

«Чья *это* кошка *так* расцарапала вас, бедного?» — восклицала спелая, мясистая, красивая женщина — отталкивающего для меня типа, из тех, которым я всегда особенно нравился.

В русском тексте появляется частица *это*, которая, помимо эмфатической, в данном случае еще выполняет дейктическую функцию, поскольку, согласно словарю Ефремовой, может употребляться при указании на что-либо близкое, находящееся в непосредственной близости от говорящего. Таким образом, частица показывает, что речь идет о недавнем событии, которое имеет непосредственное отношение к настоящему времени: женщина видит на коже Гумберта царапины и задает вопрос. Английское же предложение образовано с глаголом в Present Perfect, то есть в форме, которая привязывает результат действия к настоящему времени. Также здесь появляется частица *так*, которая указывает на степень признака, подчеркивает его (в данном случае опущено слово *сильно*, которое и является признаком).

5. Сопоставительный анализ английского оригинала и авторского перевода «Лолиты» позволяет увидеть, что дискурсивные единицы в значительной степени влияют на восприятие текста читателем и переводчику следует внимательно относиться к служебным частям речи. Более того, не различая тонкостей семантики дискурсивных единиц, переводчик не сможет адекватно передать чувства героя, нюансы взаимоотношений между персонажами или авторскую иронию.

Проведенное исследование приводит еще к одному выводу: русский текст оказывается более эмоционально насыщенным, чем английский, следовательно, мы можем предположить, что русская языковая культура в принципе допускает или даже требует более выраженного проявления эмоций. Владимир Набоков выполнил очень качественный авторский перевод романа, и, несмотря на потерю некоторого фонетического шарма, ему удалось восполнить утрату за счет развития прагматической и экспрессивной окрашенности текста.

Источники

Набоков В. В. Собрание сочинений американского периода. Т. 2. СПб.: Симпозиум, 2008. 672 с.

Набоков В. В. Лолита : пер. с англ. автора / В. В. Набоков; общ. ред. К. Красник. СПб.: Азбука, 2015. 448 с.

Nabokov V. V. Lolita. London, Penguin Books, 2006. 361 p.

Национальный корпус русского языка. Параллельный корпус (английский) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-parallel.html>

Литература

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.

Викторова Е. Ю. Функционирование дискурсивных слов с диффузным значением // Вестник Томск. ун-та. 2014а. № 383. С. 27–34.

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Флинта, 2001. 356 с.

Киселева К. Л., Пайар Д. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство (Глава 1). М.: Азбуковник, 2003. С. 8–26.

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Выпуск 2. К–О, М.: Языки славянской культуры, 2017. 864 с.

Рачёва А. А. Дейктические единицы ЗДЕСЬ, ТУТ и ТАМ в устной речи: маркирование дискурсивных процессов / А. А. Рачёва // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 257–272.

Шмелев А. Д. Семантика и прагматика «мелких слов» в зеркале перевода // Семантика и прагматика языковых единиц: доклады Междунар. науч. конф., Калуга, 20–22 сентября 2019 г. / редкол. А. Н. Еремин (отв. ред.) [и др.]. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2019. 332 с.

- Шмелев А. Д., Зализняк Анна А. Реверсивный перевод как инструмент лингвистического анализа дискурсивных слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 16 (23). Москва: Изд-во РГГУ, 2017. С. 394–406.
- Levontina I., Shmelev A. The particles one cannot do without // East–West Encounter: Second International Conference on Meaning ↔ Text Theory. Moscow, 2005, pp. 258–267.

References

- Baranov A. N., Plungyan V. A., Rakhilina E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to discursive words of Russian]. Moscow, Pomovskii i partnery Publ., 1993. 207 p.
- Efremova T. F. *Tolkovyi slovar sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka* [Glossary of Russian structural parts of speech]. Moscow, Flinta Publ., 2001. 356 p.
- Kiseleva K. L., Paiar D. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo (Glava 1)* [Discursive words of the Russian language: context variation and semantic integrity (Chapter 1)]. Moscow, 2003, pp. 8–26. (In Russ.)
- Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi*. [Explanatory dictionary of Russian everyday speech]. Issues 2. Moscow. Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2017. 864 p.
- Levontina I., Shmelev A. [The particles one cannot do without]. East–West Encounter: Second International Conference on Meaning ↔ Text Theory. Moscow, 2005, pp. 258–267. (In Russ.)
- Racheva A. A. [The deictic units “zdes” (here), “tut” (here) and “tam” (there) in oral speech: marking of discursive processes]. *Siberian Journal of Philology*, 2018, no. 4. (In Russ.)
- Shmelev A. D. *Semantics and pragmatics of “small words” in the mirror of translation. Semantics and pragmatics of language units*. Kaluga State University, 2019. 332 p. (In Russ.)
- Shmelev A. D., Zalizniak Anna A. [Reverse translation as a tool for analysis of discourse words]. *International Conference “Dialog 2016” on Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Moscow, 2017, pp. 394–406. (In Russ.)
- Viktorova E. Yu. [Functioning of discourse markers with indefinite meaning]. *Tomsk State University Journal*, no. 383 (2014), pp. 27–34. (In Russ.)

Посвящается 200-летию со дня рождения
Н. А. Некрасова (1821–2021)

Семантические доминанты в повести Н. А. Некрасова «Жизнь Александры Ивановны»

Мадина Александровна Фокина¹, Любовь Алексеевна Ермакова²,
Костромской государственный университет (Россия, Кострома), madi.fokina@mail.ru¹, s.eadem@mail.ru²

DOI: 10.31857/S013161170017244-7

аннотация: В статье рассматриваются семантические доминанты — заглавия отдельных частей повести Николая Алексеевича Некрасова «Жизнь Александры Ивановны», являющиеся ярким языковым средством выражения авторской позиции. Цель исследования — филологический анализ доминантных лексем в контекстном окружении, выявление их места и роли в повествовательной структуре художественного текста, экспликации концептуального содержания произведения. В статье последовательно характеризуются лексемы *карета* — *коляска* — *дрожки* — *дроги*, которые именуют средства передвижения по городу, отражают ухудшающееся материальное положение главной героини и образуют градацию. Анализируемые доминанты реализуют в тексте повести не только свое прямое значение, но и получают метафорическое переосмысление: становятся символическим обозначением социального статуса молодой женщины в разные периоды ее жизни. Доминанта *ка-рета* — название первой главы произведения, активно употребляясь далее в последующих частях повести, создает в тексте семантические противопоставления с другими доминантными лексемами общего градационного ряда: *карета* — *коляска*; *карета* — *дрожки*; *карета* — *дроги*. В заключение делается вывод о том, что семантические доминанты

способствуют развитию сюжета, создают динамику характеров и событий, объединяют отдельные части произведения в общее художественное повествование. Они обладают смысловой объемностью, образуют тесное семантическое взаимодействие с лексико-фразеологическим окружением. Доминантные лексемы участвуют в формировании текстовой модальности, создании стилистических фигур (градации и антитезы), а также являются средством авторской иронии и философских обобщений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семантическая доминанта, художественное повествование, градация, антитеза, ирония, символ, философское обобщение

для цитирования: Фокина М. А., Ермакова Л. А. Семантические доминанты в повести Н. А. Некрасова «Жизнь Александры Ивановны» // Русская речь. 2021. № 5. С. 118–127. DOI: 10.31857/S013161170017244-7.

The Language of Fiction

Dedicated to the 200th anniversary
of N. A. Nekrasov (1821–2021)

Semantic Dominants in N. A. Nekrasov's Novella "Life of Alexandra Ivanovna"

Madina A. Fokina¹, Liubov A. Ermakova², Kostroma State University (Russia, Kostroma),
madi.fokina@mail.ru¹, s.eadem@mail.ru²

ABSTRACT: The article examines the semantic dominants — the titles of individual parts of Nikolai Alekseevich Nekrasov's novella "The Life of Alexandra Ivanovna", which are a vivid linguistic means of expressing the author's viewpoint. The aim of the study is to carry out a philological analysis of the dominant lexemes in a contextual environment, identifying their place and role in the narrative structure of the literary text, and revealing the conceptual contents of the piece of writing. The article characterizes the lexemes

carriage-cab-droshky-cart, that name means of transportation around the city, reflect the deteriorating financial situation of the main character and form a gradation. The dominants under analysis not only bare their direct meaning in the text of the novella, but also receive a metaphorical interpretation: they become a symbol of a social status of the young woman at different periods of her life. The dominant lexeme *carriage*, which is the title of the first chapter of the work, is actively used further in the subsequent parts of the story, creating in the text semantic oppositions with other dominant lexemes of the general gradation series: *carriage-cab*; *carriage-droshky*; *carriage-cart*. The article concludes that the semantic dominants contribute to the development of the plot, create the dynamics of characters and events, and combine individual parts of the work into a common fictional narration. They have large semantic capacity and form a close semantic interaction with the lexical and phraseological environment. Dominant lexemes are involved in the formation of text modality, the creation of stylistic figures (gradations and antitheses), and are also a means of the author's irony and philosophical generalizations.

KEYWORDS: semantic dominant, artistic narration, gradation, antithesis, irony, symbol, philosophical generalization

FOR CITATION: Fokina M. A., Ermakova L. A. Semantic Dominants in N. A. Nekrasov's Novella "Life of Alexandra Ivanovna". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 5. Pp. 118–127. DOI: 10.31857/S013161170017244-7.

Художественное творчество Николая Алексеевича Некрасова вызывает устойчивый научный интерес и неоднократно становилось объектом активного изучения в отечественной филологии. Исследователи традиционно обращают внимание на усиление сюжетно-повествовательного начала некрасовской лирики, творческое освоение русского фольклора, полифонию и широкий стилистический диапазон поэтических текстов. Некрасов активно использует песенные ритмы и интонации, анафоры, синтаксический параллелизм, различные текстовые повторы, трехсложные размеры стиха с глагольными рифмами, фольклорную гиперболу, поэтически обыгрывает русские пословицы, привлекает разговорную лексику, народную фразеологию и диалектизмы, смело включает разные речевые стили — «от бытового до публицистического, от народного просторечия до фольклорно-поэтической лексики, от ораторско-патетического

до пародийно-сатирического стиля» [Лебедев 1990: 78]. В лингвистическом аспекте ученых в большей степени привлекают поэтические произведения писателя. Меньше изучен язык ранней прозы Некрасова, в которой нашли отражение его петербургские впечатления, повседневная жизнь людей разного социального положения, нелегкая судьба начинающего литератора в столичном городе. В 1840-е годы молодой писатель создает оставшийся незавершенным автобиографический роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», повесть «Жизнь Александры Ивановны», рассказы. В это время Некрасов сближается с писателями «натуральной школы», сторонниками гоголевского направления русского реализма.

Жанр прозаического произведения «Жизнь Александры Ивановны» определяется автором как «повесть в четырех экипажах». Художественное повествование включает соответственно четыре главы, которые имеют следующие названия: «Карета», «Коляска», «Дрожки», «Дроги». Именования средств передвижения по городу отражают ухудшающееся материальное положение главной героини и образуют градационный ряд: *карета* 'закрытый со всех сторон четырехколесный экипаж на рессорах'; *коляска* 'четырёхколесный рессорный экипаж с откидным верхом' [Евгеньева (ред.) 1985: 33; 80]; *дрожки* 'легкий открытый экипаж'; *дроги* 'длинная телега без кузова, передок и задок которой соединены продольными брусьями' [Евгеньева (ред.) 1986: 447; 448]. Если *карета*, *коляска*, *дрожки* — разновидности экипажа (*экипаж* франц. «упряжка» — 'легкая рессорная повозка') [Крысин 2011: 828], то *дроги* — это грубая телега. Заголовочные лексемы занимают сильные позиции текста и являются семантическими доминантами повести. Доминанта представляет собой «функциональное и/или ценностное преобладание одного компонента в структуре текста, жанра или культурного явления» [Гюнтер 2008: 62]; это «фокусирующий компонент» текста, который «управляет, определяет и трансформирует остальные компоненты» и, таким образом, «обеспечивает интегрированность структуры» [Якобсон 1996: 119]. Текстовые доминанты подразделяются на тематические, композиционные, концептуальные, эмоциональные [Николина 2003: 167]. Являясь заглавием целого произведения или его части (главы), семантическая доминанта становится одним из важных средств выражения авторской позиции. Доминантные лексемы *карета* — *коляска* — *дрожки* — *дроги* реализуют в тексте повести Некрасова не только свое прямое значение ('средство передвижения, повозка'), но и получают метафорическое переосмысление: становятся символическим обозначением социального статуса молодой женщины в разные периоды ее жизни. При этом доминанта *карета* — название первой главы произведения, активно употребляясь в последующих частях повести, создает в тексте семантические противопоставления

с другими доминантными лексемами общего градационного ряда: *каре-та — коляска; карета — дрожки; карета — дроги*.

Символические характеристики динамики жизни как сложного путешествия, метафорические изображения средств передвижения по жизненному пути являются традиционными в русской классической литературе XIX века. Лирическое стихотворение А. С. Пушкина «Телега жизни» (1823), название которого является генитивной метафорой, содержит философско-иронические описания разных периодов человеческого бытия — юности, зрелости и старости. В поэтических произведениях Е. А. Баратынского «Дорога жизни» (1825) и П. А. Вяземского «Коляска» (1826) также представлены развернутые метафоры трудного жизненного пути с неизбежными испытаниями и преодолениями.

Н. А. Некрасов описывает жизнь молодой женщины на протяжении десяти лет, последовательно изображая постепенное обнищание некогда благополучной содержанки, оставленной своим покровителем. Александра Ивановна, незаконнорожденная дочь знатной графини и бывшего крепостного крестьянина, воспитанная в богатом доме, после смерти отца и отъезда своей влиятельной матери за границу осталась без средств существования. На юную красавицу обратил внимание молодой обеспеченный франт Орест Андреевич Сабельский, «человек довольно пустой и ветреный, неспособный ни к каким глубоким ощущениям», «до крайности избалован счастьем» [Некрасов 1985: 391–392]. Неопытная доверчивая девушка искренне влюбилась в своего спасителя, который окружил ее роскошью, обеспечил достойным жильем и дорогим модным экипажем.

В первой главе «Карета» действие начинается в центральной части Петербурга: автор упоминает Невский проспект, Исакиевскую площадь, Английскую набережную. По этому маршруту ехала «*карета*, запряженная четверкою рослых вороных лошадей»; «на козлах сидел кучер, парадно разодетый; на запятках стояли два лакея в богатых ливреях» [Некрасов 1985: 386]. Из кареты выпрыгнула молодая дама, «легкая, как серна», «лицо ее было прекрасно», «стан гибок и строен», «ножка изящна и привлекательна» [Некрасов 1985: 386]. Подъехав к изысканному дому на Английской набережной, Александра Ивановна неожиданно узнала, что у ее покровителя Сабельского состоится свадьба: возлюбленный решил жениться и отдал швейцару строгое распоряжение не впускать бывшую любовницу. Внезапная новость потрясла молодую даму. Вернувшись к себе, в небольшой, прекрасно отделанный деревянный домик, она «кинулась головой на подушку и горько заплакала» [Некрасов 1985: 388]. Злобная, сварливая мачеха Анна Тарасьевна, кроткая и покорная в пору их общего семейного благополучия, упрекает падчерицу: «уймитесь-ка

вы лучше плакать, да нечего даром-то сидеть — прошла коту масленица; надо будет за работу приниматься»; «а то захотелось, вишь, барыней жить»; «придется скоро ходить по миру; где нам работать; мы, вишь, привыкли ко всему готовому, любим ездить *в карете*, ходить под ручку-с» [Некрасов 1985: 388–389]. В репликах мачехи создается антитеза, которая раскрывает социальные контрасты жизни: *прошла коту масленица; за работу приниматься; ходить по миру* (характеристики честного, но бедного существования в нужде, трудах и заботах) — *барыней жить; привыкли ко всему готовому; ездить в карете, ходить под ручку-с* (о праздном бесчестье, роскоши продажной жизни). Символом материального благополучия становится здесь доминантная лексема *карета*, которая далее активно употребляется и в последующих частях произведения, образует своеобразный рефрен, цикличность повествования.

Во второй главе «Коляска» изображаются события, которые произошли с главной героиней через полтора года. Александра Ивановна с мачехой перебрались жить на дальнюю линию Васильевского острова. На пасхальной неделе молодая женщина отправилась на прогулку на Исакиевскую площадь «в коляске, запряженной парой», одета она была «просто, но довольно изящно» [Некрасов 1985: 389]. Коляской, которая была «как две капли воды похожа на все коляски мира», ее обеспечил владелец каретного завода Карл Федорович, имеющий серьезное намерение жениться на Александрине. Но случилось так, что Сабельский, увидев на улице свою бывшую содержанку, последовал за ней и пытался объясниться, войдя в ее квартиру. В это время появился Карл Федорович, изумился присутствию молодого мужчины и принял решение порвать с невестой: «А я уж было приготовил *новую карету*, вместо *старой коляски*, которую вам дал покуда на подержание... Я нарочно торопил моих мастеровых, чтоб поскорей можно было праздновать свадьбу... За что вы меня так обидели?.. Прощайте, бог с вами!.. Пойду опять заниматься своим *каретным мастерством*: авось забуду вас...» [Некрасов 1985: 392–393]. В отчаянии мачеха, жалуясь на «горемычное жильё», снова отчитывает падчерицу: «Богатый человек, свой *каретный завод* имеет... Уж чего он для нас не делал. Он и долги-то заплатил, и одежды-то тебе нашил, и *коляску-то* прислал... вишь, нежна больно... привыкла *кататься, как сыр в масле*... пешком ходить не можешь... Как ты перед женихом-то осрамилась...» [Некрасов 1985: 393]. Описывая трагикомическую ситуацию, Некрасов создает иронический контекст путем использования антитезы *новая карета — старая коляска*, текстового повтора *карета — каретное мастерство — каретный завод*, двойной актуализации семантики фразеологизма с компонентом — глаголом движения *кататься как сыр в масле* разг. экспрес. 'жить в довольстве, в полном достатке' [Федоров 1997: 294].

Третья глава «Дрожки» содержит кульминационные эпизоды повествования: автор рассказывает о еще одной безуспешной попытке героини попасть в дом Сабельского и о внезапном визите графини в ее бедное жилище. Обнищавшая Александра Ивановна уже не имеет в своем распоряжении никакого экипажа, она вынуждена нанимать скромные дрожки и торговаться с извозчиками за каждую копейку. Она снимает дешевую комнату в доме с подвалами на Петербургской стороне. Преодолев свою гордость и уступив настоятельным требованиям мачехи, Александрина в простой и поношенной одежде снова едет на Английскую набережную «просить милостыни» у человека, которого она уже презирает и ненавидит. Прошло четыре года, как она рассталась с Сабельским. В его дом ее опять не впустили: швейцару было велено говорить, что хозяин уехал за границу. Но когда опечаленная женщина собиралась на дрожках вернуться к себе, к дому Сабельского подъехала роскошная карета, в которую сели мужчина и дама: «*Карета* быстро промчалась мимо *дрожек*. Грязь от колес ее брызнула на платье и лицо...» [Некрасов 1985: 397–398]. Александра Ивановна, «следя глазами за удаляющейся *каретой*», поняла, что Сабельский не хочет ее принимать. Антитеза *какета* — *дрожки* углубляет драматизм повествования о нищей жизни молодой женщины. Вернувшись домой, Александрина вновь вынуждена выслушивать упреки мачехи: «Как подумаю, что мне, старухе, не сегодня-завтра придется взять суму да *идти по миру*, так на сердце и заскребет... А как пораздумаешь да поразгадаешь — так во всем виноват он, злодей наш, чтоб ему ни дна, ни покрывки...» [Некрасов 1985: 397]. Фразеологический повтор *ходить по миру* (глава 1) — *идти по миру* (глава 3) соединяет две части произведения в единое повествовательное пространство, способствует развитию действия, характеризует ухудшающееся материальное положение героев, является выразительным средством речевой характеристики мачехи (*идти (ходить) по миру* разг. 'нищенствовать, побираться') [Федоров 1997: 276]. Анна Тарасьева уговаривает Александрину обратиться за помощью к ее благодетельнице, графине, которая, как стало известно, давно вернулась в Россию и разыскивала любимую воспитанницу. Молодая женщина не посмела обеспокоить барыню: ей стыдно признаться, что она была содержанкой состоятельного мужчины. Но графиня сама нашла Александрину и приехала к ней в шикарной карете: «Каково же должно быть удивление Анны Тарасьевны, которая вдруг увидела из окон своей бедной комнаты *карету*, красивую, новомодную, запряженную четверкою лихих лошадей» [Некрасов 1985: 398]. Графиня обрадовалась встрече с Александриной, обещала позаботиться о ней, взять на обеспечение в свой дом. Сожалея о нищей жизни воспитанницы, графиня решительно заявила, что «честная

бедность все-таки лучше богатого бесчестья» [Некрасов 1985: 399]. После этих слов Александрина не смогла скрыть свой позор: «обратите свои милости на другую: я недостойна их»; «вы будете гнушаться мною»; «я не предпочла, как вы говорите, честной бедности богатому бесчестию» [Некрасов 1985: 400]. После такого откровенного признания Александры Ивановны с графиней случился приступ, «больную отнесли на руках в карету, которая тихим, осторожным шагом отправилась в ее дом» [Некрасов 1985: 401]. Повторяющаяся фраза *Честная бедность лучше богатого бесчестья*, построенная на антитезе, объединяет субъектно-речевые планы графини и Александрины, раскрывает концептуальное содержание повести (ср. с известной поговоркой *Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом*), способствует смысловому развертыванию метафорического противопоставления, выраженного в контексте главы доминантными лексемами *карета — дрожки*.

Глава четвертая «Дроги» служит развязкой повествования, рассказывает о скромных похоронах несчастной Александры Ивановны. После ее расставания с графиней прошло шесть лет. Все эти годы Александрина отказывалась принять помощь от своей благодетельницы, так и не узнала, что она ее родная мать, и жила на гроши, стирала одежду господам. В финальной главе также создается антитеза, которую образуют доминантные лексемы *дроги — карета*. Сначала автор описывает «печальный поезд, который тянется по направлению к церкви Спаса в Бочарной» на Выборгской стороне Петербурга: «Простые дроги, запряженные в одну лошадь, и на них гроб, — белый, ничем не обитый, без всяких украшений» [Некрасов 1985: 402]. Затем появляется карета, в которой проститься с Александрой Ивановной приехала старая графиня: «неужели эта богатая, великопепная карета, которая шагом идет в отдалении, принадлежит к печальному поезду...» [Некрасов 1985: 402]. Совсем случайно на месте похорон оказался Сабельский, мимо проезжавший на коляске к месту его будущей дачи на самой окраине города. Мрачные похороны на Охтенском кладбище завершаются печально: графиню без чувств опять отнесли в карету; Сабельский «во все пребывание на кладбище ходил потупя голову» [Некрасов 1985: 405].

Эпилогом повествования становится завершающий абзац, представляющий собой дидактическое размышление о бренности земной жизни: «Смерть ближнего, самый лучший урок для человека, сильно потрясает здание его суетности; но проходит время... впечатление слабеет... и все забыто! Люди снова хлопчут, враждуют друг против друга, думают, придумывают. Хитрят, снова лезут из кожи для достижения минутного непрочного блага; снова они ходят, бегают, ездят в каретах, колясках,

дрожках до тех пор, пока смерть не подаст им общий экипаж человечества — *дроги!*» [Некрасов 1985: 405]. Доминантная лексема *дроги* приобретает дополнительный метафорический смысл: ее семантизация осуществляется созданием перифрастического выражения *общий экипаж человечества*. В финале повести доминанта *дроги* обобщает философские рассуждения автора: перед лицом вечности нет социальных и материальных различий, бедные и богатые люди приходят к одному и тому же жизненному итогу — смерти. Писатель создает выразительные генитивные метафоры, которые семантически взаимодействуют в контексте: *здание суетности* (человеческая жизнь с повседневными мелкими заботами) — *общий экипаж человечества* (последний путь всех людей в мир иной).

Таким образом, семантические доминанты в повести Николая Алексеевича Некрасова «Жизнь Александры Ивановны» занимают центральное место в повествовательной структуре текста. Доминантные лексемы *карета* — *коляска* — *дрожки* — *дроги* способствуют развитию сюжета, отражают динамику характеров и событий, объединяют отдельные главы произведения в общее художественное повествование, образуют тесное смысловое взаимодействие с контекстным окружением, являются важным языковым средством создания авторской позиции, формируют текстовую модальность, эксплицируют концептуальное содержание повести.

Литература

- Гюнтер Х. Доминанта // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 62.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. Т. 1. М.: Русский язык, 1985. 696 с.; Т. 2. М.: Русский язык, 1986. 736 с.
- Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2011. 864 с.
- Лебедев Ю. В. Некрасов Николай Алексеевич // Русские писатели: Библиографический словарь: в 2 т. / под ред. П. А. Николаева. Т. 1. М.: Просвещение, 1990. С. 67–79.
- Некрасов Н. А. Жизнь Александры Ивановны // Некрасов Н. А. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1985. С. 386–405.
- Николина Н. А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 256 с.
- Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. Т. 1. М.: Цитадель, 1997. 391 с.
- Якобсон Р. О. Доминанта // Якобсон Р. О. Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. С. 119–125.

References

- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language. In 4 vols.]. Vol. 1. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1985. 696 p.; Vol. 2. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1986. 736 p.
- Fyodorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka: v 2 t.* [Phraseological dictionary of the Russian literary language. In 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, Citadel' Publ., 1997. 391 p.
- Gyunter H. [Dominant]. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii* [Poetics: dictionary of actual terms and concepts]. Chief editor N. D. Tamarchenko. Moscow, Kulagina Publ., Intrada Publ., 2008, p. 62. (In Russ.)
- Jacobson R. O. [Dominant]. Jacobson R. O. *Yazyk i bessoznatel'noe* [Jacobson R. O. Language and the unconscious]. Moscow, Gnozis Publ., 1996, pp. 119–125. (In Russ.)
- Krysin L. P. *Illyustrirovannyi tolkovyi slovar' inostrannykh slov* [Illustrated explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 864 p.
- Lebedev Yu. V. [Nekrasov Nikolai Alekseevich]. *Russkie pisateli: Biobibliograficheskii slovar'* [Russian writers: biobibliographic dictionary. In 2 vols.] / chief editor P. A. Nikolaeva. Vol. 1. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990, pp. 67–79. (In Russ.)
- Nekrasov N. A. [The life of Alexandra Ivanovna]. Nekrasov N. A. *Izbrannye proizvedeniya* [Nekrasov N. A. Selected works]. Moscow, Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1985, pp. 386–405. (In Russ.)
- Nikolina N. A. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow, Akademiya, 2003. 256 p.

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *О. В. Антонова*

Редакторы *А. В. Занадворова, М. А. Пузина*

Корректор *В. Л. Цумарева*

Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Подписано к печати 28.10.2021 г.

Формат 60×88 ¹/₁₆

Уч.-изд. л. 10,4

Тираж 215 экз.

Зак. 18/5а

Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук

20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту 4У-ЭА-069-20

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»